

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 4 (16)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 4 (16)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Андреянова Н.Н.</i>	кандидат юридических наук
<i>Ефимова О.А.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

- Кривенький А.И.* Влияние основного принципа защиты прав человека на разработку и применение коллизионного законодательства..... 8

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Грудцына Л.Ю.* К вопросу о влиянии конвергенции частного и публичного права на развитие институтов гражданского общества..... 19
- Иванова Н.Ю.* К вопросу о нарушении прав евреев в Российской империи второй половины XIX века (о неправомерном устранении от должности в местном самоуправлении)..... 27
- Томсинов В.А.* Государственный строй абсолютной монархии в Англии: новый взгляд..... 37

Публичное право

- Геворкян Е.Н.* Актуальные проблемы совершенствования государственной политики и законодательства в сфере поддержки талантливых детей и молодежи в условиях действия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» 53
- Куксин И.Н., Каминская Е.А.* О некоторых проблемах предпроектного этапа муниципального правотворческого процесса 63

Частное право

- Иванова С.А.* Частноправовые отношения и развитие гражданского общества в современной России..... 72
- Ситдикова Л.Б.* Понятие и правовая природа договора суррогатного материнства..... 82

Трибуна молодых ученых

- Дашиковская Н.В.* Применение правовых обычаев в деятельности волостных судов Российской империи 89
- Клевцова Н.С.* Легитимность закона и парламентские процедуры 94
- Кочемасов А.В.* Опыт кодификации уголовного права в США в начале XIX в. 102
- Панкова А.П.* Развитие норм уголовной ответственности несовершеннолетних в РСФСР в 1917–1926 гг. 110

Научная жизнь

- Андреянова Н.Н.* Обзор Всероссийской межвузовской научно-практической конференции «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика» памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского (24 апреля 2014 г.)..... 118

Критика. Рецензии. Библиография

- Моисеев А.А.* Рецензия на монографию:
Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации (М.: ВАКО, 2014. 464 с.) 121

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2014, № 4 (16)..... 124**

- Требования к оформлению статей..... 127**

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

<i>Krivenky A.I.</i> The Influence of the Basic Principle of the Protection of Human Rights on the Development and Application of Conflict Law	8
--	---

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Grudtsina L.U.</i> To the Question of Influence of Convergence of Private and Public Law on the Development of Institutes of Civil Society	19
<i>Ivanova N.U.</i> To the Issue of the Infraction of the Jews Rights in the Russia Empire (the Illegal Suspension in the Local Government)	27
<i>Tomsinov V.A.</i> State System of Absolute Monarchy in England: a New Look	37

Public Law

<i>Gevorkyan E.N.</i> Actual Issues of Public Policy and Legislation Improvement in the Support of Talented Children and Youth under the Federal Law «About Education in the Russian Federation»	53
<i>Kuksin I.N., Kaminskaya E.A.</i> About Some Problems of Pre-Development Stage in Municipal Lawmaking Process	63

Private Law

<i>Ivanova S.A.</i> The Private Law Relations and Development of Civil Society in Modern Russia	72
---	----

<i>Sitdikova L.B.</i> The Concept and the Legal Nature of the Contract of Surrogacy	82
--	----

Young Scientists' Platform

<i>Dashkovskaya N.V.</i> Application of Legal Practices in the Activities of Township Courts in the Russian Empire.....	89
<i>Klevtsova N.S.</i> Legitimacy of Laws and Parliamentary Procedures.....	94
<i>Kochemasov A.V.</i> Codification of Criminal Law in the United States at the Beginning of the 19 th Century Scientific Life	102
<i>Pankova A.P.</i> The Evolution of Standards of Juvenile Criminal Responsibility in RSFSR from 1917 to 1926	110

Scientific Life

<i>Andreyanova N.N.</i> The Overview of All-Russia Inter-University Scientific Conference «The Rights and Freedoms of Man and Citizen: Theoretical Aspects and the Practice of Law», the Memory of Professor Felix Mikhailovich Rudinsky (April 24, 2014).....	118
---	-----

Critical Survey. Reviews. Bibliography

<i>Moiseyev A.A.</i> Review of the Monograph: Yastrebova A.Yu. International Legal Mechanisms of Regulation of Migration: Doctrinal Approaches and Experience of Russian Federation (M.: VAKO, 2014. 464 p.).....	121
--	-----

«MCTTU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2014, № 4 (16).....	124
--	-----

Style Sheet.....	127
------------------	-----

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ**

А.И. Кривенький

**Влияние основного принципа
защиты прав человека на разработку
и применение коллизионного
законодательства**

В статье анализируется прямое (непосредственное) и косвенное (опосредованное) влияние основного принципа защиты прав человека на процесс коллизионного законодательства как на международном (так называемая унификация коллизионного права), так и на национальном уровне при принятии нормативно-правовых актов, содержащих материально-правовые и коллизионно-правовые нормы. Показано влияние основного принципа защиты прав человека на применение таких коллизионных принципов выбора права, как принцип наиболее тесной связи и принцип «автономии воли». Доказано благотворное влияние данного принципа при коллизионно-правовом способе регулирования на защиту субъективных прав лиц — участников отношений с иностранным элементом.

Ключевые слова: права человека; принцип защиты прав человека; коллизионное право; коллизионное законодательство; принцип выбора права; коллизионная привязка.

В современных условиях общепризнанные права человека и механизмы их защиты оказывают существенное воздействие на развитие практически всех отраслей права. Глобальные процессы, развивающиеся в современном мире, напрямую ведут к возрастанию роли универсального принципа защиты основных прав и свобод человека, ставшего определенным критерием при разработке и принятии нормативных актов как на национальном, так и на международном уровне. Данный принцип, как справедливо отмечает Р.М. Ходыкин, «непосредственно влияет на развитие международного частного права и процесс правотворчества» [12: с. 238]. Речь идет о правотворчестве не только в материальном, но и в коллизионном праве, представляющем собой ядро системы международного частного права.

Влияние основного принципа защиты прав человека на коллизионное законодательство происходит в одних случаях непосредственно, в других — опосредованно. Объясняется это тем, что нормы, регулирующие права чело-

века, часто двойственны по своей природе. Они имеют или международную, или национальную природу. Например, в ходе защиты субъективных прав участников отношений с иностранным составом применяются соответствующие материальные нормы национального права, а при защите имущественных прав наследователя с наличием коллизии права — унифицированные материальные нормы международных конвенций по наследованию.

Природа коллизионных норм предусматривает несколько функциональных характеристик. Главная из них — установить, право какого государства будет регулировать конкретное отношение с иностранным участником. Коллизионная норма в международном частном праве одновременно является нормой публичного права, так как она рекомендует юрисдикционным органам «применить определенное право» [11: с. 60]: национальное или иностранное. Как процессуальная коллизионная норма создает условия для защиты прав, «позволяя судье эффективно осуществлять свою деятельность». Правда, публичными коллизионные нормы являются «в той степени, в какой они отсылают к праву страны суда», а процессуальными — в той, в какой создают условия для применения материально-правовых норм, к которым они отсылают. При всех названных функциональных характеристиках коллизионные нормы содержатся или в международных нормативно-правовых актах, или «в источниках материального гражданского права».

Опосредованное влияние основного принципа защиты прав и свобод человека на коллизионное нормотворчество выражается в его воздействии на коллизионные принципы, на основе которых формулируется конкретная коллизионная привязка, то есть тот важнейший элемент коллизионной нормы, на основе которого осуществляется отнесение спорной ситуации в правоотношении с иностранным элементом к определенному правопорядку.

Вопрос о коллизионных принципах нуждается в пояснении. Каждое государство создает свое коллизионное право, в своих интересах, основываясь на своих исторических, правовых, культурных и иных традициях. Вне зависимости от того, являются ли коллизионные нормы результатом международной унификации или внутреннего коллизионного законодательства, все они формулируются на основе одинаковых правил, именуемых коллизионными принципами. Эти принципы сложились в процессе становления международного частного права и представляют собой некие обобщенные правила, используемые для построения коллизионных норм. Это может быть коллизионная норма с формулой прикрепления в виде личного закона физического или юридического лица; закона, избранного сторонами гражданского правоотношения; закона места исполнения договора или закона места причинения вреда и т. п. Но в любом случае коллизионная привязка должна содержать четкую установку на справедливое и эффективное регулирование и защиту субъективных прав участников отношений с иностранным составом.

Конечно, значение коллизионной нормы может быть несколько обесценено обращением субъекта за защитой в иностранный суд или к защитной ого-

ворке в пользу закона страны суда, что осложняет реализацию данной нормы. Такая ситуация возможна, но не в виде правила, а в виде исключения из правил применения коллизионной нормы, установленной для субъектов отношений с иностранным элементом.

Реальное влияние основного принципа защиты прав и свобод человека на коллизионное регулирование можно проследить на примере установления содержания иностранного права, к которому отсылает коллизионная норма отечественного права. Содержание норм иностранного права нормативно регулируется ст. 1191 ГК РФ, которая устанавливает: если, несмотря на предпринятые в соответствии с данной статьей меры, содержание норм иностранного права не установлено в разумные сроки, применяется российское право. Стороны отношений с иностранным составом также могут участвовать в определении сути содержания норм иностранного права, предъявляя документы, на которые они ссылаются при обосновании своих требований, или содействовать этому иным образом. Если же все перечисленные в законе способы установления содержания норм иностранного права оказались неэффективными, то, в соответствии со ст. 1191 ГК РФ, применяется российское право.

Следовательно, даже в самых сложных обстоятельствах коллизионного регулирования, когда отечественная коллизионная норма отсылает к иностранному правопорядку, а суду и лицам, участвующим в деле, не удастся установить содержание иностранного права, отношение с наличием иностранного элемента все равно будет урегулировано национальным правом.

Коллизионные нормы применяются в ходе регулирования отношений, складывающихся в условиях международного хозяйственного обмена, при наличии коллизии между законами и при отсутствии унифицированных материально-правовых норм. Но даже в этих случаях обязательность применения коллизионных норм соблюдается далеко не всеми национальными правовыми системами. Так, французские суды обязаны применять коллизионную норму только в одном случае: когда спор возникает в той сфере, где стороны не обладают способностью свободного определения своих прав (вопросы наследования, определения дееспособности лица). Как же в таких случаях регулировать отношения и защищать субъективные права иностранных и своих лиц?

Ответ на этот вопрос зависит от того, в суде какой страны рассматривается дело. Если это право Франции или Бельгии, где применение коллизионной нормы не обязательно в определенных случаях, будет применено национальное право. Напротив, если это право Италии, то существует вероятность применения коллизионной нормы по ходатайству сторон. Следовательно, в этом случае может быть применено иностранное право. В России господствует преимущественно германское понимание обязательности применения коллизионной нормы, построенной на принципе уважения к ней.

Влияние основного принципа защиты прав и свобод на коллизионное регулирование можно проследить также на примере обращения участников от-

ношений с иностранным элементом к «публичному порядку» или к применению императивных норм страны суда.

Так называемая оговорка о публичном порядке является производной от суверенного характера государственной власти в пределах своей территории. Иностранное право, к которому отсылает отечественная коллизионная норма, может оказаться несовместимым с национальным правом, поэтому его применение будет противоречить основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации (ст. 1193 ГК РФ). Применение чуждого российскому правопорядку материально-правового закона иностранного права может противоречить интересам сторон отношения, нравственным устоям, отраженным в национальном праве, интересам общества и государства. Чтобы снять основания такого противоречия, в соответствии со ст. 1193 ГК РФ, будет применена норма российского права. Таким образом, не только снимается противоречие, но и торжествует справедливость в деле защиты субъективных прав лиц, несмотря на то, что правоприменительная практика разных государств имеет неодинаковые подходы к установлению объема и содержания оговорки о публичном порядке.

Помимо оговорки о публичном порядке, представляющей собой своеобразный фильтр, пройдя через который, иностранное право может быть применено в другой юридической среде, существует проблема императивных норм национального законодательства в процессе применения права, избранного сторонами на условиях «автономии воли» сторон (*lex voluntatis*).

Как доктрина, так и практика многих стран, как замечает по этому поводу В.П. Звеков, «сходятся во мнении о существовании “сверхимперативных” норм, которые, не являясь частью “публичного порядка” и функционируя помимо, действуют независимо от коллизионных правил, практически устранив их применение» [1: с. 195]. Не вдаваясь в полемику по поводу вопросов, возникающих в связи с действием «строго» императивных норм в процессе коллизионно-правового способа регулирования, заметим, что «истолкование любой императивной нормы частного права как ограничивающей действие коллизионной нормы “своего” права» исключило бы возможность реализовывать защиту субъективных прав. В этом отношении справедливым является утверждение О.Н. Садикова о том, что «наряду с публичным порядком действуют строго императивные нормы национального права, которые должны иметь приоритет перед нормами применимого иностранного права» [10: с. 81].

Таким образом, влияние основного принципа защиты прав человека на процесс коллизионного нормотворчества и коллизионно-правового способа регулирования в сфере действия коллизионных норм международного частного права является определяющим фактором при защите субъективных прав лиц — участников отношений МЧП. Несмотря на юридико-технические трудности регулирования отношений в случае отсылки коллизионной нормы к иностранному праву, в МЧП существуют исторически сложившиеся спосо-

бы, препятствующие применению иностранного права в случае его противоречия с правом страны суда. Поэтому и при коллизионно-правовом способе регулирования гарантируется справедливая защита субъективных прав участников отношений с иностранным составом.

Каковы главные особенности влияния основного принципа защиты прав человека на коллизионное законодательство? В зависимости от механизма создания и механизма применения, коллизионные нормы подразделяются на национальные и международные. Национальные коллизионные нормы содержатся в национальных нормативно-правовых актах и составляют основу международного частного права каждого государства в отдельности, а международные — в соответствующих международных конвенциях, принятых заинтересованными государствами. И хотя данные нормы призваны регулировать частноправовые отношения с наличием иностранного элемента, они не теряют своей природы на протяжении всего периода своего существования, т. е. являются обособленными друг от друга.

Коллизионная норма обладает следующими особенностями: не определяя непосредственно права и обязанности субъектов правоотношений, она содержит принцип, «руководствуясь которым мы можем выбрать подлежащее применению право» [2: с. 131]. Эффект правового регулирования с помощью коллизионной нормы, замечает Л.А. Лунц, достигается в совокупности с той материально-правовой нормой, к которой она отсылает [6: с. 105].

Правоотношение по своему существу является материально-правовой юридической конструкцией, а попытки обосновать коллизионное правоотношение можно считать выдумкой фантазеров от юриспруденции. С этой точки зрения, влияние основного принципа защиты прав человека на нормотворчество материально-правового характера зиждется на социальном предназначении права, которое по своему значению ближе всего к понятиям «правда» и «справедливость» [9: с. 96]. Стремление законодателя воплотить принцип справедливости в законах и других юридических источниках права свойственно позитивному праву, создаваемому от имени государства в качестве официального эталона справедливости, признанного в данном обществе. Можно считать, что основной принцип защиты прав человека воплощается в самой структуре материально-правовой нормы, выраженной в наличии гипотезы, диспозиции и санкции.

Иначе обстоит дело с позитивным коллизионным правом. Отсылочный характер коллизионных норм означает, что в их тексте нет сочетания гипотезы, диспозиции и санкции — неотъемлемого качества материально-правовой нормы. Коллизионные нормы состоят из объема и привязки, а непосредственное их действие предполагает наличие соответствующего материального права. Поэтому влияние основного принципа защиты прав человека на коллизионное нормотворчество осуществляется, как уже отмечалось, посредством влияния на тот принцип, на основе которого определяется коллизионная при-

вязка. Например, в ст. 1205 установлен следующий принцип: «Содержание права собственности и иных вещных прав на недвижимое и движимое имущество, их осуществление и защита определяются по праву страны, где это имущество находится». Следовательно, наиболее оптимальная, отвечающая интересам собственника защита вещных прав может быть обеспечена только на основании закона страны, где находится объект таких прав — недвижимое или движимое имущество. При отсутствии соглашения сторон о праве, подлежащем применению к договору в отношении недвижимого имущества (п. 1. ст. 1213), применяется тот же принцип определения коллизионной привязки: право страны, где находится недвижимое имущество, если иное не вытекает из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела.

Возникновение права собственности на судно и другие вещные права на него, согласно п. 1 ст. 415 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, а также «переход и прекращение таких прав определяется законом государства флага судна» [4: с. 124]. Здесь присутствует принцип флага государства, в котором судно зарегистрировано. В п. 2 ст. 156 Семейного кодекса Российской Федерации при заключении брака граждан России с иностранцем (кой) основным принципом, определяющим коллизионную привязку, является принцип гражданства лиц, вступающих в брак. В итоге коллизионная привязка отсылает правоприменителя к праву государства, «гражданином которого лицо является в момент заключения брака».

В процессе коллизионного нормотворчества в международном частном праве законодатель обязан ориентироваться на исторически сложившиеся «максимально обобщенные правила, которые чаще всего используются для построения коллизионных норм» [8: с. 118]. Применение коллизионной привязки к конкретным фактическим обстоятельствам «ведет к выбору права того государства, которое в состоянии компетентно регулировать конкретное трансграничное частноправовое отношение, указанное в объеме этой нормы». Именно выбор наиболее компетентного применимого права в наибольшей степени может обеспечить справедливую защиту прав участников отношений с наличием иностранного элемента.

Влияние основного принципа прав человека весьма заметно и в воздействии на изменение принципов выбора применимого права. Касаясь этой проблемы, П.Е. Казанский отмечал: задача гражданского права народов (так П.Е. Казанский называл международное частное право. — *А.К.*) — создать правовой всемирно-гражданский оборот, «дать охрану интересам личности, поскольку она не может получить этой охраны от своего собственного отечества» [3: с. 498]. И если, продолжает далее П.Е. Казанский, отдельные образованные государства и заключают между собой договоры насчет взаимного признания основных гражданских прав своих подданных, то имеется в виду не наделение их новыми правами, а выяснение и установление этих

прав, «давно уже всеми признанных, и указание, законами какого государства должны они определяться в подробностях». Это может быть закон государства постоянного места жительства участника отношения, личный закон физического лица (в континентальном праве — гражданство, в общем праве — местожительство), места деятельности юридического лица, местонахождение вещи, местонахождение суда, места действия и т. п.

Столетиями правила определения наиболее компетентного материально-правового акта для регулирования отношений с наличием иностранного состава не могли не меняться. Но с законодательным закреплением основного принципа защиты прав человека в международном и внутреннем праве государств именно он все чаще становится главным основанием для выбора оптимального закона. Однако сложность выбора применимого права и теперь упрощается незначительно, так как не существует полной согласованности основных понятий, входящих в объем и привязку коллизионных норм международного частного права разных государств.

Поэтому, руководствуясь основным принципом защиты прав человека, правоприменитель должен определить, какая из коллизионных привязок является наиболее эффективной, которую следует использовать для отсылки к компетентному материально-правовому закону своего или иностранного государства. При этом государство не может препятствовать своему суду применить свой или иностранный закон, разумеется, указав границы и условия его применения.

Современная концепция международного частного права исходит из того, что отношение будет урегулировано оптимальным образом правом того государства, с которым данное отношение наиболее тесно связано (*proper law*). Впервые этот принцип определения применимого права был обоснован Альбериком де Рошате, ученым-юристом итальянской школы в XIV в. В XIX в. он был более детально разработан Савиньи и затем закреплен в коллизионном законодательстве большинства цивилизованных государств [5: с. 19].

Нередко эту формулу прикрепления используют при выборе права для регулирования всех частноправовых отношений с иностранным элементом, но наиболее часто эта формула прикрепления применяется в договорных обязательствах в международном частном праве. Ученые из Великобритании Дж. Чешир и П. Норт подчеркивают: если свойственное договору право не выбрано сторонами в прямо выраженной форме, оно зависит от локализации договора. Это «та правовая система, применительно к которой договор был заключен, или та правовая система, с которой сделка имеет наиболее реальную связь» [13: с. 261].

Хотя истоки данного способа выбора применяемого права своими корнями уходят в общее право, он был воспринят и в континентальной судебной и арбитражной практике, а потом и в законах, правда, в несколько ином выражении. Так, предусмотрев применение закона наиболее тесной связи в качестве

субсидиарной привязки (при отсутствии соглашения сторон о применимом праве), законодатель формулирует систему конкретных привязок, которые, с его точки зрения, презюмируют наиболее тесную связь. Она получила название «презюмции наиболее тесной связи».

В российском МЧП такой способ выбора применимого права закреплен в п. 1 ст. 1211 ГК РФ в качестве единой субсидиарной привязки: при отсутствии соглашения сторон о применимом праве «к договору применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан». Иначе, в этом случае формулируется единая субсидиарная привязка — закон наиболее тесной связи. В частности, в п. 2 ст. 1211 дается следующее разъяснение: право страны, с которым договор наиболее тесно связан, считается, если иное не вытекает из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела, решающим для содержания договора.

Следовательно, отмечает Г.К. Дмитриева, в п. 2 сформулирована «общая презюмция наиболее тесной связи». Далее в п. 3 она конкретизируется для отдельных видов договоров следующим образом — стороной, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, является: продавцом — в договоре купли-продажи; дарителем — в договоре дарения; арендодателем — в договоре аренды; подрядчиком — в договоре подряда (во всех 19 видах договоров, названных в ст. 1211 ГК РФ). В отличие от Основ 1991 г., где этот принцип был закреплен в качестве самостоятельной коллизионной привязки, в ГК РФ он используется в качестве презюмпций для установления права того государства, с которым конкретный договор наиболее тесно связан.

На фоне столь тщательной и дифференцированной разработки принципа наиболее тесной связи возникает вопрос: какую же роль играет сформулированная главная субсидиарная привязка в применяемом праве страны, с которым договор более всего связан?

Г.К. Дмитриева полагает, что, во-первых, данная субсидиарная привязка выполняет роль принципиальной идеи, основного направления правового регулирования договорных обязательств международного характера, во-вторых, корректирует применение сформулированных презюмпций, в-третьих, устанавливает общее назначение принципа общей связи при регулировании всех видов гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, что и закреплено в п. 2 ст. 1186.

В практике международного частного права защита субъективных прав участников отношений с иностранным составом в сфере внешнеэкономических и внешнеторговых отношений, в отличие, например, от семейно-брачных или трудовых отношений, реализуется в гораздо меньшей степени [8]. Но закрепление законодателем принципа наиболее тесной связи при определении права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц или гражданско-правовым отношениям, осложненным иным

иностранным элементом, дает дополнительный шанс для более полной защиты данных прав участников трансграничных отношений.

Другим принципом определения применимого права, играющим важную роль в защите субъективных прав участников частноправовых отношений с иностранным элементом, является принцип «автономии воли». Как и принцип наиболее тесной связи, он был сформулирован достаточно давно. Но лишь во второй половине прошлого столетия влияние данного принципа в МЧП существенно усилилось не только в Европе, но и в странах общего права, в которых ранее отмечалось довольно стойкое его непринятие. Усилению влияния данного принципа способствовало и закрепление его в ряде международных конвенций.

Так, В.П. Звекон выделяет следующие особенности использования данного принципа выбора права: придание началу автономии воли значения основополагающего коллизионного правила, предвещающего другие коллизионные решения; разнообразие способов выражения и пределов автономии воли сторон (воля, выражаемая в самом договоре, вытекающая из договора, поведения сторон, совокупности обязательств дела, обозначаемая прямо, непосредственно или следующая с разумной определенностью, позволяющая определять применимое право к договору в целом или к его части, переподчинять его иному праву); допущение в определенных случаях ограничения автономии воли посредством императивных норм страны суда или третьей страны, а также в силу оговорки о публичном порядке; использование в качестве субсидиарной «гибкой» коллизионной привязки к праву страны, с которой договор имеет наиболее тесную связь.

Таким образом, влияние основного принципа защиты прав человека на коллизионное законодательство и применение коллизионных норм достаточно очевидно. Это влияние особенно заметно на примере универсальных принципов выбора применимого права — принципов наиболее тесной связи и «автономии воли». Использование их для выбора компетентного (национального или иностранного) правопорядка позволяет достойно защитить субъективные права национальных и иностранных лиц — участников трансграничных экономических, торговых и иных отношений. В конечном счете, это способствует защите прав и свобод человека в целом.

Литература

1. Звекон В.П. Международное частное право: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Юрист, 2004. 701 с.
2. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: учебник. М.: Проспект, 2011. 552 с.
3. Казанский П.Е. Учебник международного права публичного и гражданского. Одесса: Экономическая типография, 1902. 524 с.
4. Кодекс торгового мореплавания. М.: Проспект, 2005. 153 с.
5. Кривенький А.И. Зарождение международного частного права. (Статья I. XIII–XIV вв.) // Юридическая наука: история и современность. 2011. № 1. С. 15–21.

6. *Луниц Л.А.* О сущности коллизионной нормы // ВИЮН. Ученые записки. М., 1959. С. 105–124.
7. *Муранов А.И.* Права человека и международное частное право // Российский ежегодник международного права. 2003. СПб.: Россия – Нева, 2003. С. 162–186.
8. *Международное частное право* / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. М.: Проспект, 2011. 619 с.
9. *Пашенцев Д.А.* Принцип справедливости в гражданском праве // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4 (71). С. 96–98.
10. *Садилов О.Н.* Императивные нормы в международном частном праве // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 71–84.
11. *Толстых В.Л.* Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Р. Асланова, 2004. 502 с.
12. *Ходыкин Р.М.* Принцип защиты прав и свобод человека и его влияние на содержание коллизионных норм // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: сб. ст. (К 80-летию В.А. Кабатова). М.: Статут, 2006. С. 238–259.
13. *Чешир Дж., Норт П.* Международное частное право. М.: Прогресс, 1982. 494 с.

References

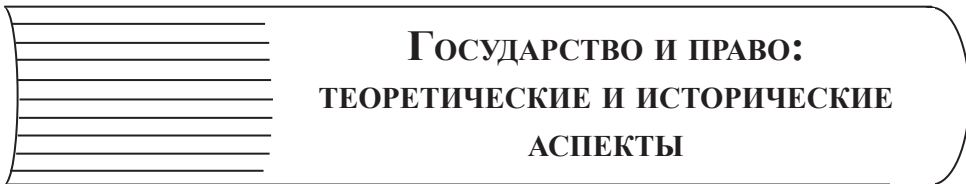
1. *Zvekov V.P.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. M.: Yurist", 2004. 701 s.
2. *Erpy'leva N.Yu.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. M.: Prospekt, 2011. 552 s.
3. *Kazanskij P.E.* Uchebnik mezhdunarodnogo prava publichnogo i grazhdanskogo. Odessa: E'konomicheskaya tipografiya, 1902. 524 s.
4. *Kodeks torgovogo moreplavaniya.* M.: Prospekt, 2005. 153 s.
5. *Kriven'kij A.I.* Zarozhdenie mezhdunarodnogo chastnogo prava. (Stat'ya I. XIII–XIV vv.) // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2011. № 1. S. 15–21.
6. *Luncz L.A.* O sushhnosti kollizionnoj normy' // VIYuN. Ucheny'e zapiski. M., 1959. S. 105–124.
7. *Muranov A.I.* Prava cheloveka i mezhdunarodnoe chastnoe pravo // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2003. SPb.: Rossiya – Neva, 2003. S. 162–186.
8. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. М.: Проспект, 2011. 619 с.
9. *Pashencev D.A.* Princip spravedlivosti v grazhdanskom prave // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 4 (71). S. 96–98.
10. *Sadikov O.N.* Imperativny'e normy' v mezhdunarodnom chastnom prave // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1999. № 2. S. 123–141.
11. *Tolsty'x V.L.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: kollizionnoe regulirovanie. SPb.: R. Aslanova, 2004. 502 s.
12. *Xody'kin R.M.* Princip zashhity' prav i svobod cheloveka i ego vliyanie na sodержanie kollizionny'x norm // Aktual'ny'e problemy' mezhdunarodnogo chastnogo i grazhdanskogo prava: sb. st. (K 80-letiyu V.A. Kabatova). M.: Statut, 2006. S. 238–259.
13. *Cheshir Dzh., Nort P.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. M.: Progress, 1982. 494 s.

A.I. Krivenky

**The Influence of the Basic Principle of the Protection of Human Rights
on the Development and Application of Conflict Law**

The article comprehensively analyses the direct (immediate) and indirect (mediated) effect of the basic principle of human rights protection on the process of conflict law both at the international (the so-called unification of law of conflict) and at the national level in making normative legal acts containing material and collision law. We also show the influence of the basic principle of human rights on the use of these conflict principles of choice of law, such as the closest connection principle and the principle of «autonomy of the will». As a result, the author sets out the beneficial effect of this principle in the process of collision and legal regulation on the protection of rights of persons and participants in relations with a foreign element.

Keywords: human rights; human rights protection; law of conflict; principle of choice of law; localizator.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Л.Ю. Грудцына

**К вопросу о влиянии конвергенции
частного и публичного права на развитие
институтов гражданского общества¹**

Статья посвящена изучению отечественного феномена разделения права на отрасли в аспекте реализации правозащитной функции государства. Автор приходит к выводу о том, что ни одна современная правовая система не предусматривала и не предусматривает деления права на отрасли. Частное право в общем виде является совокупностью законодательно-правовых комплексов, регулирующих гражданский оборот; речь идет о массивах законодательства и соподчиненных им правовых явлениях, основу которых следует усматривать в кодифицированных актах. В статье сделан вывод о том, что частноправовые и публично-правовые начала реализуются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и культурными отношениями, а также правоохранительной функцией государства в конкретный исторический отрезок времени, не могут быть оторванными от них, а потому логика их развития во многом зависима от экономической ситуации, которая диктует векторы развития права и законодательства, а также судебного правоприменения и толкования законов.

Ключевые слова: частное право; законодательство; публичное право; государство; гражданский оборот; собственность; гражданское общество; правоотношения; права человека; семейное право.

Памяти моего учителя,
доктора юридических наук, профессора
Семена Михайловича Петрова
посвящаю

В понимании факторов, оказывающих влияние на развитие гражданского общества, следует учитывать не только конкретную историческую эпоху, но и предшествовавшее ей историческое развитие

¹ Научная публикация выполнена по результатам НИР «Развитие институтов гражданского общества в системе частноправовых отношений», на основании Государственного задания Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2014 год, за счет средств бюджетного финансирования.

государства и общества. Кроме того, как верно указывал П.И. Новгородцев, необходимо помнить о различии практики и теории при сближении их друг с другом. Не всегда бывает возможно охарактеризовать практические отношения на основании теоретических идеалов, как невозможно и сводить все содержание этих идеалов к ближайшим практическим нуждам [16: с. 330].

Важной задачей, одновременно стоящей перед государством и обществом конкретной страны, является устранение «треугольника недоверия»: у государства — к обществу и бизнесу, у бизнеса — к государству и обществу, у общества — к государству и бизнесу. Экономические и культурные отношения, регулируемые правом, не принадлежат исключительно ни к одной из его областей и составляют общий предмет как публичного, так и частного права. Также несостоятельно разграничение права на частное и публичное при помощи интереса или характера общественных отношений, которые не составляют ни элементов правовой нормы, ни содержания субъективного права.

По мнению Н.М. Коршунова, «следует говорить о... формах сочетания публично-правового и частноправового регулирования общественных отношений, о конкретных границах публичного и частного права». Но как определить эти «конкретные» границы? И так ли уж необходимо их точное определение? Ведь государство — многогранное явление, охватывающее не только сферу публичных интересов, но и «проникающее» во все пласты общественной жизни индивида. Например, жизнь гражданина в России будет отличаться от жизни местного населения в Германии, и разница будет не только в общественном укладе, мировоззрении, традициях, национальной идеологии, но и в сущности и модели существующих в странах политической и правовой систем. Например С.С. Алексеев пишет о том, что развитие правовых систем идет в основном в одном направлении: происходит взаимное обогащение права и в конечном счете своеобразная интеграция в праве, при которой правовые системы соединяются в целостные правовые образования, юридические конструкции [1: с. 114]. Такая конвергенция, отражающая закономерность развития национальных правовых систем, не ведет к нивелированию методов правового регулирования, поскольку никакого растворения частного права в публичном праве и наоборот не происходит.

Вспомним Гегеля, у которого государство — многоплановое явление, охватывающее различные сферы человеческой жизни, а не только аппаратно-управленческую и политическую. Индивид, с одной стороны, вообще не может существовать вне государства, а с другой — обретение индивидом человеческого (нравственного) облика и объективация его как гражданина (в частности, законодательное наделение правами) возможны только в государстве [2: с. 35–36]. Соответственно, на наш взгляд, само наделение государством — с помощью принятия соответствующих законов — индивида правами и свободами, а также обязанностями уже является актом проявления публично-правовых начал, что не исключает, в то же время, частноправовой характер самих прав и свобод, которыми индивид наделяется.

Стоит отметить, что Гегель разделял три власти (не совпадающие с теорией разделения властей Монтескьё): законодательную, правительственную (куда включал исполнительную и судебную власти в их современном понимании) и власть государя (верховную). «Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство сохраняется благодаря ему... Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все» (цит. по: [2: с. 35–36]). Очевидно, что понятие государства для Гегеля шире понятий политической власти и государственного аппарата (политический строй). Из этого следует важный методологический вывод: при исследовании вопроса о соотношении категории «государство» с иными научными категориями, в том числе с категорией «гражданское общество», желательно, во избежание двусмысленностей, в каждом конкретном случае расшифровывать понимание термина «государство».

На первый взгляд, развитие гражданского общества происходит исключительно в рамках частных интересов, но участие публичной власти и распространение публичных норм на частнопроводную сферу (пусть и опосредованным образом), нельзя подвергать сомнению [6: с. 217]. Как верно отметил Н.М. Коршунов, «частные и публичные интересы очень часто совпадают, и это делает их использование в качестве надежного критерия разграничения частного и публичного права весьма затруднительным» [12: с. 24]. По мнению В.И. Иванова, отношения людей в любом обществе (группе людей) складываются на историческом фоне его развития и определяются психологически, политическими, культурными, конфессиональными, экономическими и многими иными факторами [10: с. 48–49]. И.А. Покровский писал: «...очевидно, что вопрос о замене нынешней частнопроводной организации хозяйства организацией социалистической есть вопрос не только экономический; он сталкивается с вопросом о пределах государственной власти над индивидом, с давним спором между личностью и государством о признании за первой известных “неотъемлемых прав” и о способах их гарантии...» [18: с. 48].

С одной стороны, многие публично-правовые нормы, да и функции публичного права в целом, в значительной мере направлены на защиту частных интересов. С другой стороны, любая правовая норма, устанавливающая частнопроводные основы каких-либо общественных отношений, по сути и природе своей является публичной, хотя бы потому, что, во-первых, санкционируется государством и становится частью национального законодательства, во-вторых, не может противоречить и угрожать самой государственной системе и природе государственного управления. Более того, частнопроводные и публично-правовые начала реализуются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и культурными отношениями в конкретный исторический отрезок времени, не могут быть оторванными от них, а потому во многом логика их развития зависима от экономической ситуации, которая диктует,

в частности, векторы развития права и законодательства, а также судебного правоприменения и толкования законов [14: с. 13].

По мнению Дж. Коэна и Э. Арато, политическое и экономическое общества выступают здесь в качестве сфер-посредников, через которые гражданское общество призвано влиять на политико-административные и экономические процессы. При этом авторы предостерегают от противопоставления гражданского общества государству и экономике. Антагонистическими эти отношения становятся лишь тогда, когда институты экономического и политического обществ начинают изолировать процессы принятия решений и тех, кто эти решения принимает, от воздействия со стороны социальных организаций, инициатив и публичного обсуждения.

Отдельного рассмотрения требует учение Т. Парсонса о «социальной системе», под которым понимается общество, находящееся в «равновесии». Возможны небольшие колебания, но обычно общество пребывает в состоянии покоя. Все его части гармонично сочетаются друг с другом. Принадлежащие обществу индивиды обычно ориентируются на одни и те же нормы благодаря одинаковой для всех социализации. Они интегрированы в систему, следуют единым ценностям, без труда исполняют предписанные им роли. В нормальном состоянии конфликты между ними отсутствуют; изменения системы подобны помехам в работе отлаженного механизма [5: с. 34–35].

Короче говоря, образ общества, получивший свое теоретическое выражение в понятии социальной системы, по мнению Н. Элиаса, при ближайшем рассмотрении оказывается идеальным образом нации [20: с. 38]. Об экономической необходимости, «всегда прокладывающей себе путь» [1: с. 114], писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу» [15: с. 470].

Как отмечал немецкий философ-марксист Г. Клаус, столь высоко организованная динамическая система, какой является государство, построенное на основе определенных производственных отношений, может быть только многоустойчивой системой, которая при необозримом множестве регулируемых величин способна сохранять относительно устойчивое состояние в течение продолжительного времени только благодаря тому, что связанные друг с другом частными функциями частичные системы также обладают относительной самостоятельностью [11: с. 98].

В.А. Энгельгардт полагал, что можно говорить о трех моментах, характеризующих взаимоотношения целого и части. Во-первых, это — возникновение взаимодействующей системы связей между частями целого. Во-вторых, утрата некоторых свойств части при вхождении в состав целого. В-третьих, появление у возникающей новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами основных частей, так и возникновением новых систем связей между

частями. К этому нужно добавить еще упорядоченность частей, обусловленность их пространственного и функционального взаимоотношения [21: с. 108].

Заметим еще одну особенность в развитии институтов гражданского общества, объясняемую историей формирования отношений общества и системы власти. В одном случае государственной власти противопоставлены интересы субъективного характера отдельных сословий или территорий, и тогда отношение власти и общества оформляется на условиях соглашений различных субъективных прав и получает как бы договорный характер [7: с. 82]. Если отношения строятся на базе объективного права, тогда власть окажется во всей своей полноте в руках монарха и в основании государственного строя окажется не субъективное начало договора, а объективное — Закона. И такая форма отношений исторически складывалась в России XVIII–XX веков. Конечно, с тех пор произошло много исторических перемен, но, быть может, эти различия и сегодня являются причиной плохой совместимости методологий Запада и современной России. Запад стремится научить современную Россию сделать «как мы», а в практике российского общества только сейчас развивается культура согласования объективного и субъективного в управлении и в праве. Это прослеживается на области внимания к социальному развитию и со стороны органов власти, и со стороны общества в целом, а главное, пробуждает активность самих граждан и их ассоциаций.

По мере возрастания целостности увеличивается и относительная независимость организма от среды, что связано с возникновением механизмов, позволяющих восстанавливать нарушение функций, вызванное изменениями в среде, сохранять в пределах нормы определенные, присущие организму параметры [3: с. 158]. Понятие «обратной связи», такое простое и естественное в некоторых элементарных случаях, становится искусственным и мало полезным, когда взаимосвязь частей усложняется. Если число частей возрастает хотя бы до четырех и каждая часть воздействует на три остальные части, то через них можно провести двадцать замкнутых петель, однако знание свойств всех двадцати петель не дает полной информации о системе. Такие сложные системы не могут рассматриваться как переплетающееся множество более или менее независимых петель обратной связи — их можно рассматривать лишь как целое [22: с. 83–84].

Все принадлежащие к ней люди (в силу одинаковой социализации), следуют одинаковым нормам, стремятся к тем же самым ценностям, обычно хорошо интегрируются в систему и пребывают в гармоничных отношениях друг с другом. В такого рода «социальной системе» мы имеем образ нации как сообщества, лишь выраженный иначе. В качестве чего-то само собой разумеющегося здесь предполагается, что внутри такой системы существует высокая степень равенства: ведь интегрированность всей системы покоится на одинаковой социализации, на единстве ценностей и норм. Таким образом, подобная «система» представляет собой понятийную конструкцию, абстрагированную от демократически понимаемого национального государства. С какой бы сто-

роны мы ни смотрели на эту конструкцию, мы всякий раз обнаруживаем, что в ней стерты различия между тем, чем действительно является нация, и тем, какой она должна была бы быть. По мнению Н. Элиаса, в моделях развития XIX в. происходило смешение фактических наблюдений с принимаемым за реальность желательным вариантом развития к будущему, с социальным прогрессом, понимаемым с позиций того или иного идеала [20: с. 38].

Точно так же в социологических моделях XX в. смешиваются фактические наблюдения и желаемый идеал гармоничной интеграции всех элементов нации. Идеал также предстает в качестве уже существующей реальности. Вся разница в том, что в тех теориях происходила идеализация будущего, а тут идеализируется настоящее, здесь и теперь существующий национально-государственный порядок. В развитых общественных системах частные и публичные отношения можно разграничить по признаку той автономии, которую государство определяет для своих граждан. Сфера отношений, отданных государством под господство граждан и исключающих вмешательство в них государства непосредственно, мы считаем отношениями частными. Это не означает, что государство самоустраняется от необходимого влияния на частные отношения, но оно не является главным и определяющим. Однако там, где государство говорит своим гражданам, что отдает на их усмотрение и решение те или иные области общественных отношений, мы наблюдаем господство отношений частных. Это отношения политической самостоятельности партий и иных объединений, морали, свободы мысли, значительная часть экономических отношений, образования, науки, культуры, спорта и т. д. Есть достаточно оснований считать, что отношения в области образования, науки, культуры, прав человека, медицины, искусства также являются базисными, поскольку они служат основой создания современного гражданского общества России и ее интеграции в мировое сообщество с учетом всей специфики присущих только России особенностей.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. 308 с.
2. *Андрианов Н.В.* Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 196 с.
3. *Афанасьев В.Г.* Мир живого. Системность, эволюция и управление. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 275 с.
4. *Грамыш А.* Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. 198 с.
5. *Грудцына Л.Ю.* Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 386 с.
6. *Грудцына Л.Ю.* Идея гражданского общества в творчестве М.М. Сперанского // Образование и право. 2011. № 3 (19). С. 217–225.
7. *Грудцына Л.Ю.* Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7. С. 82.

8. *Грудцына Л.Ю.* Развитие институтов гражданского общества в аспекте частного и публичного права // *Образование и право.* 2013. № 7 (47). С. 57–66.
9. *Грудцына Л.Ю.* Свобода и гражданское общество // *Образование и право.* 2011. № 1 (17). С. 22–30.
10. *Иванов В.И.* Частные отношения: постановка вопроса // *Образование и право.* 2011. № 5 (21). С. 48–49.
11. *Клаус Г.* Кибернетика и общество / Пер. с нем.: Н.Г. Комлев; ред. и вступ. ст.: Г.В. Колшанский. М.: Прогресс, 1967. 282 с.
12. *Коришунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Инфра-М, 2011. 216 с.
13. *Коэн Джин Л., Арато Эндрю.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
14. *Лагуткин А.В.* Россия на распутье: куда пойдем? // *Международный академический журнал Российской академии естественных наук.* 2013. № 4. С. 12–18.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные письма. М.: Госполитиздат, 1953. 536 с.
16. *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 355 с.
17. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой; пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
18. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
19. *Тихомиров Ю.А.* Публичное и частное право // *Общая теория государства и права. Академический курс.* М.: Зерцало, 2009. 362 с.
20. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: в 2 т. Т. 1. М.: Университетская книга, 2001. 293 с.
21. *Энгельгардт В.А.* Интегратизм — путь от простого к сложному в познании явлений жизни // *Вопросы философии.* 1970. № 11. С. 108.
22. *Эшби У.Р.* Введение в кибернетику: пер. с англ. / Под ред. В.А. Успенского. 4-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 258 с.

References

1. *Alekseev S.S.* Liniya prava. M.: Statut, 2006. 308 s.
2. *Andrianov N.V.* Grazhdanskoe obshhestvo kak sreda institucionalizacii advokatury'. M.: LIBROKOM, 2011. 196 s.
3. *Afanas'ev V.G.* Mir zhivogo. Sistemnost', e'volyuciya i upravlenie. 2-e izd. M.: LKI, 2010. 275 s.
4. *Gramshi A.* Tyuremny'e tetradi. M.: Politizdat, 1991. 198 s.
5. *Grudczy'na L.Yu.* Gosudarstvenno-pravovoj mexanizm formirovaniya i podderzhki institutov grazhdanskogo obshhestva v Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2009. 386 s.
6. *Grudczy'na L.Yu.* Ideya grazhdanskogo obshhestva v tvorchestve M.M. Speranskogo // *Образование и право.* 2011. № 3 (19). С. 217–225.
7. *Grudczy'na L.Yu.* Konstitucionno-pravovy'e osnovy' formirovaniya gosudarstvom institutov grazhdanskogo obshhestva v Rossii // *Образование и право.* 2010. № 7. С. 82.
8. *Grudczy'na L.Yu.* Razvitie institutov grazhdanskogo obshhestva v aspekte chastnogo i publichnogo prava // *Образование и право.* 2013. № 7 (47). С. 57–66.
9. *Grudczy'na L.Yu.* Svoboda i grazhdanskoe obshhestvo // *Образование и право.* 2011. № 1 (17). С. 22–30.

10. *Ivanov V.I.* Chastny'e otnosheniya: postanovka voprosa // *Obrazovanie i pravo*. 2011. № 5 (21). S. 48–49.
11. *Klaus G.* Kibernetika i obshhestvo / Per. s nem.: N.G. Komlev; red. i vstup. st.: G.V. Kolshanskij. M.: Progress, 1967. 282 s.
12. *Korshunov N.M.* Konvergenciya chastnogo i publichnogo prava: problemy' teorii i praktiki. M.: Infra-M, 2011. 216 s.
13. *Koe'n Dzhin L., Arato Endryu.* Grazhdanskoe obshhestvo i politicheskaya teoriya. M.: Ves' mir, 2003. 174 s.
14. *Lagutkin A.V.* Rossiya na rasput'e: kuda pojdem? // *Mezhdunarodny'j akademicheskij zhurnal Rossijskoj akademii estestvenny'x nauk*. 2013. № 4. S. 12–18.
15. *Marks K., Engel's F.* Izbranny'e pis'ma. M.: Gospolitizdat, 1953. 536 s.
16. *Novgorodcev P.I.* Kant i Gegel' v ix ucheniyax o prave i gosudarstve. SPb.: Ale-tejya 2000. 355 s.
17. *Parsons T.* Sistema sovremenny'x obshhestv / Pod red. M.S. Kovalevoj; per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva. M.: Aspekt Press, 1998. 270 s.
18. *Pokrovskij I.A.* Osnovny'e problemy' grazhdanskogo prava. M.: Statut, 1998. 353 s.
19. *Tixomirov Yu.A.* Publichnoe i chastnoe pravo // *Obshhaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs*. M.: Zerczalo, 2009. 362 s.
20. *E'lias N.* O processe civilizacii: v 2 t. T. 1. M.: Universitetskaya kniga, 2001. 293 s.
21. *E'ngel'gardt V.A.* Integratizm — put' ot prostogo k slozhnomu v poznanii yavlenij zhizni // *Voprosy' filosofii*. 1970. № 11. S. 108.
22. *E'shbi U.R.* Vvedenie v kibernetiku: per. s angl. / Pod red. V.A. Uspenskogo. 4-e izd. M.: LIBROKOM, 2009. 258 s.

L.U. Grudtsina

To the Question of Influence of Convergence of Private and Public Law on the Development of Institutes of Civil Society

The article is devoted to the study of the domestic phenomenon of division of the right into branches in the aspect of realization of the state function of human rights protection. The author of article comes to a conclusion that not a single modern legal system provided and provides the division of the right into branches. The private law in general terms is a set of legislative and legal complexes regulating a civil turn; these are arrays of legislation which coordinate legal phenomena and their basis should be seen in codified acts. The author concluded that private-law and public beginnings are realized in close interrelation with social, economic, cultural relations and also with law-enforcement function of the state in certain intervals of history which can't be torn off them. Therefore in many respects the way of their development is dependent on the economic situation which dictates, in particular, vectors of development of the right and the legislation and also judicial right application and interpretation of laws.

Keywords: private law; legislation; public law; state; civil turn; property; civil society; legal relationship; human rights; family law.

Н.Ю. Иванова

К вопросу о нарушении прав евреев в Российской империи второй половины XIX века (о неправомерном устранении от должности в местном самоуправлении)

В статье рассмотрена деятельность высшего органа административной юстиции. Показываются случаи конфликтов между евреями, занимающими общественные должности и их начальством, что приводило к незаконному разрешению спора в низшей инстанции. Впервые в научный оборот вводятся ранее неизвестные дела Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова: административная юстиция; Правительствующий Сенат; права евреев; Российская империя; местное самоуправление.

Вопрос о правах отдельных категорий населения Российской империи и механизмах их защиты активно изучался как современниками, так и последующими исследователями. В истории нашей страны практически не было периода, когда права личности соблюдались. Однако, как справедливо отмечает Д.А. Пашенцев, дело не только в позиции власти, так как власть — это всего лишь отражение самого народа, всех его негативных и позитивных качеств, только представленных более ярко и рельефно [13: с. 122]. В Российской империи в период «великих реформ» и после них одним из важнейших элементов в системе государственных органов, стоящих на защите принципа законности, был Правительствующий Сенат, архив которого показывает, как происходило формирование механизма защиты прав подданных.

Евреи в Российской империи занимали особенное положение: правовой статус подданных Российской империи в XIX веке зависел от вероисповедного ценза [9: с. 218–219]. Стеснение евреев происходило путем ограничений их гражданских прав во всех сферах общественной деятельности и в отдельных институтах (см., напр.: [11: с. 118]), а также с частыми нарушениями коренных законов. Однако согласно Городовому Положению 1870 года евреи, имеющие право голоса на выборах, как и прочие подданные Российской империи, имели право быть избранными в гласные городской думы (см. подр.: [12]) и другие общественные должности. Между Городским Головой и евреями, избранными на общественные должности, нередко возникала взаимная неприязнь. В качестве примера можно привести дело, рассмотренное Правительствующим Сенатом в 1870 году, по жалобе еврея Лейбы Маркуса на Ковенское Гу-

бернское Правление за отстранение его местной Городской Думой от должности и на медленность Губернского Правления в разрешении его жалобы по настоящему предмету [16: Д. 16].

4 июня 1869 года ковенский обыватель еврей Л. Маркус подал в Губернское Правление жалобу следующего содержания: Ковенская Городская Дума, действуя в соответствии с Постановлением от 3 апреля 1869 года и принимая в основание донесения, в которых недоброжелатели просителя оклеветали действия его во время рекрутского набора, устранила его без следствия и суда от должности депутата для совещания по делам Ковенского еврейского общества, а 26 мая того же года за № 3846 сделала представление Губернатору о неутверждении его в должностях кандидата к депутату Ковенской Квартирной Комиссии и присяжного ценовщика. Распоряжение это Маркус считал неправильным: во-первых, Дума отрешила его от должности депутата, ссылаясь, в противность закону, на безымянный донос, не произведя по нему даже предварительного следствия, хотя по доносу в безымянных пасквилях и подметных письмах не производится следствия [1: ст. 52]; во-вторых, факт, который, по мнению Думы, обвинял его в противозаконных будто бы действиях во время бывшего рекрутского набора, совершенно опровергался дознанием, произведенным Полицмейстером по сообщению Думы, последовавшему уже после удаления его от должности и переданным от Полицмейстера в Думу 22 мая; в-третьих, постановление Городской Думы, по которому она устранила его от должности депутата, противоречит собственному ее распоряжению.

Не зная за собой никакого неблагоприятного поступка, за который он один удален от должности депутата, Маркус полагает, что это устранение могло последовать единственно по двум причинам, кои, по-видимому, внесены ему в виду, а именно: 1) повесткой, данной на имя сборщика общества 30 ноября 1868 года за № 10001, Дума предписала доставить смету о расходах из сумм Ковенского коробочного сбора на общественные надобности в 1869 году; 2) повесткой же от 12 февраля 1869 года за № 68 Дума предписала сборщику Ковенского общества сделать добавочные ревизские сказки о 9-летнем еврее М. Дрейшпуле. Оба эти требования были незаконны.

22 мая 1869 года в Думу поступило произведенное Ковенским Полицмейстером следствие, коим вполне оправдывались действия просителя во время минувшего рекрутского набора, и 26 мая депутаты и обыватели г. Ковны обратились в Городскую Думу с прошением, где они ходатайствовали о назначении его вновь на эту должность для пользы общества, и что 7 мая за № 3259 Дума сама же сделала представление в Ковенское Губернское Правление об утверждении его присяжным оценщиком, а между тем 26 мая вошла с представлением к Губернатору о неутверждении его в этой должности.

Таким образом, в своей жалобе Л. Маркус просил Губернское Правление рассмотреть настоящее дело и сделать распоряжение об утверждении его в должности кандидата к депутату Ковенской Квартирной Комиссии, присяж-

ного ценовщика и депутата для совещания по делам Ковенского еврейского общества [16: Д. 16, Л. 1–3].

В течение полугода Губернское Правление не предпринимало видимых действий для разбора жалобы и восстановления нарушенных прав, вследствие этого Маркус подал жалобу в Правительствующий Сенат на Губернское Правление.

Первое рассмотрение этой жалобы состоялось в заседании I департамента Сената 4 февраля 1870 года. Указом от 6 марта 1870 года за № 13762 приказали прошение послать при указе к Виленскому, Гродненскому, Ковенскому и Минскому Генерал-губернатору, поручив ему по содержанию его истребовать от кого следует надлежащие сведения [3: ст. 188], также в объяснительном рапорте Правление обязано полностью и с надлежащей точностью указать: когда именно состоялось обжалованное постановление и когда оно приведено в действие, а если нет — то когда объявлено просителю, так как жалобы на Губернское Правление должны приноситься в Правительствующий Сенат с соблюдением сроков, установленных для частных жалоб на судебные места второй степени [6: ст. 943] и таковые объяснения представить Правительствующему Сенату со своим заключением, возвратив и прошения [16: Д. 16, Л. 4]. Генерал-губернатору потребовалось более года для предоставления сведений: рапорт был написан только 9 марта 1871 года и поступил в Сенат 15 марта.

Вполне вероятно, что все это время Генерал-губернатор ждал «истребованных надлежащих сведений» от Губернского Правления, которое в свою очередь наконец-то решило разобраться в данном деле, видя свою неправоту. Подтверждением тому является тот факт, что 8 января 1871 года (спустя полтора года) Губернское Правление, признав распоряжение Городской Думы об удалении Маркуса от должности депутата неправильным, постановление Думы от 3 апреля 1869 года отменило, предписав ей допустить Маркуса к должности депутата по общественным делам [16: Д. 16, Л. 23].

При рассмотрении дела было выявлено:

1) злоупотреблений во время рекрутского набора со стороны Л. Маркуса не было: в Думу было препровождено дознание, произведенное Ковенским Полицмейстером [16: Д. 16, Л. 12];

2) вопрос о пропуске по ревизии Михеля Дрейшпуля и непредставление, по требованию Думы, дополнительной о нем сказки также снят, так как переписка по данному вопросу прекращена самой Думой, и оказалось, что на Дрейшпуля, по малолетству его, дополнительной сказки требовать не следовало [16: Д. 16, Л. 22];

3) по поводу жалованья Городскому Голове Губернское Правление велело Думе доставить объяснение, на чем основано изложенное в предписании ее от 30 ноября 1868 года за № 10001 распоряжение об отнесении жалованья Городскому Голове на коробочный сбор и представить копию с постановления, так как Губернатор от 31 июля 1867 года за № 4476 представлял на усмотрение

Генерал-адъютанта Графа Баранова приговор депутатов Ковенского еврейского общества, которым они предполагали следующие с их общества по раскладке в счет жалованья Городскому Голове выдать из остатков от сумм коробочного сбора. Генерал-губернатор, приняв во внимание, что коробочный сбор евреев установлен преимущественно для бездоимочной уплаты казенных долгов и податей за еврейские общества [5: ст. 431], предложением от 15 августа 1867 года за № 8376 дал знать Губернатору, что ввиду изложенного он не может допустить, чтобы добавочное жалованье Городскому Голове было производимо из коробочного сбора, имеющего свое определенное назначение, а потому просил Губернатора принять строгие меры, чтобы общество на будущее время ни под каким предлогом не дозволяло себе принимать на себя расходов на посторонние источники, распоряжению его не подлежащие. О содержании этого предложения Губернским Правлением было дано знать Ковенской Городской Думе от 28 августа того же года за № 5281 [16: Д. 16, Л. 19–20].

На основании всего вышеизложенного, находя правильным таковое постановление Губернского Правления об отмене распоряжений Ковенской Городской Думы по устранению еврея Маркуса от должности депутата по общественным делам, как последовавшее во исполнение существующих для производства выборов узаконений, Генерал-губернатор в своем рапорте указал, что изложенное в прошении ходатайство просителя о допущении его к помянутой должности депутата для совещания по делам Ковенского еврейского общества как удовлетворенное уже последовавшими от Губернского Правления распоряжениями не требует особых мер, касающихся просителя [16: Д. 16, Л. 24].

Вследствие того, что по этому предмету уже не требовалось со стороны Сената какого-либо распоряжения, Правительствующий Сенат определил жалобу оставить без последствий. Однако заметим, что указ по этому поводу за № 30710 последовал только 19 июля 1871 года.

Тем не менее нужно признать, что обращение в высший орган все же возымело свое действие: до подачи жалобы в Сенат прошение пролежало в Губернском Правлении 6 месяцев без движения, возможно, и далее игнорировалось бы. Но также следует отметить, что никаких наказаний ни Губернское Правление (за медленность разрешения, на что и жаловался Лейба Маркус), ни Городская Дума, которая стремилась к преувеличению своей власти, что являлось преступлением [4: ст. 383], не понесли.

Как видно из вышеописанного дела, евреи в рассматриваемый период времени в местах постоянной оседлости могли также избираться и оценщиками (ценовщиками): Государственный Совет в дополнение к подлежащим узаконениям 26 апреля 1843 года постановил, что в местах постоянной оседлости евреев выбор присяжных оценщиков производится городским обществом христиан совокупно с обществом евреев [15: № 16783].

Оценка разных недвижимых имуществ, земли и строений играла большую роль. Каждый новый дом или каждый перестроенный старый дом должен непре-

менно был быть оценен, чтобы с него мог быть взимаем оценочный сбор — главный прямой налог в городах. Жалобы на неправильную оценку также поступали в Правительствующий Сенат. Так, военный инженер полковник А.Д. Фалькенгаген жаловался на отказ Санкт-Петербургской Городской распорядительной Думы в ходатайстве его о переоценке приобретенного им дома: по его мнению, оценка дома была произведена с отступлением от установленных правил [16: Д. 82]. По свидетельству знающих современников (например, Бакинского Городского Головы), найти вполне подходящих членов оценочной комиссии обычно было делом нелегким: помимо всяких преднамеренных отступлений от правды, часто бывают ошибки в оценках комиссии и Думы [15: с. 82].

В качестве примера незаконного отстранения от должности присяжных оценщиков можно привести дело по жалобе степенного гражданина Ефима Флюндра и мещанина Шмуйлы Лурье на Могилевское Губернское Правление за устранение их от должности присяжных оценщиков, рассмотренное в Правительствующем Сенате в рекордные сроки — с момента написания жалобы до момента вынесения решения прошло менее полугода [16: Д. 52].

Жалоба была подана 25 февраля 1870 года. 21 января 1870 года Могилевское Губернское Правление рассмотрело дело об оценке домов Гирши и Залмана Берлинов и пришло к выводу, что при оценке не собрано всех сведений о доходах, в соответствии с соображением с местными обстоятельствами и ценами соседних квартир [2: ст. 1917] и не исключены из общей некоторые расходы, несмотря на то, что в соответствии с законом из общей суммы всего дохода исключаются обыкновенные необходимые расходы (повинности с домов в городах, издержки по содержанию их в исправности и проч.) [2: ст. 1919]. По мнению Губернского Правления, оценка данного имущества чрезвычайно высока, учитывая имеющиеся узаконения [2: ст. 1938], Губернское Правление такую оценку не утвердило и отстранило просителей от должности [16: Д. 52, Л. 7].

Могилевское Губернское Правление дало знать о замеченных неправильных действиях оценщиков Е. Флюндры и Ш. Лурье в определении оценок Могилевской Городской думе, предписало распорядиться в отстранении их на будущее время от звания присяжных оценщиков и об избрании других более благонадежных лиц, и о последующем распоряжении рапортовать Губернскому Правлению [16: Д. 52, Л. 16].

Е. Флюндра и Ш. Лурье в своей жалобе утверждали, что таким постановлением Губернского Правления они лишены некоторых прав своих без истребования от них объяснений и без суда вопреки закону, в соответствии с которым ответственность и взыскания на оценщиков налагаются не иначе, как по определению суда [2: ст. 2011], и просили Правительствующий Сенат данное постановление, как последовавшее вопреки закона и желанию избравшего их общества, отменить со всеми последствиями [16: Д. 52, Л. 3–4].

I департамент Правительствующего Сената, рассмотрев обстоятельства настоящего дела и имея в виду, что на основании закона ценовщики в случае

неправильной оценки имущества, если при этом будет доказан подлог, подвергаются ответственности по суду [2: ст. 2007], нашел, что Могилевское Губернское Правление, заметя неправильность и упущение со стороны Флюндра и Лурье, не имело никакого основания делать распоряжение об увольнении их от выборных должностей по неблагонадежности, но обязано было, заметя допущенные с их стороны беспорядки или злоупотребления, истребовать от них надлежащие объяснения и затем, если признавало их подлежащими какому-либо из упомянутых в законе взысканий, сделать распоряжение о предании их суду (здесь Сенат подробно расписывает дальнейшие шаги Правления). Правительствующий Сенат в своем указе за № 3137 от 21 июля 1870 года, признав обжалованное просителями постановление неправильным, определил данное постановление отменить со всеми последствиями, предписав Губернскому Правлению вновь войти в рассмотрение обстоятельств настоящего дела и постановить новое определение.

Характерным является также дело по жалобе депутатов Ивенецкого еврейского общества Шустера, Гольдберга, Фурмана и Шиера на распоряжение Минского Губернского Правления о неутверждении сборщиком податей Мордуха Гольдберга [16: Д. 77]. Сборщики податей еврейских мещанских обществ избирались в соответствии с положением о порядке взимания с мещанских и цеховых обществ денежных сборов на государственные подати, земские повинности, общественные расходы и на возмещение казенных взысканий. Мещанским обществам, состоящим из христиан, евреев, татар и др., разрешалось образовывать из себя для денежных сборов особые участки и избирать особых старост [14: № 11366, § 6, прим. 3].

В данном деле жалобщиками выступали совещательные депутаты Минского Ивенецкого еврейского общества Янкель Шустер, Шмуйло Гольдберг, Лейзер Фурман и Янкель Шиер. Ивенецкое еврейское общество единогласно избрало из своей среды сборщиком благонадежного и способного домохозяина, бывшего прежде в этой должности М. Гольдберга, признав его во всех отношениях соответствующим назначению и способнейшим всех прочих. Имея при том в виду, что Гольдберг привлечен к следствию о неправильной выдаче паспортов во время бытности его сборщиком, и зная достаточно его невиновность, общество приняло на себя всю ответственность по этому делу, о чем и составило в ноябре 1869 года приговор, которым предоставило просителям исходатайствовать в Минской Городской Думе утверждение Гольдберга в должности сборщика.

Дума, принимая во внимание данный приговор, не находя со своей стороны препятствия к утверждению М. Гольдберга сборщиком, постановлением своим заключила допустить его к должности в установленном порядке, но по причастности его к вышеупомянутому следствию, Дума рапортом от 26 января 1870 года за № 521 испрашивала разрешение Минского Губернского Правления, которое указом от 6 марта за № 1999 дало знать Думе, что

из-за обвинений Правление не может допустить его впредь до окончания следствия к должности сборщика.

Прошение об отмене распоряжения Минского Губернского Правления от 26 мая 1870 года основывалось на трех пунктах. Во-первых, постановление противно уставу о выборах, в соответствии с которым лица, состоящие под следствием, допускаются, безусловно, к общественным должностям, если только общество пожелает иметь к ним полное доверие [5: ст. 353]. В отношении М. Гольдберга Ивенецкое общество не только выразило свое доверие в составленном приговоре, но и по убеждению в невинности его, приняло на себя всю за него ответственность. Во-вторых, Губернское Правление, разрешая незадолго перед тем выборы Минского еврейского общества на должности гласных в Минскую Городскую Думу, которыми были избраны состоящие под одним и тем же следствием с М. Гольдбергом Б. Файн и Ш. Гольдберг, основываясь на вышеприведенной 353 ст. закона, разъяснила, что это следствие ввиду желания общества не может служить препятствием к допущению их к выборам и должностям, и затем утвердило их членами Городской Думы.

В-третьих, из числа избранных по тем же выборам кандидатов на должности гласных получивший более Шлиомы Гольдберга избирательных шаров Бендот Хановас жаловался Правительствующему Сенату на Губернское Правление за неутверждение его гласным и Сенат, видя из доставленного Губернским Правлением объяснения, что все они, как Файн и Гольдберг, так и жалобщик Хановас, состоят под вышеупомянутым следствием о неправильной выдаче паспортов, не поставил им это обстоятельство препятствием к участию их в выборах и назначению в должности. Указом от 25 февраля 1870 года за № 12504 предписал Минскому Губернскому Правлению утвердить гласным вместо Шлиомы Гольдберга Бендота Хановаса как имеющего по числу баллов преимущество [16: Д. 77, Л. 2–3].

В своем рапорте от 18 сентября Генерал-губернатор утверждал, что постановление Минского Губернского Правления о недопущении его на время производства следствия к должности сборщика следовало бы признать правильным. Однако, рассмотрев обстоятельства дела и принимая во внимание, что, по буквальному смыслу закона, лица, состоящие под следствием могут быть допускаемы к занятию должности по городским выборам, если общество изъявит к ним доверие, и, что основания, выдвинутые Губернским Правлением в обоснование своего постановления [5: ст. 48, прим. п. 4, ст. 410], к настоящему случаю не могут иметь применения ввиду положительного указания 353 статьи, Правительствующий Сенат нашел распоряжение Минского Губернского Правления о недопущении еврея М. Гольдберга к должности сборщика податей Ивенецкого еврейского общества не имеющим законного основания, а потому определил предписать Губернскому Правлению войти вновь в рассмотрение прав Гольдберга на занятие означенной должности и допустить его к таковой, если не встретится к тому каких-либо других законных препятствий [16: Д. 77, Л. 7–8].

Таким образом, из рассмотренных дел видно, что достаточно часто евреи, занимающие различные общественные должности в городском самоуправлении, устранялись (не допускались) от должности без достаточных на то законных оснований. За тот же период времени в Правительствующий Сенат поступила лишь одна жалоба такого рода от лица христианского вероисповедания [16: Д. 38]. Нередкими были случаи конфликтов между евреями, занимающими общественные должности, и их начальством (например, городскими головами), что способствовало незаконному разрешению спора в низшей инстанции. Еще одной проблемой была длительность рассмотрения жалобы в высшей инстанции.

Такое положение дел просуществовало до 1892 года, когда было принято новое Городовое положение [8: с. 18–26]. Однако и Городовое положение 1892 года неоднократно подвергалось критике, существовало небезосновательное мнение, что оно было введено с несомненной целью сузить и ограничить пределы городского самоуправления. Эта цель преследовалась всеми статьями положения, не исключая и тех, которые трактуют о порядке избрания гласных Думы, несмотря на то, что, несомненно, настоящее самоуправление требует, чтобы все жители принимали участие в делах своей округи [7: с. 199–201; 10: с. 8]. Очевидно, что в период реакции шло планомерное ограничение евреев в правах, это коснулось и прав избирательных, прав на участие в самоуправлении.

Литература

1. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // Свод законов Российской империи. 1857. Т. XV. Законы уголовные. Кн. II. Раздел II. О предварительном следствии. С. 9–27.
2. О взысканиях гражданских // Свод законов Российской империи. 1857. Т. X. Ч. II. Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. Кн. III. Раздел II. О порядке описи, оценки и публичной продажи имущества. С. 336–396.
3. Общее образование управления в губерниях // Свод законов Российской империи. 1857. Т. II. Ч. I. Общее губернское учреждение. Кн. I. Раздел III. Общие правила о производстве дел в присутственных местах. С. 17–35.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. 1857. Т. XV. Законы уголовные. Кн. I. Раздел V. О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной. С. 105–155.
5. Устав о службе по выборам // Свод законов Российской империи. 1857. Т. III. Уставы о службе гражданской. Кн. II. Раздел I. О службе по выборам дворянским. С. 1–61.
6. Учреждения властей и мест губернских // Свод законов Российской империи. 1857. Т. II. Ч. I. Общее губернское учреждение. Кн. II. Раздел II. Общее учреждение Губернских Правлений. С. 166–239.
7. *Васильчиков А.И.* О самоуправлении. СПб.: тип. Э. Праца, 1870–1871. Т. 1. 368 с.
8. *Дорская А.А.* Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 227 с.
9. *Дорская А.А.* Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 213–224.

10. *Ельчанинов А.В.* О самоуправлении. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1906. 15 с.
11. *Еремина Т.И.* Законодательное регулирование поступления на гражданскую службу в государственной системе просвещения Российской империи в XIX – начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 159. С. 115–123.
12. *Иванова Н.Ю.* Развитие административной юстиции в России в контексте городской реформы 1870 года // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3 (58). С. 107–112.
13. *Пащенко Д.А.* Несколько тезисов о правах человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 1 (7). С. 122–129.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XIII. Отд. 1: 1838. СПб., 1839. 966 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XVIII. Отд. 1: 1843. СПб., 1844. 936 с.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1341. Оп. 124.

References

1. Zakony' o sudoproizvodstve po delam o prestupleniyax i prostupkax // Svod zakonov Rossijskoj imperii. 1857. T. XV. Zakony' ugovolny'e. Kn. II. Razdel II. O predvaritel'nom sledstvii. S. 9–27.
2. O vzy'skaniyax grazhdanskix // Svod zakonov Rossijskoj imperii. 1857. T. X. Ch. II. Zakony' o sudoproizvodstve i vzy'skaniyax grazhdanskix. Kn. III. Razdel II. O poryadke opisi, ocenki i publichnoj prodazhi imushhestva. S. 336–396.
3. Obshee obrazovanie upravleniya v guberniyax // Svod zakonov Rossijskoj imperii. 1857. T. II. Ch. I. Obshee gubernskoe uchrezhdenie. Kn. I. Razdel III. Obshie pravila o proizvodstve del v prisutstvenny'x mestax. S. 17–35.
4. Ulozhenie o nakazaniyax ugovolny'x i ispravitel'ny'x // Svod zakonov Rossijskoj imperii. 1857. T. XV. Zakony' ugovolny'e. Kn. I. Razdel V. O prestupleniyax i prostupkax po sluzhbe gosudarstvennoj i obshhestvennoj. S. 105–155.
5. Ustav o sluzhbe po vy'boram // Svod zakonov Rossijskoj imperii. 1857. T. III. Ustavy' o sluzhbe grazhdanskoj. Kn. II. Razdel I. O sluzhbe po vy'boram dvoryanskim. S. 1–61.
6. Uchrezhdeniya vlastej i mest gubernskix // Svod zakonov Rossijskoj imperii. 1857. T. II. Ch. I. Obshee gubernskoe uchrezhdenie. Kn. II. Razdel II. Obshee uchrezhdenie Gubernskix Pravlenij. S. 166–239.
7. *Vasil'chikov A.I.* O samoupravlenii. SPb.: tip. E. Pracza, 1870–1871. T. 1. 368 s.
8. *Dorskaya A.A.* Gosudarstvennoe i cerkovnoe pravo Rossijskoj imperii: problemy' vzaimodejstviya i vzaimovliyaniya. SPb.: RGPU im. A.I. Gercena, 2004. 227 s.
9. *Dorskaya A.A.* Pravovoj status poddannogo Rossijskoj imperii v nachale XX veka: veroispovedny'j aspekt // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2002. № 2. S. 213–224.
10. *El'chaninov A.V.* O samoupravlenii. M.: Izd-vo I.D. Sy'tina, 1906. 15 s.
11. *Eremina T.I.* Zakonodatel'noe regulirovanie postupleniya na grazhdanskuyu sluzhbu v gosudarstvennoj sisteme prosveshheniya Rossijskoj imperii v nachale XX veka // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2013. № 159. S. 115–123.
12. *Ivanova N.Yu.* Razvitie administrativnoj yusticii v Rossii v kontekste gorodskoj reformy' 1870 goda // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2013. № 3 (58). S. 107–112.

13. *Pashencev D.A.* Neskol'ko tezisov o pravax cheloveka // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011. № 1 (7). S. 122–129.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. T. XIII. Otd. 1: 1838. SPb., 1839. 966 s.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii. Sobranie 2-e. T. XVIII. Otd. 1: 1843. SPb., 1844. 936 s.
16. Rossijskij gosudarstvenny'j istoricheskij arxiv. F. 1341. Op. 124.

N.U. Ivanova

**To the Issue of the Infraction of the Jews Rights in the Russia Empire
(the Illegal Suspension in the Local Government)**

The activity of administrative superior justice body is considered. It is shown that the conflicts between Jews taking up public posts and their authorities were not rare. The unknown cases of Russian State History Archive are considered.

Keywords: administrative justice; Governing Senate; Russian Empire; rights of the Jews; local government.

В.А. Томсинов

Государственный строй абсолютной монархии в Англии: новый взгляд

В статье раскрываются понятие и признаки абсолютной монархии. Показаны особенности развития абсолютной монархии в Англии. Автор опровергает тезис о том, что английский абсолютизм имел незавершенный характер. Абсолютная монархия характеризуется как самостоятельное политическое сообщество, организованное на основе публично-правовых принципов.

Ключевые слова: абсолютная монархия; государственный строй; государство; революция; форма правления.

Абсолютной монархией или абсолютизмом называют государственный строй, существовавший в европейских странах в эпоху перехода от феодализма к капитализму. В истории России эта эпоха пришлась на время с конца XVII до начала XX столетия, в Англии она заняла XVI и почти весь XVII век. Во Франции признаки абсолютной монархии впервые появились в XV столетии, но как политическая система, как государственный строй французский абсолютизм сформировался только в первой половине XVII века. В Испании становление абсолютистской политической системы началось во второй половине XV века и завершилось, так же как и в Англии, во второй половине XVI столетия.

Тема абсолютной монархии является ключевой для познания закономерностей формирования в Европе современного государства. В исторической литературе возникновение его основ связывается с буржуазными революциями XVII и XVIII веков в Англии и Франции. 1640 год, в конце которого началась английская революция, считается даже моментом наступления новой эпохи мировой истории — так называемого Нового времени. Между тем документы буржуазных революций и происходившие в их процессе события достаточно убедительно показывают, что эти революции были направлены на уничтожение традиционной, сложившейся естественно-историческим путем государственности и при этом взамен ее никакого сколько-нибудь устойчивого государственного строя не создавали.

Законодательство восставшего против короля Карла I английского «долгого парламента» 1641 – первой половины 1642 года разрушило юридическую конструкцию верховной государственной власти, сформировавшуюся постепенно в течение трех столетий и обеспечивавшую необходимый для после-

довательного развития Английского королевства баланс политических интересов и сил¹. Разразившиеся вследствие этого две гражданские войны выдвинули на господствующие позиции в политической жизни Англии антимонархически настроенные армейские группировки, которые, захватив власть, казнили короля Карла I и ликвидировали основные институты традиционного монархического государственного строя. Данная революция завершилась в 1660 году тем, что парламент признал новым английским королем Карла II, сына казненного короля. В Англии была восстановлена монархия, которая в сущности оказалась той же самой, которая существовала в этой стране до начала революции².

Ликвидация монархии во Франции привела к возникновению революционной диктатуры, которая, хотя и объявила себя республикой, на самом деле представляла собой совершенно искусственное политическое образование, призванное решать лишь насущные проблемы группировок, захвативших власть, и неспособное стать нормальным государством, обеспечивающим интересы общества. И в Англии, и во Франции такое государство восстанавливалось только контрреволюционным движением, которое прекращало революцию и обрушивало на революционеров жестокие репрессии.

Изучение обстоятельств, повлекших за собой революционный взрыв в Англии и во Франции, заставляет предположить, что *настоящая, объективно вызревшая в феодальном обществе политическая революция, имевшая своим смыслом разрушение феодальной государственности и замену ее государственностью буржуазной, происходила в этих странах в рамках государственного строя абсолютной монархии*. А те события, которые историки называют «английской буржуазной революцией 1640–1660 годов» и «Великой французской буржуазной революцией 1789–1794 годов»³, были на самом деле всего лишь общественными эксцессами, вызванными в большей степени случайно возникшими обстоятельствами: экономическими неурядицами, обострением борьбы между различными группировками внутри господствующего класса, неспособностью лиц, занимав-

¹ См. об этом книгу: Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. М.: Зерцало-М, 2010. С. 87–156, 176–264.

² Не были восстановлены отмененные в ходе революции полномочия короля по *jus feodiale* и судебная функция Тайного совета — так называемая Звездная палата, но они составляли лишь побочные атрибуты монархической власти: английский король вполне мог обходиться без них.

³ В исторической литературе завершение великой французской революции относится к 1794 году и связывается с падением якобинцев и казнью Робеспьера. Думается, историки не учитывают того факта, что данное событие не сопровождалось отходом Конвента от революционной идеологии и представляло собой всего лишь эпизод в борьбе различных группировок революционеров между собой. Настоящий отход от революционной идеологии и соответственно прекращение революции ознаменовало принятие 22 августа 1795 года Декларации прав и обязанностей человека и гражданина и новой Конституции Франции. Последнюю дату и следует, по моему мнению, считать моментом окончания Великой французской революции. См. тексты этих документов в издании: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Сост.: В.А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2012. С. 209–226.

ших монархический трон, разрешить элементарные проблемы государственного управления и как следствие — падение авторитета государственной власти, ее резкое ослабление.

* * *

В исторической и историко-правовой литературе главной сущностной чертой абсолютной монархии считается обыкновенно неограниченный характер власти монарха, сосредоточившего в своих руках все властные полномочия и получившего тем самым возможность вмешиваться во все государственные дела. Такое понимание абсолютной монархии сложилось еще в XIX веке под большим влиянием антимонархических доктрин американской и французской революций¹. Соответственно ему становление абсолютной монархии связывалось с возникновением сильной монархической власти².

Недавно вышедшая в свет пятитомная «Энциклопедия политической науки», суммируя доминирующие в современной исторической литературе представления об абсолютной монархии, дает следующее определение этого явления: «Абсолютизм — это исторический термин для формы правления, при которой правитель является абсолютным властителем, не ограниченным каким-либо другим институтом, такими как церкви, сословия, конституция, законы или оппозиция... Абсолютизм характеризуется окончанием феодальной раздробленности, унификацией и централизацией государства, использованием профессиональной постоянной армии и профессиональных бюрократов, кодификацией государственных законов. Общий подъем государственной власти выразился в роскошном образе жизни абсолютных монархов, которые идентифицировали себя с государством (“L’Etat c’est moi”, — требовал король Франции Людовик XIV). Абсолютистские монархи пытались персонально вмешиваться в каждую сферу; поэтому благосостояние государства находилось в зависимости от их компетенции» [12: p. 3].

Рассматриваемая с этой точки зрения абсолютная монархия противопоставляется в цитируемой энциклопедии монархии феодальной. «До периода демократизации существовало два типа европейских монархий. Первой была *аристократическая монархия* (напр., феодальная монархия; она не давала суверену абсолют-

¹ В «Юридическом словаре» Джона Бувьера, который вышел первым изданием в 1839 году, абсолютизм определялся как «правление, при котором публичная власть принадлежит какому-либо лицу или лицам, не сдерживаемым и не контролируемым каким-либо законом или институтом» (*Bouvier J. Law Dictionary, adapted to the Constitution and Laws of the United States of America and of the Several States of the American Union: with References to the Civil and Other Systems of Foreign Law. Vol. 1. Philadelphia, 1883. P. 77*). Этим определением государственный строй абсолютной монархии противопоставлялся республиканскому строю, предполагавшему ограничение единоличной власти конституцией и системой институциональных сдержек и противовесов.

² Описывая переход ведущих стран Западной Европы от феодализма к капитализму, историк Н.И. Карев отмечал: «К концу Средних веков мы наблюдаем повсеместное усиление королевской власти, которая в Новое время делается абсолютной» (*Карев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 1: Переход от Средних веков к Новому времени. СПб., 1892. С. 11*).

ной власти, но предоставляла ему только ограниченную власть, сдерживаемую силой аристократов). Второй была *абсолютная монархия*, которая позволяла королям пользоваться неограниченной властью» [12: р. 316].

Представление о государственном строе абсолютной монархии как о системе неограниченной единоличной власти монарха столь прочно укоренилось в современной исторической науке, что ученые от него не отказываются даже тогда, когда сталкиваются с фактами, показывающими, что власть и английского короля, и французского, и любых других монархов, правивших в эпохи Ренессанса и Нового времени, имела ограничения как в праве, так и в институтах. В этом случае историки склонны скорее отказаться от факта существования абсолютной монархии, чем от своих представлений о ней. Именно это сделал в своей книге «Миф абсолютизма» Николас Хеншелл. Убедившись при изучении абсолютных монархий в том, что «ни один монарх к западу от границ России теоретически не был настолько абсолютным, чтобы нарушать права подданных или вводить налоги без их согласия», что «любое полномочие монарха действовало не единообразно на всех подчиненных ему территориях, а варьировалось согласно местным законам и обычаям», что «правление осуществлялось министрами, не обязательно имевшими одинаковые взгляды на конституцию», британский историк пришел к мысли о необходимости отказаться от терминов «абсолютизм», «абсолютная монархия». «Как после этого французскую — да и другие европейские монархии — можно считать абсолютными?», — заявил он [2: с. 227].

Между тем словосочетания типа «*monarchia absoluta*», «*potentia absoluta*», то есть определения власти как абсолютной, не являются выдумками историков: данные термины действительно использовались в лексике европейского Средневековья и Ренессанса.

Так, средневековые теологи спорили относительно «*potential absoluta* (абсолютного могущества)» и «*potentia ordinata* (упорядоченного могущества)» Бога. Авторитетнейший итальянский философ и теолог Фома Аквинский (*Thomas Aquinas*, 1225–1274) писал в «Сумме теологии», отвечая на вопрос, «может ли Бог сделать то, чего Он не делает»: «А то, что атрибутируется божественному могуществу (*potentiae divinae*) сообразно тому, что оно исполняет повеление воли, называется тем, что Бог может сообразно *упорядоченному могуществу* (*potentia ordinata*). Следовательно, согласно этому надлежит сказать, что сообразно *абсолютному могуществу* (*potentia absoluta*) Бог может сделать иное, нежели то, что Он пред-узнул и пред-определил Себе сделать. Однако не может быть такого, чтобы Он делал то, что не пред-узнул и пред-определил Себе сделать, ибо Его действие подлежит пред-знанию и пред-определению, но само могущество, которое есть Его природа, — нет. Действительно, Бог *делает* нечто потому, что волит это, но *может* сделать это не потому, что волит, но потому, что это принадлежит Ему по природе» [1: с. 349]. Проблему соотношения *potentia absoluta* и *potentia ordinata* решали также шотландский теолог Иоанн Дунс Скот (*Johannes Duns Scotus*, 1266–1308),

английский философ Уильям Оккам (*William of Ockham*, 1285–1347)¹ и другие средневековые интеллектуалы. Каждый из них по-своему толковал термин *potentia absoluta* [4], но при этом все они сходились в признании, что абсолютная власть выходит за рамки обыкновенного порядка властвования, что она вытекает из природы ее носителя и потому только его природой ограничена, что она не применяется, но возможность ее применения всегда существует.

Поскольку Бог мыслился обладающим властью как ординарной, так и абсолютной, то и Римский Папа, носивший в Средние века титул императора, также считался наделенным властью и ординарной, и абсолютной. Назначение и соотношение этих двух властей главы Римско-католической церкви ясно показывает инструкция, данная 27 ноября 1528 года Генрихом VIII двум своим посланникам, отправлявшимся в Рим на переговоры по вопросу развода английского короля с Екатериной Арагонской. В ней говорилось: «Папа может, *ex plenitudine potestatis*, обойтись без короля в решении вопроса о втором браке с легитимацией детей; и, хотя это то, что Папа, наверное, не может делать согласно уже записанным божественным и человеческим законам, применяя свою ординарную власть, может ли он сделать это на основе единственно своей абсолютной власти, при осуществлении которой он может стать выше закона»².

В цитированной выше книге Николаса Хеншелла «Миф абсолютизма» можно обнаружить много категоричных высказываний. «Одним из немногих суждений, которые с уверенностью можно вынести в отношении абсолютизма, является то, что в Англии его никогда не было» [2: с. 226], — констатирует британский историк. В нашей же историко-правовой литературе распространенным является характеристика английского абсолютизма как «незавершенного». Основание для подобных оценок усматривается в сохранении в Англии в качестве представительного органа парламента и в отсутствии разветвленного бюрократического аппарата.

На самом деле абсолютизм в Англии существовал и был вполне зрелым явлением. Историки, характеризующие его в качестве «незавершенного», не понимают, что в этой стране парламент являлся (и до сих пор является) неотъемлемой частью верховной государственной власти, воплощавшейся в органе, который можно обозначить как «король-в-парламенте». Только вместе с парламентом король мог издавать акты, имеющие юридическую силу — статуты и ордонансы. Только король-в-парламенте мог принимать решения о сборе налогов и выносить

¹ См.: *Randi E. Ockham John XXII and Absolute Power of God // Franciscan Studies. 1986. Vol. 46. William of Ockham (1285–1347). Commemorative Issue. Part 3. P. 205–216.*

² «The Pope may, *ex plenitudine potestatis*, dispense with the King to proceed to a second marriage, with legitimation of the children; and, although it is a thing that the Pope perhaps cannot do in accordance with the divine and human laws already written, using his ordinary power, whether he may do it of his mere and absolute power, as a thing in which he may dispense above the law» (*Instructions to Sir Francis Bryan and Peter Vannes, sent to the Court of Rome // Letters and Papers Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII / Arranged and catalogued by J.S. Brewer. London, 1872. Vol. 4. Part 2. P. 2158.*)

приговоры по делам о государственной измене. С точки зрения юридической доктрины английской верховной власти, король мыслился неотъемлемой частью парламента — одной из корпораций (*estates*), существовавшей наряду с корпорациями (*estates*) общин (*commons*), лордов духовных и лордов светских¹. Томас Смит (1513–1577) английский государственный деятель и правовед писал в своем трактате «Об Английском Государстве» о том, что монарх Англии имеет абсолютную власть². Но при этом он отмечал, что «наивысшая и абсолютная власть королевства Англии заключается в парламенте»³.

Генрих VIII говорил на 34-м году своего правления парламентариям: «Мы информированы нашими судьями о том, что ни в какое время мы не стоим столь высоко в своем Королевском Статусе, как во время [сессии] Парламента, где мы, как Глава, и вы, как Члены, соединяемся и сливаемся в одно Политическое Тело»⁴. Эти слова английского короля приводил в 1637 году в своей защитительной речи перед судьями Палаты Казначейства (*the Exchequer-Chamber*) по делу Джона Хэмпдена (*ship-money case*) правовед Оливер Сэнт Джон (*Oliver St. John*, 1598–1673). «Декларация их, — пояснял он при этом, — показывала таким образом, что это было собственное мнение короля, согласно которому он ни в какое время не стоял столь высоко в своем статусе, как во время парламента»⁵.

¹ См. об этом: *Томсинов В.А.* Государственный строй Англии накануне революции 1640–1660 гг. Статья первая // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2006. № 3. С. 3–21.

² *De Republica Anglorum. The manner of Government or policie of the Realme of England*, compiled by Sir Thomas Smyth Knight, Doctor of both the lawes, and one of the principal Secretaries unto the two most worthy Princes, King Edward the sixt, and Queene Elizabeth. Seen and allowed. At London, Anno Domini 1583. P. 58–60.

³ «The most high and absolute power of the Realme of Englande, consisteth in the Parliament». (*Ibidem*. P. 48). Подобным образом характеризовал английский парламент и виндзорский каноник У. Харрисон, автор книги «Описание Англии...», вышедшей двумя изданиями — в 1577 и в 1587 г. По его словам, парламент Англии «обладает наивысшей и абсолютной властью в королевстве, так как посредством его короли и могущественные принцы время от времени свергались со своих тронов, законы издавались или отменялись, преступления любого рода наказывались, и извращенные религии уничтожались или реформировались». (*A Description of England or a briefe rehersall of the nature and qualities of the people of England and such commodities as are to be found in the same. Comprehended in two bookes and written by W.H. [That is William Harrison, Rector of Radwinter, Canon of Windsor]. The 2nd edition of 1587, collated with the 1st edition of 1577. Part I. P. 173*). Я пользовался репринтным изданием этой книги, вышедшим в 1877 г.

⁴ «We being informed by our judges, that We at no time stand so highly in our Estate Royal, as in the time of Parliament, wherein we as Head, and you as members, are conjoined and knit together into one body politick» (*Proceedings in the Case of Ship-Money, between the King and John Hampden Esq., in the Exchequer, 1637. 13. Car. I // A Complete Collection of State-Trials and Proceedings for High-Treason and other Crimes and Misdemeanours; from the Reign of King Richard II to the Reign of King George II. In six volumes. The third edition, with additions. London, M. DCC. XLII (1742). Vol. 1. P. 518*). См. об этом также: *Bibliotheca Politica: or a Discourse by way of Dialogue, whether the King be the Sole Supream Legislative Power of the Kingdom; and whether our Great Councils, or Parliaments, be a Fundamental Part of the Government, or else proceeded from the Favour and Concessions of former Kings. London, 1692. P. 345*.

⁵ *A Complete Collection of State-Trials and Proceedings for High-Treason and other Crimes and Misdemeanours. Vol. 1. P. 518*.

Мысль о том, что высшая власть воплощалась в Англии не в институте единоличной королевской власти, но в короле, действующем в соединении с парламентом, высказывал в 1610 году в своем выступлении в парламентских дебатах по проблеме налогов правовед Джеймс Уайтлок (*James Whitelocke*, 1570–1632). Он подчеркивал, в частности, что в Англии «суверенная власть пребывает, по общему согласию, в короле: но в короле есть двойная власть; одна — в парламенте, когда ему содействует согласие всего государства; другая — вне парламента, когда он один и единственный, руководствующийся только собственной волей. И если из этих двух властей в короле одна более великая, чем другая, и может направлять и контролировать другую, то есть является *suprema potestas*, верховной властью, а другая — *subordinate*, тогда будет легко доказать, что власть короля в парламенте более великая, чем его власть вне парламента, и направляет и контролирует ее»¹.

Как истинно высшую власть представлял власть короля-в-парламенте депутат Палаты общин Джордж Дигби (*George Digby*, 1612–1677). «Истина, сэр, — говорил он в своей парламентской речи 19/29 января 1640/1641 года², — заключается в том, что Король Англии никогда не стоит в своей славе, в своем величии, в своем Величественном Суверенитете так, как в *парламентах*. Где полномочие назначать налоги? Где полномочие восстанавливать в правоспособности? Где законодательная власть? Соединены в короле, мистер *стикер*. Но как? В короле, окруженном, укрепленном и усиленном его *Парламентом*. Король вне *парламента* имеет ограниченную, очерченную юрисдикцию. Но сопровождаемый своим *парламентом* — ни один монарх Востока не является столь абсолютным в рассеивании недовольства»³.

Власть английского короля, так же как власть монарха во Франции, не была властью неограниченной, но тем не менее она являлась достаточно развитой абсолютной монархией. Государственный строй, обозначаемый этими словами, невозможно свести к одной какой-либо черте. Он был столь же многогранным, сколь многозначным являлось само понятие «абсолютная монархия».

Содержание политических трактатов и официальных документов — протоколов заседаний Палаты лордов и Палаты общин, судебных процессов по делам

¹ Цит. по: *Holdsworth W. A History of English Law. London, 1966. Vol. 6. P. 85.*

² В Англии действовал в то время юлианский календарь, согласно которому новый год начинался 25 марта. В XVII веке расхождение между юлианским и григорианским календарями составляло десять дней.

³ «The truth is Sir, the Kings of *England* are never in their glory, in their splendor, in their Majestique Sovereignty, but in *Parliaments*. Where is the power of imposing Taxes? Where is the power of restoring from incapacities? Where is the legislative Authority? Marry in the King, Mr. *Speaker*. But how? In the King circled in, fortified and evirtuated by his *Parliament*. The King out of *Parliament* hath a limited, a circumscribed Jurisdiction. But wayted on by his *Parliament*, no Monarch of the East is so absolute in dispelling Grievances» (The Lord Digbyes speech in the House of Commons to the Bill for trienniall Parliaments. Jan. 19. 1640 // The Speeches of the Lord Digby in the High Court of *Parliament*, concerning grievances and the Trienniall Parliament. London, 1641. P. 24).

о государственной измене и т. д. — показывает, что словосочетания «absolute monarchy» или «absolute power» (абсолютная монархия или абсолютная власть) являлись в первые десятилетия XVII века вполне устоявшимися в английской политической лексике терминами. Употреблялись они в разных значениях.

Во-первых, под абсолютной монархией могла подразумеваться форма правления, при которой над королем не стояло никакой другой власти¹. Первым из английских королей это качество приобрел Генрих VIII, который в результате проведенной им в середине 30-х годов XVI века церковной реформы стал главой церкви и соответственно императором.

Во-вторых, термин «absolute monarchy» считался, в соответствии с главным смыслом латинского слова «absoluta», синонимом термина «совершенная монархия»².

В-третьих, король именовался абсолютным монархом в силу того, что источник его власти проистекал не от народа, не от какой-либо социальной группы, но возводился к Богу³.

¹ Английский правовед сэр Джон Элиот писал в 1631 г. в своем трактате «Монархия человека»: «Абсолютная власть — это не та, которой позволено делать все, но та, что не имеет над собой верховной власти (Absolute authority is not that w[h]ich has a licence to doe any thing, but what has not a superiority above it)» (*Eliot J. The Monarchie of Man. In two vols / Ed. A.B. Grosart. London, 1879. Vol. 2. P. 58.*)

² Латинское определение «absolūtus» в одном из своих смыслов равнозначно терминам «perfectum», «accomplished» — «совершенный». Словосочетание «monarchia absoluta» дословно переводится соответственно как «совершенная монархия». Именно такой перевод термина «absolute» дается в «Толкователе трудных английских слов», составленном английским лексикографом начала XVII в. джентльменом Генри Кокерамом (*Henry Cockeram*). *H.C. The English Dictionarie: or Interpreter of Hard English Words. London, 1623.* Английский философ Чарльз Батлер (1560–1647) писал в трактате «Женская монархия», опубликованном первым изданием в Оксфорде в 1609 г.: «Так как пчелы привержены так же полиархии, как анархии, Бог показывает в них людям ясный образец СОВЕРШЕННОЙ МОНАРХИИ, НАИБОЛЕЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ (For Bees abhorre as well polyarchie, as anarchie, God having shewed in them unto men, an expresse patterne of A PERFECT MONARCHIE, THE MOST NATURAL AND ABSOLUTE FORME OF GOVERNMENT)» (*Butler Ch. The Feminine Monarchie: or The Historie of Beers. Schewing their admirable nature and properties, their generation and colonies, their government, loyalty, art, industry, enemies, warres, magnanimitie &c. Together with the right ordering of them from time to time: and the sweet profit arising thereof. London, 1623. B2 recto-verso.*)

³ Эдуард Кук, говоря в пятой части своих «Reports» об «абсолютных монархах», отмечал, что это короли, «которые держат свои королевства и владения посредством законного наследования и по неотъемлемому прирожденному праву и вследствие передачи наследства (согласно фундаментальным законам этого королевства) непосредственно от Всемогущего Бога, а не от держателей их королевств (если бы таковые имелись), по воле и желанию какого бы то ни было иностранного властителя (absolute Princes, who hold their kingdoms and dominions by lawful succession, and by inherent birth-right and descent of inheritance, (according to the fundamental laws of this realm) immediately of Almighty God, and are not tenants of their kingdoms (as they would have it) at the will and pleasure of any foreign potatate whatsoever)» (*The Reports of Sir Edward Coke, Knt. In english, in thirteenth parts complete; with reference to all the ancient and modern books of the law. London, 1777. Vol. 3. P. XXIXb.*) Первое издание пятой части «Reports» Э. Кука вышло в 1605 г.

В-четвертых, абсолютной монархией называлось политическое сообщество с одним главой — королем, обладающим полной и всеобъемлющей властью и правомочием вершить правосудие относительно всех его членов и по любым делам, как светским, так и церковным¹.

В-пятых, абсолютной именовалась власть, которую монарх осуществлял единолично, без совета с парламентом, на основе так называемой абсолютной королевской прерогативы. Содержание этой власти составляли, например, полномочия назначать членов Тайного совета и отстранять их от должности, созывать и распускать парламент, приостанавливать его деятельность и т. д. Абсолютной в смысле единоличной была власть английского короля как главы англиканской церкви. Абсолютной властью пользовался король при осуществлении полномочий главы государства за пределами своего королевства, то есть во внешней политике. Королевская же власть, осуществлявшаяся внутри страны и совместно с парламентом, называлась ординарной².

Указанные значения понятия абсолютной власти имели одну общую черту: все они предполагали ее осуществление на основе юридических норм. Правовой характер королевской власти признавали и сами короли — Яков I и Карл I.

В конце 1607 года в Англии вышел в свет толковый словарь юридических терминов, написанный профессором гражданского права Кембриджского университета Дж. Ковеллом [5]. В статье, посвященной слову «king», автор напи-

¹ Эдуард Кук писал в пятой части «Reports»: «This kingdom of England is an absolute empire and monarchy consisting of one head, which is the King, and of body politic, compact and compounded of many, and almost infinite several, and yet well agreeing members... subject and obedient to the head: also the kingly head of this politic body is instituted and furnished with plenary and entire power, prerogative and jurisdiction, to render justice and right to every part and member of this body, of what estate, degree, or calling soever in all causes ecclesiastical and temporal, otherwise he should not be a head of the whole body» (Ibid. P. VIIIb).

² Лорд — главный барон Казначейства Томас Флеминг (1544–1613) говорил в своей речи на процессе по делу купца Джона Бэйтса: «Королевская власть двойная: ординарная и абсолютная, и они имеют различные законы и цели. Ординарная власть существует для выгоды отдельных подданных, для исполнения гражданского правосудия, для регулирования частного; и она осуществляется посредством права справедливости и правосудия в ординарных (обыкновенных) судах, и называется цивилистами *jus privatum*, а нами — *common law*: и эти законы не могут быть изменены без парламента, и хотя их форма и процедура исполнения могут быть изменены и приостановлены, однако в них никогда не могут вноситься изменения, касающиеся их сущности. Абсолютная власть короля не является такой, которая обращается или исполняется для частной пользы, для выгоды какого-либо частного лица, для блага какого-либо отдельного лица, но бывает исключительно такой, которая применяется для общего блага народа, т. е. для *salus populi*, так как народ есть тело, а король — голова; и эта власть регулируется правилами, которые предписывает только *common law*, и ей наиболее соответствует название полиция или правительство, и поскольку конституция этого тела изменяется с течением времени, постольку изменяется это абсолютное право, согласно разуму, для общей пользы» (The Case of Impositions, on an Information in the Exchequer by the Attorney-General against Mr. John Bates, Merchant. Michaelmas, 4 James I.A.D. 1606–1610 // A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and Other Crimes and Misdemeanors from the earliest period to the Year 1783, with notes and other illustrations / Compiled by T.B. Howell. In twenty one volumes. London, 1816. Vol. 2. Col. 389).

сал, что король «стоит над законом посредством своей абсолютной власти, и хотя для лучшего и плавного течения законодательного процесса он прибегает к советам с тремя сословиями, то есть лордами духовными, лордами светскими и общинами, однако он делает это, по мнениям различных умных людей, не по принуждению, но по своей собственной доброте или на основании своего обещания, данного под присягой во время коронации»¹. Интерпретация абсолютной королевской власти, данная Дж. Ковеллом, вызвала серьезные опасения со стороны депутатов созванного в 1609 году парламента. Со своими вопросами, навеянными указанными интерпретациями, парламентарии обратились к королю.

8/18 марта 1609/1610 года на Конференции обеих палат парламента лорд-казначей зачитал послание Якова I, в котором было выражено мнение Его Величества о толковом словаре Дж. Ковелла. Король признал, что «эта книга слишком дерзко обходится с общим правом страны (common law of land)» [9: p. 23]. О сущности своей власти Яков I счел необходимым заметить, что в обладании ею он «не обязан никакой избирательной власти и не зависит от одобрения народа, однако признает, что хотя он получил свой титул от линии своих предков, но именно закон возложил корону на его голову, и он является королем на основании общего права страны»². Развивая эту мысль, Его Величество обратил внимание парламентариев на опасность подвергать королевскую власть определению. При этом он признал, что не имеет полномочия единолично издавать законы или взыскивать какие-либо субсидии *de jure* без согласия своих 3 сословий». В заключении своего послания король заявил: «Существует такое тесное единение и союз между прерогативой и законом, что их невозможно разъединить» [9].

В речи, произнесенной перед лордами и общинами 21/31 марта 1609/1610 года, Яков I говорил, что король обязывается двойной присягой «к соблюдению фундаментальных законов своего королевства: молчаливо — тем, что он является королем и поэтому обязан защищать как свой народ, так и законы своего королевства; и *выразительно* — посредством своей присяги во время коронации: так что любой истинный король в устоявшемся королевстве обязан соблюдать порядок, установленный для его народа его законами, создавая правительство, соответствующее этому» [7: p. 309].

Факты свидетельствуют, что английские короли не только на словах, но и на практике показывали свою приверженность праву, стремление соблюдать так называемые «фундаментальные законы», то есть основополагающие правовые нормы, регулирующие их взаимоотношения с парламентом, закрепляющие права и вольности подданных. Эти нормы были хаотичны,

¹ Цит. по: Select statutes and other constitutional documents illustrative of the reigns of Elizabeth and James I / Ed. by G.W. Prothero. Oxford, 1913. P. 409–410.

² «His Majestic said further That for his Kingdome he was beholden to noe elective power, neither doth he depend upon any popular applause; and yet he doth acknowledge that, though he did derive his tytle from the loynes of his ancestors, yet the lawe did set the Crowne upon his head, and he is a Kinge by the comon lawe of the land» (Ibidem. P. 24).

многие из них не отличались четкостью, допускали различные толкования и даже противоречили друг другу, но ни короли Яков I и Карл I, ни оппозиционно настроенные по отношению к их политике парламентарии не допускали ни малейшей попытки отказаться от них. Более того, каждый из участников политического процесса искренне считал право своей страны подлинным верховным властителем в королевстве — настоящим абсолютным монархом в Англии. Парламентарии и другие английские подданные видели в фундаментальных законах своего королевства, в нормах *common law* гарантии своих личных свобод, средства защиты имущественных прав. Для королей же опора на признаваемые обществом правовые формы являлась необходимым способом осуществления власти. В их распоряжении не было развитого бюрократического аппарата, у них отсутствовала постоянная армия. Без согласия парламента они могли собрать законным путем не более двух третей финансовых средств, необходимых для обеспечения их государственной деятельности. В этих условиях исполнение исходивших от короля команд зависело в довольно большой степени от желания подданных подчиняться им. А чтобы такое желание у англичан появилось, эти команды должны были обладать качеством легитимности в их глазах.

В исторической литературе, посвященной Англии XVII столетия, государственный строй абсолютной монархии часто противопоставляется монархии конституционной. Так, во втором томе книги американского историка права Гарольда Бермана «Право и революция» утверждается, что «до 1640 года формой правления в Англии была абсолютная монархия, в которой король правил с помощью своего совета и иногда, в случае когда созывал его, с помощью своего парламента... После 1689 года формой правления была конституционная монархия, в которой парламента собирался постоянно и был высшим органом, хотя король и его совет сохраняли, с согласия парламента, существенную власть, особенно относительно иностранных дел и заморских колоний» [3: р. 207]. Подобное представление о развитии английской государственности в XVII веке проводится и в книге П. Гордона и Д. Лоутона «Королевское воспитание: прошлое, настоящее и будущее». По их мнению, частью истории «славной революции» 1688 года был «поворот от абсолютизма и божественного права к конституционной монархии и ответственному правительству». «Мы можем рассматривать период Стюартов, — пишут они, — как время, когда почти абсолютная власть была трансформирована в начала ограниченной монархии конституционного рода» [6: р. 6, 87].

Приведенные выше факты, показывающие явное стремление английских королей действовать в рамках юридических норм, заставляют отвергнуть представление о противоположности абсолютной монархии конституционной. На самом деле английская абсолютная монархия являлась одновременно монархией конституционной.

Феодальное государство было неотделимо от общества, оно было устроено преимущественно как частнопредпринимательская корпорация: его институты раство-

рялись в сословной организации господствующего класса, а функции государственной власти в большинстве своем оказывались производными от прав на землю. По этой причине в средневековой политико-правовой идеологии отсутствовало понятие государства.

В течение XV–XVI веков в Англии шел процесс усиления публично-правовых начал в организации королевской власти и в механизмах ее осуществления. В политико-правовой идеологии эти изменения выразились в утверждении представления о государстве как *самостоятельном политическом сообществе, организованном на основе публично-правовых принципов*, и в появлении трактовки короля в качестве *политического института*, существующего наряду с королем как физической персоной.

Английское государство мыслилось в Средние века в качестве явления, неразрывно связанного с носителем верховной государственной власти — королем, считалось его принадлежностью. Поэтому для его обозначения в законодательных актах чаще всего применялось выражение «это королевство Англия (this realm of England)» или просто «это королевство». Термин «state» употреблялся в средневековых документах, но исключительно для обозначения *состояния* страны или монарха. Таковым оставался его смысл и в документах первой половины XVI века.

С XV века вместо термина «королевство» в английских политических сочинениях иногда использовался термин «common weal» или «common wealth», но под ним подразумевалось не государство, а скорее объединение различных социальных групп для достижения общего для всех блага. Именно такое значение приписывал словосочетанию «commonwealth» английский мыслитель Томас Элиот (*Thomas Elyot*, 1490–1546). В сочинении «Книга, называемая Правитель», написанном в 1531 году, он, стремясь точнее определить значение термина «public weal», попытался сравнить его с выражением «common weal». По его словам, «между public weal (публичным благом) и common weal (общим благом) может оказаться такое различие в английском языке, какое следовало бы проводить в латинском между терминами “res publica” и “res plebeian”, и если после этого будет употребляться термин “common weal”, то здесь должны быть или только коммонеры благополучными, а благородные и знатные люди, терпящие нужду, и убогие должны быть исключены, все люди должны быть одной степени и категории и обеспеченные новым именем»¹.

В значении общего благосостояния королевства употреблялось выражение «commonwealth» в Первом Статуте об отмене законов, изданном королевой Марией по восшествии своем на престол в 1553 году. Здесь говорилось,

¹ «And consequently there may appere lyke diuersitie to be in englishe betwene a publike weale and a commune weale, as shulde be in latin betwene Res publica and Res plebeia. And after that signification, if there shuld be a commune weale, either the comuners only must be welthy, and the gentil and noble men nedy and miserable, orels excluding gentilitie, al men must be of one degre and sort, and a new name prouided» (The Boke named The Governour. Devised by Sir Thomas Elyot, Knight. London, 1531. P. A2r).

в частности, об отмене «некоторых статутов, изданных в правление короля Эдуарда VI», повлекших быстрое распространение в английском обществе «множества различных и странных мнений и разнообразных сект, вследствие которых возникло великое беспокойство и большое разногласие, ведущее к нарушению commonwealth (общего блага) этого королевства» [11: р. 202].

После принятия Акта об ограничении апелляций словосочетание «commonwealth» стало использоваться в английских законодательных актах также в качестве синонима термина «empire». Например, в Статуте о прокламациях 1539 года было объявлено, что король издает прокламации «для того, чтобы существовало единство и согласие среди любящих и повинующихся подданных этого королевства и других владений, а также заботясь о прогрессе своего commonwealth и добром покое своего народа» [11: р. 726].

Во второй половине XVI века в политическом сознании англичан утвердилось представление об Англии как о некоем самостоятельно существующем политическом сообществе, обособленном, с одной стороны, от монарха, а с другой — от сословной организации. В английской политико-правовой идеологии появилось понятие государства. Для его обозначения английские философы и государственные деятели стали применять уже существовавшие в английской лексике термины — «commonwealth» и «state».

Именно в значении государства — политического сообщества, управляющегося на основе публично-правовых принципов, — употреблялось словосочетание «commonwealth» в опубликованном в 1556 году произведении английского епископа Джона Понета (*John Ponet*, 1514 или 1516–1556) «Краткий трактат о политической власти»¹, причем данное словосочетание ставилось здесь иногда в один ряд с термином «state». Так, Дж. Понет писал, обращаясь к читателям: «Вы слышали также о том, как states, bodies politike и common wealthes имеют власть издавать законы для поддержания политического курса»².

Очевидно, что слова «states», «bodies politike» и «commonwealthes» выступали в этом случае как синонимы: все они обозначали понятие государства — правда, в разных его оттенках. В другом месте своего трактата английский мыслитель использовал выражение «commonwealth» в одном ряду с терминами «country» и «realm». «И люди, — утверждал он, — должны иметь больше уважения к своей стране, чем к своему монарху: к государству (common wealthe), нежели к какой-либо персоне. Так как страна и государство (common

¹ Полное название данного произведения Дж. Понета следующее: «Краткий трактат о политической власти и об истинном Повиновении, которым подданные обязаны королям и другим гражданским Правителям, с Воззванием ко всем истинно природным Английским людям». На титульном листе первого издания этого сочинения его автор был обозначен лишь буквами. Не было здесь указано и место издания, однако доподлинно известно, что напечатано в Страсбурге: *A Short treatise of politike pouuer, and of the true Obedience which subjectes owe to kynges and other ciuile Gouvernours, with an Exhortacion to all true naturall Englishe men, compyled by D. I. P. B. R. VV. 1556.*

² *Ponet J. A Short treatise of politike pouuer... 1556.*

wealth) возвышаются над королем. После Бога люди должны любить прежде всего страну и все государство (common wealth), чем какого-либо его члена: поскольку короли и принцы (будь они и так велики, как никогда) являются всего лишь членами, и государства (common wealthes) могут быть в достаточно хорошем состоянии и процветать, хотя в них и не будет королей; напротив же, без государства (common wealth) не может быть никакого короля. Государства (common wealthes) и королевства могут жить, когда голова отрублена, и могут поставить другую голову, то есть создать для себя нового правителя»¹.

В 60е годы XVI века понятие государства вошло в содержание речей, произносившихся на заседаниях английского парламента. Для обозначения данного понятия парламентарии использовали как термин «commonwealth», так и слово «state». Спикер Палаты лордов Томас Уильямс (*Thomas Williams*) говорил в своем выступлении 3 апреля 1563 года, имея в виду Англию, что «это государство (commonwealth) сперва установлено Божественным Провидением»². Его преемник на посту спикера в новом парламенте Ричард Онслоу (*Richard Onslow*) в речи, произнесенной 2 января 1566 года, говорил о том, что «хорошие законы составляют силу государства (commonwealth)»³. О хороших и необходимых законах, «как для всего Государства Империи вообще, так и для частной выгоды (as well for the whole State of the Commonwealth in general, as for the private Benefit)» [8: p. 137] упоминал в своем выступлении на заседании обеих палат парламента 18 марта 1580 года тогдашний спикер Палаты лордов Джон Попгэм (*John Popham*). В этой же речи он говорил также о «крайних противниках истинной Религии и наиболее зловредных врагах и опасных врагах самой королевской персоны Ее Высочества, **Государства (State)** и Правительства (Government)»⁴ (выделено мною. — *В.Т.*).

Становление и развитие абсолютной монархии в Англии в течение XVI века показывает, что главным содержанием этого процесса было не усиление королевской власти, а ее **институционализация** — превращение в политический институт. Наиболее ярко эта перемена выразилась в появлении сначала в судебной практике, а затем и в официальной политической идеологии доктрины «двух тел короля» — физического и политического⁵.

Помимо короля процесс институционализации охватил и парламента, и правительство Англии. Королевский совет, состоявший из трех-четырёх сотен

¹ *Ponnet J. A Short treatise of politike pouuer...* 1556. Ch. IV.

² *A Compleat Journal of the notes, speeches and debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that eminent member of Parliament sir Simond D'Ewes, baronet / Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple esq. London, 1693. P. 74.*

³ *Ibid.* P. 115.

⁴ *Ibid.*

⁵ См. о формировании и сущности этой доктрины: *Томсинов В.А.* Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права: сб. науч. тр. / Отв. ред.: В.А. Томсинов. М., 2009. С. 29–35.

феодалных магнатов, в период правления Генриха VIII уступил место Тайному совету — правительственному органу, в который входило два десятка не слишком знатных людей, но зато обладавших навыками и способностями профессиональных бюрократов.

Все эти перемены были по своим последствиям настоящей революцией. Ее главным результатом стало появление в Англии вместо феодального государства, устроенного как частно-правовая корпорация, государства нового типа, устроенного как политическое сообщество публично-правового характера. Основные его черты выражали настоящую сущность того государственного строя, который получил наименование абсолютной монархии — «*monarchia absoluta*», то есть «МОНАРХИИ СОВЕРШЕННОЙ».

Литература

1. *Святой Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1–64 / Перевод А.В. Апполонова. М.: Либроком, 2006. 874 с.
2. *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 271 с.
3. *Berman H.J.* Law and Revolution, II. The impact of the protestant reformations on the western legal tradition. Harvard, 2003.
4. *Courtenay W.J.* Capacity and volition: A history of the distinction of absolute and ordained power. Bergamo, 1990.
5. *Cowell J.* The Interpreter: or Booke containing the signification of words: wherein is set forth the true meaning of all, or the most part of such words and terms, as are mentioned in the Lawe Writers, or Statutes of this victorious and renowned Kingdom requiring any Exposition or Interpretation. At Cambridge, 1607.
6. *Gordon P., Lowton D.* Royal Education. Past, Present and Future. London, 2003.
7. *James I.* A Speech to the Lords and Commons of the Parliament at White-Hall on Wednesday, the XXI of March. Anno 1609 // The Political Works of James I. Reprinted from the edition of 1616. Cambridge, 1918.
8. Journal of the House Commons. Vol. 1: 1547–1629. London, 1802.
9. Parliamentary Debates in 1610 / Edited, from the notes of member of the House of Commons, by S.R. Gardiner. London, 1862.
10. *Randi E.* Ockham, John XXII and Absolute Power of God // Franciscan Studies. 1986. Vol. 46. William of Ockham (1285–1347). Commemorative Issue. Part 3.
11. Statutes of the Realm. London, 1817. Vol. III.
12. The encyclopedia of political science / George Thomas Kurian, editor-in-chief. Washington, 2011.

References

1. *Svyatoj Foma Akvinskij*. Summa teologii. Ch. 1. Voprosy 1–64 / Perevod A.V. Appolonova. M.: Librokom, 2006. 874 s.
2. *Xenshell N.* Mif absolyutizma. Peremeny i preemstvennost v razvitii zapadnoevropeiskoj monarxii rannego Novogo vremeni. SPb.: Aleteiya, 2003. 271 s.
3. *Berman H.J.* Law and Revolution, II. The impact of the protestant reformations on the western legal tradition. Harvard, 2003.

4. *Courtenay W.J.* Capacity and volition: A history of the distinction of absolute and ordained power. Bergamo, 1990.
5. *Cowell J.* The Interpreter: or Booke containing the signification of words: wherein is set forth the true meaning of all, or the most part of such words and terms, as are mentioned in the Lawe Writers, or Statutes of this victorious and renowned Kingdom requiring any Exposition or Interpretation. At Cambridge, 1607.
6. *Gordon P., Lowton D.* Royal Education. Past, Present and Future. London, 2003.
7. *James I.* A Speech to the Lords and Commons of the Parliament at White-Hall on Wednesday, the XXI of March. Anno 1609 // The Political Works of James I. Reprinted from the edition of 1616. Cambridge, 1918.
8. Journal of the House Commons. Vol. 1: 1547–1629. London, 1802.
9. Parliamentary Debates in 1610 / Edited, from the notes of member of the House of Commons, by S.R. Gardiner. London, 1862.
10. *Randi E.* Ockham, John XXII and Absolute Power of God // Franciscan Studies. 1986. Vol. 46. William of Ockham (1285–1347). Commemorative Issue. Part 3.
11. Statutes of the Realm. London, 1817. Vol. III.
12. The encyclopedia of political science / George Thomas Kurian, editor-in-chief. Washington, 2011.

V.A. Tomsinov

State System of Absolute Monarchy in England: a New Look

The article describes the concept and features of the absolute monarchy. The features of the development of absolute monarchy in England. The author refutes the idea that the English absolutism had incomplete character. Absolute monarchy is characterized as an independent political community organized on the basis of public law principles.

Keywords: absolute monarchy; system of government; State; revolution; government.

Е.Н. Геворкян

**Актуальные проблемы совершенствования
государственной политики
и законодательства в сфере поддержки
талантливых детей и молодежи
в условиях действия Федерального закона
«Об образовании в Российской Федерации»**

Несмотря на наличие объемной законодательной базы, сформировавшейся в последние годы для поддержки талантливых и одаренных детей и молодежи, в нашей стране еще не сложилась единая национальная система поддержки талантливых детей и молодежи. Не отлажен правовой механизм, способный осуществлять контроль за ее функционированием, который позволил бы в перспективе придать дополнительные импульсы гуманитарному и экономическому развитию Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательство; закон; одаренные дети; талантливая молодежь; молодежная политика; социальная политика.

В соответствии с Конституцией, Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на всестороннюю поддержку социально незащищенных слоев населения, на оказание помощи как пожилым людям, так и молодому поколению. Чем благоприятнее социальная среда, в которой растут наши дети, чем больше у них возможностей для развития и реализации своих личностных и творческих способностей, тем более благоприятным будет общий прогноз развития российской государственности. Именно талантливая молодежь может и должна обеспечить инновационное развитие отечественной экономики, решить насущные задачи, связанные с модернизацией [5: с. 81], с совершенствованием правовой системы.

После распада СССР прежняя система поддержки и развития творческих способностей детей и подростков, складывавшаяся десятилетиями, была практически разрушена. Дворцы пионеров, на базе которых работали бесплатные

детские кружки, клубы и музыкальные коллективы, где дети не только с пользой проводили свой досуг, но и могли успешно развивать свои способности, или прекратили существование в связи с отсутствием государственного финансирования, или перешли на коммерческие рельсы. То же самое произошло с Домами творчества молодежи и детско-юношескими спортивными школами, занятия в которых также стали платными, а значит, доступными далеко не всем. Переход страны в начале 1990-х годов к рыночным реформам в экономике, сопровождавшийся глубоким социально-экономическим кризисом, разрушением прежней правовой системы, резким падением производства, определенно не способствовал выявлению и активной государственной поддержке талантливых и одаренных детей.

Положение в этой сфере начало меняться лишь с 2000-х годов, когда экономическая ситуация в стране стала заметно улучшаться и государство уже могло вести более активную социальную политику, направленную на усиление социальной защиты, а именно на перераспределение доходов в пользу наименее обеспеченных групп и слоев общества, способствующее смягчению социального неравенства. Именно в этот период был принят ряд нормативных актов, ориентированных на стабилизацию и позитивное изменение социальной ситуации в стране [6: с. 118].

В соответствии с новым Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», одним из приоритетных направлений современного российского образования провозглашается создание эффективной системы, направленной на гармоничное развитие всего подрастающего поколения, а также выявление и поддержку особо одаренных детей, обеспечение благоприятных условий для их обучения, развития творческих способностей, независимо от места жительства и социального положения [1]. Эта задача рассчитана на долгосрочный период, от ее успешного решения напрямую зависит устойчивое развитие и конкурентоспособность нашей страны в XXI веке.

Первые шаги в указанном направлении были предприняты еще до принятия указанного закона. 2005 год стал начальным в реализации приоритетного национального проекта «Образование»¹, в котором были заложены механизмы, способные стимулировать назревшие системные изменения в образовании. В числе таких механизмов — выявление и всесторонняя поддержка, в том числе и материальная, учителей, особенно молодых, способных творчески мыслить, создавать и внедрять в процесс обучения оригинальные образовательные программы, пользующихся заслуженным авторитетом у своих учеников. Логичными шагами в реформировании образования стали постоянная государственная поддержка учреждений начального и среднего профессионального образования, а также создание новых федеральных университетов в регионах России, на базе которых должна происходить модернизация мате-

¹ Приоритетный национальный проект «Образование». URL: <http://минобрнауки.рф/проекты/ПНПО> (последнее изменение 11 июля 2013 года) (Дата обращения: 20.03.2014 г.).

риально-технической базы и других вузов, внедрение в процесс обучения новых, инновационных, программ и технологий и, в целом, повышение качества профессионального образования и подготовки будущих специалистов.

В 2006 г. Правительством России была утверждена «Стратегия государственной молодежной политики на период до 2016 года» [2]. Главная цель этого документа — создание благоприятных условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации российской молодежи, раскрытие ее творческих потенциалов, призванных работать на благо России. В рамках Стратегии в различных регионах России одновременно началось осуществление проекта под названием «Успех в твоих руках», цель которого — не только выявление, но и реальная поддержка талантливых и предприимчивых молодых людей, создание благоприятных условий для развития молодежного предпринимательства и деловой активности молодежи; для вовлечения молодых людей в творческие, научные и спортивные объединения, в инновационные международные проекты в сфере образования, науки, культуры, технологий; для внедрения системы развивающих, ролевых, спортивных игр, конкурсов и фестивалей по различным профилям деятельности и интересам. Развитие сети молодежных бизнес-школ, в том числе и при ведущих вузах страны, напрямую ориентировано на формирование эффективной системы подготовки молодых управленческих кадров самого высокого класса.

Благодаря реализации проекта «Успех в твоих руках» во многих областях и республиках Российской Федерации, в том числе и на базе Домов молодежи, в последние годы действительно активизировался поиск молодых талантливых людей от 14 до 30 лет: на регулярной основе начали проводиться молодежные фестивали и конкурсы в таких сферах общественной деятельности, как наука, предпринимательство, художественное творчество, с выделением лауреатам существенной грантовой поддержки. Наиболее активно реализация проекта «Успех в твоих руках» идет в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан, в Тамбовской и Омской областях, в Ханты-Мансийском автономном округе, Красноярском крае, некоторых других регионах Российской Федерации.

4 февраля 2010 года Указом Президента Российской Федерации утверждена Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», одной из приоритетных задач которой также является развитие государственной системы поддержки талантливых детей. В ней, в частности, указывается на необходимость «развивать творческую среду для выявления особо одаренных детей в каждой общеобразовательной школе. Старшеклассникам нужно предоставить возможность обучения в заочных, очно-заочных и дистанционных школах, позволяющих им независимо от места проживания осваивать программы профильной подготовки». Необходимо также «распространять имеющийся опыт деятельности физико-математических школ и интерна-тов при ряде университетов России» [3].

Данные документы, наряду с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», свидетельствуют о том, что необходимость созда-

ния разветвленной системы поиска и поддержки талантливых детей, а также их сопровождения в течение всего периода становления личности, в том числе и на начальном этапе профессиональной деятельности, признается на государственном уровне.

В апреле 2012 года в подтверждение приоритетности этой важной социальной задачи Президентом РФ была утверждена «Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов»¹, которая определила не только базовые принципы построения и основные задачи общенациональной системы выявления и развития молодых талантов, но и основные направления ее функционирования.

На сегодняшний день в России создана необходимая нормативная база для функционирования системы учреждений, ориентированных на выявление и дальнейшее развитие талантливых детей и молодежи. В первую очередь, это специализированные учебно-научные центры и учебные заведения различных типов для одаренных детей при ведущих университетах. Значительный опыт работы в этом направлении накоплен в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, Московском государственном техническом университете им. Н.Э. Баумана, Московском городском педагогическом университете, в некоторых других московских вузах.

Опыт по созданию учебных заведений такого рода сегодня имеется и в других регионах России. Так, в Пушинском научном центре Российской академии наук создан университетский центр, в Санкт-Петербурге функционирует научно-образовательный комплекс Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе, во Владивостоке — Дальневосточная математическая школа-семинар им. академика Е.В. Золотова при Дальневосточном федеральном университете. Предназначение таких школ и центров — привлечение талантливой молодежи к серьезной научной деятельности, формирование эффективной системы кадрового обеспечения региона в едином, интегрированном, образовательном процессе: школа – вуз – аспирантура (докторантура).

В некоторых регионах России для одаренных детей как уже действуют, так и создаются учебные заведения более традиционных форм. В числе таких учебных заведений — Юношеская математическая школа и сезонные профильные летние и зимние школы, действующие при Краснодарском педагогическом институте; гимназия Тюменского государственного университета по работе с одаренными детьми; физико-математическая школа им. М.А. Лаврентьева при Новосибирском государственном университете, Университетская школа, Гуманитарно-правовой и Педагогический колледжи, действующие на базе МГПУ.

Деятельность специализированных учебных заведений, которая осуществляется на основе федерального законодательства об образовании, направле-

¹ Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов. Утверждена Президентом РФ 3 апреля 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/14907> (Дата обращения: 20.02.2014 г.).

на на обучение талантливых детей, проявляющих выдающиеся способности в области музыкального, хореографического, изобразительного искусства. В первую очередь, это российские государственные школы искусств, которые являются начальным звеном российской системы образования в области искусств, подготовившей значительную часть отечественной и мировой творческой элиты. История создания некоторых специализированных учебных заведений насчитывает более 200 лет, причем вышедшие из их стен творческие кадры признаны выдающимися деятелями мировой культуры. Это Московское академическое хореографическое училище, с деятельностью которого связано становление и развитие русской национальной балетной школы, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой в Санкт-Петербурге, одна из старейших балетных школ мира, Музыкальный колледж им. Гнесиных и др. Более 70 % детей, обучающихся в детских школах искусств, за период обучения принимают участие в творческих конкурсах, смотрах, фестивалях, концертах, выставках муниципального, регионального, всероссийского и международного уровней.

С принятием Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» школы искусств получили в 2013 году новый статус. Теперь они реализуют так называемые предпрофессиональные образовательные программы. Таким образом, на законодательном уровне зафиксировано, что профессиональная подготовка в отдельных областях искусства, в том числе музыкальном и хореографическом, должна начинаться в самом раннем возрасте (5–7 лет).

В рамках подпрограммы «Одаренные дети» Федеральной целевой программы «Дети России» на 2007–2010 годы во многих федеральных округах были открыты специализированные центры по работе с одаренными детьми, призванные выполнять координационно-методические функции по созданию условий для обучения и воспитания таких детей в различных областях знаний, культуры и спорта.

Учреждения дополнительного образования также располагают уникальными возможностями по развитию творческих способностей в области научно-технической, художественной, физкультурно-спортивной, туристско-краеведческой, естественно-научной, учебно-исследовательской и другой образовательной деятельности.

Сеть очно-заочных и дистанционных школ, таких как школы «Эврика» и «Зеленый остров» (Сахалинская область), школа для одаренных детей при Калужском государственном педагогическом университете им. К.Э. Циолковского, развивается и в Республике Адыгея, и в Забайкальском крае, и в Орловской, Вологодской областях. Образовательные учреждения подобного типа зарекомендовали себя при работе с одаренными детьми из сельских школ, отдаленных и труднодоступных районов, районов со сложными климатическими условиями. Проживание в них не должно служить детям препятствием для того, чтобы раскрыть свои способности и умения.

Во многих регионах Российской Федерации традиционно существует довольно развитая система детских летних лагерей дневного пребывания с несколькими сменами. В такие учреждения в последнее время к работе с детьми привлекаются студенты старших курсов и преподаватели вузов, способные не только выявить, но и поспособствовать развитию детских талантов. Все больше стало появляться в стране профильных летних школ — для юных техников, художников, музыкантов, экономистов.

В настоящее время российским законодательством определены меры по поддержке одаренных детей и молодежи. На федеральном уровне их регламентируют: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», приоритетный национальный проект «Образование»; национальная образовательная инициатива «Наша новая школа»; федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы; гранты, премии, стипендии Президента, Правительства, министерств Российской Федерации. На региональном уровне поддержка одаренных детей реализуется на основе законодательства субъектов Российской Федерации; региональных целевых программ; грантов и стипендий президентов республик, губернаторов, других высших административных лиц субъектов Российской Федерации.

При Минобрнауки Российской Федерации создана единая федеральная база данных победителей и призеров Всероссийской и международных олимпиад школьников, других конкурсов, по результатам которых присуждаются весьма значительные премии для поддержки талантливых молодых людей, для усиления их мотивации серьезно заниматься научной и профессиональной деятельностью.

Присуждение таких премий происходит согласно Указу Президента РФ № 325 от 6 апреля 2006 года «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи», постановлением Правительства Российской Федерации № 311 от 27 мая 2006 года «О премиях для поддержки талантливой молодежи», приказом Министерства образования и науки России от 28 февраля 2008 года № 74 «Об утверждении Правил присуждения премий для поддержки талантливой молодежи и порядка выплаты указанных премий», а также приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 2502 от 20 октября 2011 года «Об утверждении Перечня олимпиад и иных конкурсных мероприятий, по итогам которых присуждаются премии для поддержки талантливой молодежи в 2012 году». Ежегодно, начиная с 2006 года, публикуются списки победителей и призеров международных, всероссийских и региональных олимпиад, иных конкурсных мероприятий.

Для поддержки студентов, обучающихся по специальностям, соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики, утверждены стипендии Правительства Российской Федерации и стипендии некоторых федеральных министерств.

На региональном уровне также принимаются нормативные правовые акты, направленные на поддержку и развитие одаренных детей¹.

Наиболее значимой в нынешней системе выявления и поддержки одаренных детей является Всероссийская олимпиада школьников. Положение о такой олимпиаде было утверждено Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 695 от 2 декабря 2009 года. Ее основные цели и задачи — способствовать выявлению и развитию у обучающихся творческих способностей и интереса к научно-исследовательской деятельности; создание необходимых условий для поддержки одаренных детей, пропаганда научных знаний, привлечение ученых и практиков соответствующих областей к работе с одаренными детьми. Участниками олимпиад ежегодно становятся несколько миллионов школьников в возрасте от 10 до 18 лет. Региональный этап Всероссийской олимпиады школьников проводится во всех субъектах Российской Федерации, в нем принимают участие не менее 100 тыс. школьников, причем численность участников этого этапа ежегодно увеличивается.

Победителями Всероссийской олимпиады школьников ежегодно становятся около 1500 учащихся. Из числа победителей формируются сборные команды Российской Федерации, представляющие нашу страну на международных олимпиадах по общеобразовательным предметам.

Кроме того, для выявления талантливых и способных студентов, аспирантов и молодых исследователей в сфере научной деятельности в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» также проводятся всероссийские и международные молодежные олимпиады и конкурсы.

Всероссийские олимпиады — очень важный, хотя и не единственный, элемент в поиске и содействии развитию одаренных детей и подростков. Они помогают формировать творческую соревновательную среду в каждом общеобразовательном учреждении, каждом вузе, стимулируют участие молодежи в инновационной деятельности.

Другим важным инструментом решения проблем, связанных с созданием условий, способствующих выявлению и развитию одаренных детей, реализации их потенциальных возможностей, является проведение всероссийских

¹ Например: Закон Краснодарского края от 02.06.2006 г. № 1035-КЗ «О поддержке одаренных детей в Краснодарском крае»; Закон Иркутской области от 29.12.2007 г. № 154-оз «О государственной поддержке культуры в Иркутской области»; постановление Правительства Красноярского края от 10.08.2010 г. № 441-п «О комиссии для рассмотрения вопросов поддержки одаренных детей и талантливой молодежи»; постановление Правительства Кировской области от 21.09.2011 г. № 121/440 «Об утверждении областной целевой программы “Развитие образования Кировской области” на 2011–2015 годы»; постановление Правительства Омской области от 08.07.2009 г. № 119-п «Об утверждении долгосрочной целевой программы Омской области “Развитие системы образования Омской области (2010–2014 годы)”»; постановление Правительства Москвы от 28.09.2010 г. № 843-ПП «О развитии системы работы с одаренными детьми в городе Москве»; постановление Правительства Санкт-Петербурга от 07.06.2011 г. № 731 «О концепции развития сферы культуры в Санкт-Петербурге на период 2012–2014 годов».

массовых мероприятий в системе дополнительного образования. Ежегодно, в соответствии с Календарем всероссийских массовых мероприятий, Министерство образования и науки Российской Федерации организует в стране фестивали и конкурсы научно-технической, физкультурно-спортивной, эколого-биологической, туристско-краеведческой, художественно-эстетической военно-патриотической направленности, в которых принимают участие более 50 тысяч школьников и студентов.

Таким образом, совершенствование государственной политики по выявлению и поддержке талантливых детей и молодежи в стране опирается на прочную нормативно-правовую основу. В то же время, на заседании президиумов Государственного совета, Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию (апрель 2010 года) отмечалось: «У нас нет самого главного — того, что было создано в других странах за последние годы, а именно общенациональной системы поиска и развития талантливых детей и молодежи. Причем речь идет о формировании сети и научных, естественного цикла, и гуманитарных центров при ведущих университетах страны, о заочных школах для одаренных школьников. Здесь возможны любые формы и могут быть использованы самые разные программы»¹. И далее: «Нужно создавать среду, в которой такого рода ребята могут быть востребованы... с тем чтобы мы не оказывались в ситуации, когда, скажем, значительная часть этих молодых людей берется на карандаш различного рода иностранными фондами, которые предлагают неплохие условия для обучения, и в конечном счете многие из них уезжают на обучение в другие страны...»².

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующие выводы:

- действующее законодательство об образовании ориентирует органы государственной власти, должностных лиц системы образования, учителей и воспитателей на выявление талантливой молодежи и оказание ей необходимой поддержки;
- большинство существующих образовательных учреждений все еще ориентировано в своей деятельности на достижение стандартных, порой формальных, показателей. Нередко поиск и поддержка талантливой молодежи ограничиваются конкурсными процедурами и их рекламными кампаниями;
- программы поддержки талантливой молодежи не всегда носят системный характер, нередко ограничиваясь индивидуальными грантами;
- слабо ведется работа по организации взаимодействия школы с родителями в вопросах поддержки и сопровождения детской одаренности;
- в особой поддержке, как материальной, так и общественной, нуждаются педагоги, которые занимаются подготовкой талантливых ребят. Необходимо широкое использование и пропаганда их педагогического опыта;

¹ Стенографический отчет о заседании президиумов Государственного совета, Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию. 22 апреля 2010 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7530> (Дата обращения: 20.02.2014 г.).

² Там же.

– требуют совершенствования и приведения в соответствие с нормами законодательства существующие отечественные проекты и программы подготовки и повышения квалификации для педагогов и наставников талантливой молодежи;

– при наличии в целом позитивного общественного мнения по отношению к деятельности молодых ученых, специалистов и предпринимателей наблюдается значительный дисбаланс в престижности различных сфер творческой активности (например, повышенная престижность предпринимательской деятельности по сравнению с профессиональной научной деятельностью);

– до сих пор в Российской Федерации отсутствует единая и эффективная система мониторинга и пропаганды успехов отдельных представителей талантливой молодежи, с помощью которой они могли бы получать признание, выходить со своими достижениями на национальный и международный уровень;

– даже имея успешный творческий опыт, молодые люди далеко не всегда способны продвинуть результаты своей инновационной деятельности на рынке, что требует разработки и принятия правовых норм, направленных на стимулирование инновационной активности путем предоставления соответствующих льгот и внедрения новых механизмов.

Таким образом, несмотря на определенные позитивные сдвиги и принятие нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», проблема отсутствия единой общегосударственной системы целенаправленной работы с одаренными детьми и талантливой молодежью стоит все еще довольно остро. Создание такой единой национальной системы, а самое главное, механизма, способного осуществлять эффективный контроль за ее функционированием, позволило бы решить наиболее важные проблемы в сфере поддержки талантливых детей и молодежи и в перспективе придало бы дополнительные импульсы развитию экономической и политико-правовой систем Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.02.2014 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.05.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. 31 декабря. № 53 (ч. 1), ст. 7598.

2. Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 г. № 1760-р (ред. от 16.07.2009 г.) «О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. 25 декабря. № 52 (ч. III), ст. 5622.

3. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» (утв. Президентом РФ 04.02.2010 г. № Пр-271) // Официальные документы в образовании. 2010. № 9.

4. Распоряжение Правительства РФ от 07.02.2011 г. № 163-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы» // Собрание законодательства РФ. 2011. 28 февраля. № 9, ст. 1255.

5. Пашенцев Д.А. Правовые основы инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2012. № 7 (50). С. 81–83.

6. *Пищулин В.И.* Реализация экономических прав граждан в современных условиях // Образование и право. 2013. № 9 (49). С. 117–122.

References

1. Federal'ny'j zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ (red. ot 03.02.2014 g.) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 06.05.2014 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. 31 dekabrya. № 53 (ch. 1), st. 7598.
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 18.12.2006 g. № 1760-r (red. ot 16.07.2009 g.) «O Strategii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. 25 dekabrya. № 52 (ch. III), st. 5622.
3. Nacional'naya obrazovatel'naya iniciativa «Nasha novaya shkola» (utv. Prezidentom RF 04.02.2010 g. № Pr-271) // Oficial'ny'e dokumenty' v obrazovanii. 2010. № 9.
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 07.02.2011 g. № 163-r «O Konceptcii Federal'noj celevoj programmy' razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gody'» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. 28 fevralya. № 9, st. 1255.
5. *Pashencev D.A.* Pravovy'e osnovy' innovacii i innovacionnoj deyatelnosti v Rossijskoj Federacii // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2012. № 7 (50). S. 81–83.
6. *Pishhulin V.I.* Realizaciya e'konomicheskix prav grazhdan v sovremenny'x usloviyax // Образование и право. 2013. № 9 (49). С. 117–122.

E.N. Gevorkyan

Actual Issues of Public Policy and Legislation Improvement in the Support of Talented Children and Youth under the Federal Law «About Education in the Russian Federation»

Despite the solid legal framework of the support of gifted and talented children and young people which emerged in recent years in our country there is still no unified national system of support for talented children and youth. The legal mechanism capable to monitor its functioning which could enable the perspective to give an additional impetus to the humanitarian and economic development of the Russian Federation has not been adjusted.

Keywords: legislation; law; gifted children; talented youth; youth policy; social policy.

**И.Н. Куксин,
Е.А. Каминская**

О некоторых проблемах предпроектного этапа муниципального правотворческого процесса¹

Авторы исследуют теоретические, научные и прикладные механизмы и процедуры предпроектного этапа правотворческого процесса в муниципальных образованиях, процесс подготовки муниципальных правовых актов. Подчеркивается, что каждый разрабатываемый муниципальный нормативный правовой акт должен иметь определенную целевую направленность.

Ключевые слова: муниципальное правотворчество; местное правотворчество; этапы муниципального правотворческого процесса; юридическая техника; правотворческая техника; юридическая конструкция.

Местное самоуправление наиболее приближено к гражданам и является одним из важнейших институтов современного общества. Сегодня оно является одновременно формой самоорганизации граждан и — в этом качестве — составной частью гражданского общества, уровнем публичной власти и элементом рыночной экономики, восполняя пробелы рынка в части оказания услуг населению и координации хозяйственной деятельности.

Не может, конечно, местное самоуправление функционировать вне определенных государством правовых рамок, но эти рамки должны раскрыть суть местного самоуправления как продукта общественных инициатив, а не диктовать до мелочей, где и как гражданам реализовывать свое право на местное правотворчество [16].

Местное самоуправление должно стать платформой реализации принципа народовластия, обеспечить децентрализацию государственной власти на основе действия саморазвивающейся системы [12: с. 115]. Однако данные изменения затронули не только местное самоуправление, это не могло не отразиться на всем правотворческом процессе Российской Федерации. Пересмотр правотворческой политики вскрыл целый ряд назревших проблем, в том числе и общие вопросы, связанные с правотворческим процессом.

Передав часть своих правотворческих полномочий органам местного самоуправления, государство, тем самым, лишилось монополии на данную деятельность. Однако законодательство, регулирующее эти процессы, как

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

показывает практика, оказалось и несовершенно, и недостаточно. Об этом свидетельствует и значительное количество научных разработок по вопросам законотворчества субъектов РФ [5; 9; 17] и правотворчества органов местного самоуправления [4; 14; 18]. Муниципальное право является молодой наукой и не может в полной мере доктринально обеспечить практическую деятельность. Между тем своего решения ждут важнейшие вопросы о значении инициативы населения в муниципальном правотворческом процессе, о природе и системе, качестве и эффективности муниципальных правовых актов, о порядке их принятия, об ответственности органов местного самоуправления в правотворческом процессе и многие другие.

Отметим, что характерной особенностью современного этапа правотворческой деятельности местного самоуправления является также бессистемность, противоречивость, хаотичность и несогласованность внутри нормативно-правового массива, несоблюдение правил правотворческой техники или незнание теоретических нюансов правотворчества.

Исходя из анализа юридической литературы, посвященной проблемам, связанным с совершенствованием правотворческого процесса на муниципальном уровне, следует подчеркнуть, что правотворческий процесс в муниципальных образованиях состоит из следующих основных этапов: 1) предпроектный (подготовка проекта), включающий такие действия, как изучение проблематики вопроса, планирование и прогнозирование результативности, формулирование и составление проекта правового акта; 2) проектный, куда включены все основные вопросы по прохождению проекта правового акта от стадии правотворческой инициативы до стадии опубликования принятого правового акта.

Данная конструкция абсолютно оправдана. Каждый этап муниципального правотворческого процесса имеет своей целью решение ряда проблем, направленных на совершенствование муниципального правотворческого процесса.

Причем на каждой стадии правотворческого процесса существует ряд проблем, которые влияют на качество принимаемых нормативных правовых актов, а также на эффективность правотворческого процесса в целом.

В первую группу проблем мы объединили проблемы, возникающие на предпроектном этапе муниципального правотворческого процесса, которые, на наш взгляд, способны деструктивно влиять на принимаемые муниципальные правовые акты. К таковым можно отнести: проблемы повышения качества правотворческой деятельности уполномоченных на то субъектов; проблемы изучения состояния правового регулирования принимаемого муниципального правового акта; его согласованность с другими актами и отсутствие внутренних противоречий; проблемы планирования и прогнозирования правотворческого процесса; проблемы применения многообразных правил и приемов правотворческой техники; проблемы разграничения понятий юридической и правотворческой техники.

Во вторую группу проблем мы объединили проблемы, возникающие на проектном этапе муниципального правотворческого процесса, решение которых повлияет на эффективность и результативность правотворческой деятельности на муниципальном уровне. К ним можно отнести: проблемы подготовки и обсуждения проекта муниципального правового акта; проблемы, связанные с принятием решения по проекту муниципального правового акта, и доведение нормативного правового акта до адресата, вступление его в силу.

В контексте нашей статьи считаем необходимым остановиться на проблемах, возникающих на предпроектном этапе муниципального правотворческого процесса. К одной из общих проблем, связанных с совершенствованием правотворческого процесса в муниципальных образованиях России, относится качество подготовки муниципальных правовых актов, их согласованность и отсутствие внутренних противоречий.

По мнению В.И. Чехариной, подготовительный этап правотворческого процесса включает в себя такие действия и отношения, как выявление потребности в принятии нормативного правового акта; научную, экспертную и организационную подготовку правотворческой инициативы; оценку эффективности проекта нормативного правового акта и его возможную последующую корректировку [11].

Важно отметить, что эффективность муниципального правотворческого процесса находится в прямой зависимости от разработчиков проекта муниципального правового акта, которые должны обладать высокой квалификацией и иметь четкие представления о сути решаемого вопроса и о правовых возможностях при его исполнении.

Думается, что стадия подготовки проекта нормативного правового акта в первую очередь должна включать изучение состояния правового регулирования тех общественных отношений, которые будут затрагиваться данным проектом, поскольку они касаются жизнедеятельности населения, проживающего на территории муниципального образования, и его прав.

В продолжение этого целесообразно проводить анализ действующего и зарубежного законодательства по вопросам проектируемого акта, а в целях повышения правотворческой практики еще изучать и опыт работы по подготовке проектов муниципальных правовых актов в различных системах местного самоуправления [3: с. 177]; необходимо проанализировать предложения ученых, высказанные в юридической литературе, провести опрос общественного мнения и оценить статистические данные.

Еще одна проблема правотворческого процесса на муниципальном уровне связана с планированием и прогнозированием правотворческой деятельности. Соглашаясь с мнением В.А. Щепачева [19], можно говорить, что разработка проектов правовых актов должна строиться на плановой основе, которая обеспечит стимулирование интенсивного развития основных сфер

социально-экономической жизни, демократических институтов, защиту прав населения, соблюдение вопроса компетенции правотворческого органа.

Необходимо признать, что этап планирования позволяет выявить потребность в подобном нормативном правовом акте, его целесообразность, соотнести планируемый нормативный правовой акт с действующими, исключить дублирование и коллизионные вопросы на стадии подготовки проекта, не допустить опережающего правотворчества, которое может спровоцировать нежелательные социальные процессы.

Проведенный анализ рассматриваемой проблемы показывает, что представляется правильной и обоснованной практика нормативного закрепления плановой деятельности представительных органов муниципальных образований, поскольку планирование обеспечивает комплексный и системный подходы к правовому регулированию общественных отношений, а также способствует преодолению излишней поспешности в принятии муниципальных правовых актов.

Данная практика уже оправдала себя. Так, ст. 39 Регламента Архангельской городской Думы, ст. 7 Регламента Барнаульской городской Думы, ст. 78 Регламента Орловского областного Совета народных депутатов предусматривают планы работы на 1 год. Однако есть муниципальные образования, например г. Омск, г. Великий Новгород, г. Воронеж, г. Мурманск, в которых плановость правотворческой деятельности в нормативных актах вообще не закреплена.

Анализ различных подходов к сущности данной проблемы позволяет говорить, что в процессе подготовки муниципального правового акта для обеспечения его качества и эффективности должны разрабатываться стратегия решения определенного вопроса, выявляться пробелы, требующие правовой регламентации, в связи с чем необходимо уделять большое значение вопросам планирования. Таким образом, можно рекомендовать основные подходы к разработке планов правотворческой работы в муниципальных образованиях: нормативное закрепление целей планирования; определение сроков планирования всех правотворческих работ (планы целесообразно систематически обновлять); определение круга субъектов, которые обязательно должны участвовать в разработке планов. При составлении плана важно правильно отражать тенденции развития основных сфер жизнедеятельности муниципального образования; учитывать финансовую и налоговую сферы, а также социальное развитие муниципального образования.

Существует также ряд проблем, возникающих в процессе практического применения многообразных правил и приемов юридической техники. Следует отметить, что в последнее время повысился интерес к юридической технике. Термин «юридическая техника» сейчас настолько широко используется в лексиконе юристов и политических деятелей, что он почти догоняет по своей популярности главный термин юриспруденции — «право» [6]. Анализ различных подходов к сущности данной проблемы позволяет говорить, что понятие юридическая техника может рассматриваться как в широком, так и узком смыслах.

Так, Г.И. Муромцев под юридической техникой в «широком» смысле понимал ее отождествление с правом в целом, и в «узком» смысле, когда юридическая техника присутствует лишь в одной сфере права — законодательной [10: с. 30–31]. Д.А. Ковачев под юридической (законодательной) техникой понимал совокупность правил и приемов, определяющих, каким образом строить структуру права [7: с. 89–90]. Под юридической техникой С.С. Алексеев рассматривает совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства [2: с. 267–269]. Французский ученый Ф. Жени выделяет две разновидности техники, применяемой в сфере права, которые различаются по объекту, функциям и методу¹.

При этом хотелось бы акцентировать внимание на вопросах, связанных с разграничением понятий правотворческой и юридической техники, поскольку понятие юридической техники применимо при принятии законов на федеральном и региональных уровнях, поскольку они обладают высшей юридической силой и регулируют наиболее значимые проблемы. По данному поводу необходимо отметить мнение Л.Л. Кругликова, который указывает, что юридическая техника как категория более широкая охватывает собой процесс «изготовления» не только законов, но и иных нормативных актов и, кроме того, имеет отношение к правотворчеству и к правоприменительной деятельности [8: с. 3]. Аналогичную точку зрения в литературе высказывают И.Н. Боккова, В.Н. Карташов. Промежуточную позицию по этому вопросу занимает С.С. Алексеев. Здесь стоит согласиться с позицией И.А. Семенова, который считает, что юридическая техника и правотворческая техника — не разные названия одного и того же явления, а два самостоятельных элемента правотворческого процесса, хотя и тесно связанных между собой [13: с. 59].

Таким образом, анализ различных подходов к определению понятий юридической и правотворческой техники позволяет утверждать, что понятие «юридическая техника» является более широким понятием, чем «правотворческая техника». Правотворческая техника используется только при подготовке нормативных правовых актов. Следовательно, рассматривая особенности правотворческого процесса в муниципальных образованиях, применяются методы и правила, в первую очередь, правотворческой техники. По нашему мнению, представляется, что основным правилом правотворческой техники является распределение нормативного материала внутри акта в определенном порядке и логической последовательности на части и их согласование. Все это входит в понятие «юридической конструкции», под которой понимаются, своеобразные модельные построения прав, обязанностей, ответственности, их типовые схемы, в которые облекается правовой материал, составляющий

¹ Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: пути совершенствования: монография / Под ред. Н.С. Соколовой. М., 2003. URL: <http://www.centrlaw/publikacii/sokolova> (Дата обращения: 21.03.2014 г.).

структуру (внутреннее устройство) закона или иного нормативного правового акта [1: с. 108].

Элементами структуры, свидетельствующими об официальном характере и юридической силе нормативного правового акта, являются также вид акта, форма его воплощения, название органа или лиц, его возглавляющих, подписи соответствующих должностных лиц, дата издания, номер акта. При разработке проекта муниципального правового акта необходимо правильно сформулировать наименование, которое должно обозначать предмет регулирования и служить средством быстрого компьютерного поиска, учета и систематизации нормативного материала. Во вступительной части (преамбуле) нормативного правового акта должны излагаться цели и мотивы его принятия, а при необходимости даваться отсылка к закону или акту правительства (администрации). Нормативное содержание проекта муниципального правового акта в зависимости от предмета правового регулирования, объема и формы акта должно конструироваться в такой последовательности: общие положения; определение используемых понятий; изложение конкретных правовых норм по регулируемому вопросу; определение санкций за нарушение установленных правовых норм; переходные и заключительные положения.

Основной текст проекта правового акта подразделяется на статьи, которые могут объединяться в разделы и главы. Разделы глав, статьи и пункты (параграфы) располагаются в проекте нормативного правового акта в последовательности, обеспечивающей логическое развитие темы правового регулирования, переход от общих положений к более конкретным. Если в проекте нормативного правового акта имеются предписания, относящиеся к предмету правового регулирования в целом, то такие предписания выносятся в раздел «Общие положения». В указанном разделе дается определение юридических терминов, употребляемых в проекте нормативного правового акта, объяснение технических и иных специальных понятий, необходимых для его правильного понимания.

На основании вышеизложенного следует подчеркнуть, что нерешенность вышеуказанных проблем вызывает определенные трудности при осуществлении органами местного самоуправления, должностными лицами и населением муниципальных образований правотворческой деятельности. Путь решения этих проблем видится в повышении юридической грамотности депутатов представительного органа муниципального образования, уровня планирования и прогнозирования, а также в изучении опыта работы по подготовке муниципальных правовых актов в различных системах местного самоуправления.

Предпроектный этап правотворческого процесса в муниципальных образованиях является наименее регламентированным этапом.

Стадия подготовки проекта муниципального нормативного правового акта в первую очередь должна включать изучение состояния правового регулирования тех общественных отношений, которые будут затрагиваться дан-

ным проектом, поскольку они касаются жизнедеятельности населения, проживающего на территории муниципального образования, и его прав.

В процессе подготовки муниципального нормативного правового акта должны выработаться стратегия решения определенного вопроса, выявляться пробелы, требующие правовой регламентации, в связи с чем большое значение необходимо уделять вопросам планирования и его обеспечению. Это будет способствовать совершенствованию правотворческого процесса в муниципальных образованиях. В некоторых муниципальных образованиях Российской Федерации приняты правила подготовки нормативных правовых актов, в некоторых они отсутствуют. В целом, каждый разрабатываемый муниципальный нормативный правовой акт должен иметь определенную целевую направленность, что является необходимым условием его эффективности.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 350 с.
2. *Алексеев С.С.* Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
3. *Андреева Л.А.* Правотворчество органов местного самоуправления: По материалам Новгородской области: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. 414 с.
4. *Гавришев А.Е.* Муниципальное правотворчество в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 154 с.
5. *Исаков И.Н.* Правовая политика и законотворчество субъектов РФ: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 194 с.
6. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника или законодательная техника? // Журнал российского права. 2010. № 3. (СПС КонсультантПлюс.)
7. *Ковачев Д.А.* Механизм правотворчества социалистического государства. М.: Юридическая литература, 1977. 112 с.
8. *Кругликов Л.Л.* О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч. ст. / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 1996. С. 3–14.
9. *Матвеева О.В.* Законотворчество законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 190 с.
10. *Муромцев Г.И.* Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники: сб. ст. / Под ред. М.Б. Баранова. Н. Новгород, 1999. С. 29–35.
11. Парламентское право России: учеб. пособие / Под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. М.: Юристъ, 1999. 392 с.
12. *Пашенцев Д.А.* Конституция России: этапы развития. М.: Готика, 2008. 150 с.
13. *Семенов И.А.* Законодательная техника в уголовном правотворчестве. Тюмень: Вектор-Бук, 1998. 88 с.
14. *Сергеева К.О.* Муниципальное правотворчество в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 165 с.

15. *Соловьев О.Г.* Юридическая техника в правотворческой и правоприменительной деятельности: понятие и виды // *Юридический мир*. 2009. № 1. (СПС КонсультантПлюс.)
16. *Усманова Р.М.* К вопросу о сфере и пределах муниципально-правового регулирования // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 6. (СПС КонсультантПлюс.)
17. *Храмцов А.В.* Законотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2007. 229 с.
18. *Шкуратова Т.П.* Муниципальное правотворчество: вопросы теории и правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 206 с.
19. *Щепачев В.А.* Прогнозирование и планирование в муниципальном правотворчестве // *Конституционное и муниципальное право*. 2009. № 18. (СПС КонсультантПлюс.)

References

1. *Alekseev S.S.* Obshhaya teoriya prava. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura, 1981. 350 s.
2. *Alekseev S.S.* Pravo: Azbuka. Teoriya. Filosofiya. Opy't kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 s.
3. *Andreeva L.A.* Pravotvorchestvo organov mestnogo samoupravleniya: Po materialam Novgorodskoj oblasti: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 1999. 414 s.
4. *Gavrishev A.E.* Municipal'noe pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2004. 154 s.
5. *Isakov I.N.* Pravovaya politika i zakonotvorchestvo sub'ektov RF: teoretiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. 194 s.
6. *Kashanina T.V.* Yuridicheskaya texnika ili zakonodatel'naya texnika? // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2010. № 3. (SPS Konsul'tantPlyus.)
7. *Kovachev D.A.* Mexanizm pravotvorchestva socialisticheskogo gosudarstva. M.: Yuridicheskaya literatura, 1977. 112 s.
8. *Kruglikov L.L.* O sredstvax zakonodatel'noj texniki v ugovolnom prave // *Problemy' yuridicheskoy texniki v ugovolnom i ugovolno-processual'nom zakonodatel'stve: sb. nauch. st. / Pod red. L.L. Kruglikova. Yaroslavl': YarGU, 1996. S. 3–14.*
9. *Matveeva O.V.* Zakonotvorchestvo zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa gosudarstvennoj vlasti sub'ekta Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2004. 190 s.
10. *Muromcev G.I.* Yuridicheskaya texnika: nekotory'e aspekty' sodержaniya ponyatiya // *Problemy' yuridicheskoy texniki: sb. st. / Pod red. M.B. Baranova. N. Novgorod. 1999. S. 29–35.*
11. *Parlamentskoe pravo Rossii: ucheb. posobie / Pod red. I.M. Stepanova, T.Ya. Xabrievoj. M.: Yurist'', 1999. 392 s.*
12. *Pashencev D.A.* Konstituciya Rossii: e'tapy' razvitiya. M.: Gotika, 2008. 150 s.
13. *Semenov I.A.* Zakonodatel'naya texnika v ugovolnom pravotvorchestve. Tyumen': Vektor-Buk, 1998. 88 s.
14. *Sergeeva K.O.* Municipal'noe pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013. 165 s.
15. *Solov'ev O.G.* Yuridicheskaya texnika v pravotvorcheskoj i pravoprimenitel'noj deyatel'nosti: ponyatie i vidy' // *Yuridicheskij mir*. 2009. № 1. (SPS Konsul'tantPlyus.)

16. *Usmanova R.M.* К вопросу о сфере и пределах municipal'no-pravovogo regulirovaniya // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2013. № 6. (SPS Konsul'tantPlyus.)
17. *Xramczov A.V.* Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' sub'ektov Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovy'e aspekty': dis. ... kand. jurid. nauk. Orel, 2007. 229 s.
18. *Shkuratova T.P.* Municipal'noe pravotvorchestvo: voprosy' teorii i pravovogo regulirovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2011. 206 s.
19. *Shhepachev V.A.* Prognozirovanie i planirovanie v municipal'nom pravotvorchestve // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2009. № 18. (SPS Konsul'tantPlyus.)

I.N. Kuksin,

E.A. Kaminskaya

About Some Problems of Pre-Development Stage in Municipal Lawmaking Process

The authors explore the theoretical, scientific and applied mechanisms and procedures for pre-development stage in municipal lawmaking process. The process of training of municipal regulations. Emphasizes that each developed municipal legal act should have a certain target orientation.

Keywords: municipal lawmaking; local lawmaking; municipal lawmaking stages of the process; legal technology.

ЧАСТНОЕ ПРАВО

С.А. Иванова

Частноправовые отношения и развитие гражданского общества в современной России

В статье отмечается, что разделение права на отрасли есть исключительное завоевание советской доктрины. Ни одна современная правовая система не предусматривала и не предусматривает такого деления. Частное право в общем виде является совокупностью законодательно-правовых комплексов, регулирующих гражданский оборот. В данном случае речь идет о массивах законодательства и соподчиненных им правовых актах.

Ключевые слова: частное право; законодательство; публичное право; государство; гражданский оборот; собственность; правоотношения; права человека; семейное право.

Разделение права на отрасли есть исключительное завоевание советской доктрины. Ни одна современная правовая система не предусматривала и не предусматривает такого деления. Как получилось, что закон и право стали отождествлять, а советская правовая система — подразделяться на отрасли?

Известно отрицательное отношение постреволюционной власти к делению права на публичное и частное, сформулированное в письме В.И. Ленина к Курскому: «Мы в области хозяйства ничего частного не признаем» [12: с. 135]. Хозяйство же перманентно становилось социалистическим и регулировалось исключительно государством. Существование автономных товаропроизводителей окончилось вместе с коллективизацией и созданием колхозов. Над всем этим «базисом» возвышалась громадная правовая «надстройка» весьма хаотичного законодательства, состоящего, в основном, из подзаконных актов [6: с. 58].

В июле 1938 г. проводилось первое совещание научных работников права. Результатом его явилась, в частности, постановка задачи научной разработки системы советского социалистического права, которая решалась в ходе дискуссии 1938–1941 гг. и в послевоенное время. В ходе дискуссии по ука-

занному вопросу С.Н. Братусь внес предложение о делении советского права на публичное и частное [3: с. 32], которое было отвергнуто как принципиально неприемлемое, поскольку опиралось на доводы Ульпиана. Это была последняя попытка классификации советского права в системе «частное – публичное». Напуганные репрессиями советские юристы на долгие годы отказались от разработки этой плодотворной теории, согласившись с идеей отраслевого деления советского права. Вместе с тем осуждать их за такое соглашательство несправедливо, поскольку тогда речь больше шла о выживании, а не о развитии науки как таковой.

Для удобства изучения и преподавания правовой системы, римский юрист Ульпиан полагал, что «изучение права распадается на две части: публичное и частное. Публичное право относится к положению Римского государства, тогда как частное — “к пользе отдельных лиц” [8: с. 83]. Ульпиан говорит именно об изучении права, и это изучение направлено на рассмотрение правовой системы государства в двух различных аспектах: статуса государства и некоторой автономии подвластных государству субъектов [7: с. 23–24].

Говоря иными словами, законы и право в единой системе государства изучаются отдельно как права государства и как мера той свободы, которая дается государством подвластным субъектам. Именно в частных законах и праве государство дает определенную свободу субъектам действовать автономно. Оно признает автономию воли субъектов, их имущественную обособленность и отсутствие власти друг над другом (равенство). Все это Ульпиан называл «как польза отдельных лиц». Это, по сути, и есть частное право. Вместе с тем подразделение права на частное и публичное также не совершенно, поскольку между ними трудно провести границу. Во всяком случае, сейчас теоретики права затрудняются это сделать. В течение многих лет при достаточной неразвитости законодательства частное право отождествлялось с гражданским, поскольку юристы видели, что законы, описывающие поведение автономных субъектов, сосредоточены исключительно в гражданском праве.

В этой связи русский цивилист С.В. Пахман писал, что «...в известном римском разграничении *jus publicum* и *jus privatum*... имелись в виду непосредственно не отрасли положительного права, а отрасли самой науки, именно разные точки зрения, с каких может быть изучаемо положительное право; на это указывает и конструкция текста: в нем не сказано прямо, что положительное право разделяется на публичное и частное, а что есть две стороны изучения (*jus studii duae positiones: publicum et privatum*), и весьма вероятно, что под публичным разумелось именно объективное (внешнее, общественное), а под частным — субъективное...» [14: с. 46].

Обращает внимание на традиционную подмену ульпиановского деления изучения права делением самого права проф. и акад. Г.В. Мальцева [13: с. 734]. Наконец, о «различных аспектах юридических институтов», выделенных «в зависимости от той социальной роли, в которой выступали

субъекты правоотношений», а вовсе не о разделении норм права говорит и Д.В. Дождев [9: с. 1].

Вопрос о критериях классификации права на публичное и частное нельзя считать разрешенным римскими юристами, но точно так же им нельзя отказать в его научной постановке. В связи с этим перед правовой наукой ставится вопрос о корректировке отраслевой структуры права, специфических и сходных признаках частного и публичного права, их меняющемся соотношении [11: с. 26]. По мнению В.А. Белова, критерий разграничения заложен в объективном праве, точнее, в тех его нормах, которые определяют, какими они видят те или иные общественные отношения, подлежащие регулированию, — отношениями юридически равного к юридически же равному (координационными отношениями) или же отношениями юридически властвующего к юридически же подвластному (отношениями субординационными) [4: с. 56].

Как верно отмечает В.И. Иванов, есть достаточно оснований считать, что отношения в области образования, науки, культуры, прав человека, медицины, искусства также являются базисными, поскольку они служат основой создания современного гражданского общества России и ее интеграции в мировое сообщество с учетом всей специфики присущих только России особенностей [10: с. 53].

Метод построения правоотношений — вот критерий основного разделения права. Правоотношение юридически равных субъектов суть правоотношение частное; правоотношение юридически властвующего с юридически подвластным — публичное. Однако постепенно жизнь двигалась вперед и, вслед за ее потребностями, изменялось законодательство. Менялись постепенно и взгляды на систему законодательства и права. В частности, М.И. Брагинский относит к частному праву то законодательство о трудовых договорах, которое традиционно рассматривалось в рамках исключительно трудового права как отрасли [2]. Соглашаясь с этой позицией, В.Ф. Яковлев, кроме того, считает, что земельные отношения и иные природоресурсные отношения в определенном их аспекте являются предметом гражданского права [18: с. 129].

Трудно согласиться с отождествлением права частного и гражданского. Если первое понятие относилось к области изучения права и противопоставлялось, как уже было сказано, праву публичному, то второе понятие в различные исторические периоды наполнялось различным содержанием. Таким образом, римское *jus civile*, обыкновенно переводимое как гражданское право, более точно может быть обозначено как право (римских) граждан и право частных лиц.

Если раньше это, очевидно, был единственно возможный путь, то с появлением таких отраслей, как предпринимательское, семейное, земельное, природоохранное и другие, такой подход представляется небесспорным. Основным ключевым моментом является то, что невозможно отождествить частное и гражданское право и, тем более, включать в последнее вышеперечисленные

отрасли. Если согласиться с правоотраслевым делением, то трудно объяснить, как например в земельном законодательстве присутствует два вида законов: законы, регулирующие оборот земельных участков, и законы, регулирующие деление земель на категории. Следовательно, в каждом блоке законодательства присутствуют как публичные, так и частные законы, поэтому частное право можно представить себе как систему неких институций, регулирующих отношения, учитывающие «пользу отдельных лиц». Кроме того, конвергенция в сфере права рассматривается в качестве определяющей и усиливающейся тенденции мирового правового развития [11: с. 26].

Таким образом, вполне возможно в целях изучения и преподавания построение учебного курса частного права и законодательства, в котором выделить традиционную «Общую часть», отказавшись в ней от доктрины правоотраслевого деления, поскольку законодательство нельзя подразделять «по предмету и методу правового регулирования», законотворческая деятельность на них не основана.

Законодательство государства едино как исходящее от единого государства, но само по себе оно никакой системы не образует. Только добротная, продуманная теоретиками права классификация его структурных составляющих может послужить основой для создания системы права в целях его изучения, преподавания и для возможных практических рекомендаций законодателям и правоприменителям [10: с. 53].

Частное право в общем виде является совокупностью законодательно-правовых комплексов, регулирующих гражданский оборот. В данном случае речь идет о массивах законодательства и соподчиненных им правовых явлениях, основу которых мы усматриваем в кодифицированных актах (Водный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ и др.). Нормы, включенные в кодифицированные акты, регулируют гражданско-правовой оборот объектов этих кодифицированных актов в той мере, в какой эти акты позволяют их включать в гражданский оборот [6: с. 58].

В настоящее время практически общепризнанным является взгляд о делении права на отрасли. Такой взгляд возможен, если согласиться с тем, что право и законодательство — тождественные явления. В то же время, как верно отметил Н.М. Коршунов, «тесная связь между публичным и частным правом в рамках отдельного законодательства позволяет видеть в том и другом две стороны одного и того же отношения» [11: с. 26].

Из содержания ст. 15 Конституции РФ следует, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Но ведь и законы России также входят в эту систему и, следовательно, она состоит не только из законов, но также включает в себя и право. Таким образом, Конституция РФ видит в целом правовую систему как состоящую из законов России и

права, которое нельзя назвать законом государства. Область права, а именно — правовая доктрина, правосознание, правопонимание, обычное право, судебское правотворчество, соглашения равноправных субъектов, не указанные в законе, аналогия права — должна находиться за пределами закона как правила поведения.

В изданном Институтом государства и права РАН сборнике крупных юристов «Судебная практика как источник права» [16: с. 87–88] из пяти статей четыре утверждают, что судебная практика есть источник права. Лишь одна статья основана на другой точке зрения, которая четко сформулирована в ее названии «Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право». С такой констатацией можно согласиться, поскольку наличие двух законодателей не предусмотрено действующей Конституцией РФ (ст. 10), основывающейся на делении властей — законодательной, исполнительной и судебной. Однако нужна оговорка: суд не законодательствует, а применяет право и, в основном, закон [5: с. 23].

Трудно согласиться с мнением о том, что все общественные отношения определяются лишь экономическими отношениями. Примерами могут служить национальные, расовые, межконфессиональные, культурные (в том числе образовательные), в значительной мере семейные; неимущественные отношения, права и свободы человека. В публичной сфере это отношения выбора политического режима, идеология, оборона, борьба с террором и насильственными преступлениями, выборы и плебисциты и многое другое, охрана природы, например [10: с. 50].

В настоящее время в российской науке приоритетным становится иное понимание источника права. По мнению О.А. Пучкова, источником права следует признать «форму выражения государственной воли, форму, в которой содержится правовое решение государства» [15: с. 285]. С помощью формы право обретает свои неотъемлемые черты и признаки: общеобязательность, общеизвестность и т. д. Это понятие источника имеет значение емкости, в которую заключены юридические нормы. Созвучным с ранее приведенным определением источника права является определение, данное французским ученым М. Виралли. По его мнению, источники права — это «способы формирования юридических норм, то есть приемы и акты, посредством которых эти нормы вызываются к жизни, становятся составной частью позитивного права и обретают статус норм закона». Под законом М. Виралли понимает нормативный акт [17: с. 8].

На Западе традиционно признавалась множественность источников права. Так, Жан-Луи Бержелль считает, что «хотя значимость и авторитет этих источников варьируется, что зависит как от конкретной юридической системы, так и от эпохи и страны, из всех них можно выделить закон, обычай, судебную практику и толкование законов (или учения). Принято выделять также “источники письменные”, например, закон, и “источники неписьменные”, например,

обычай, или “источники прямые”, например, толкование закона и судебная практика» [1: с. 160–161].

Неоднородность (гетерогенность) источников права не исключает существование между ними отношений взаимодополняемости (комплементарности). Независимо от того, какой источник является ведущим в конкретной правовой системе, она является результатом влияния различных факторов. Юридические правила, независимо от происхождения, всегда нуждаются в том, чтобы их интерпретировали; существующие между ними противоречия должны быть устранены, а пустоты заполнены; действующие положения нередко нуждаются в том, чтобы либо расширить, либо сузить сферу их влияния.

По нашему мнению, решения судов — это источники права. Хотя источники особые, своеобразные. Конституция Российской Федерации, конституции и уставы субъектов Федерации, Федеральные конституционные законы «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О судебной системе Российской Федерации», законы субъектов Российской Федерации о конституционных и уставных судах устанавливают общеобязательность решений конституционных судов и делают эти суды правомочными по принятию таких решений. Этому взгляда в настоящее время придерживается большинство известных специалистов в области конституционного права (Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, В.В. Лазарев, Т.Я. Хабриева и т. д.).

Вместе с тем в науке не учитывается различный характер решений конституционных судов: о толковании конституций, о признании нормативных актов или их частей соответствующими или несоответствующими конституциям, по результатам споров о компетенции между органами государственной власти. При этом необходимо исходить из гетерогенности источников права, издаваемых конституционными судами.

Полагаем, что постановление Конституционного Суда РФ о толковании Конституции является самостоятельным источником права. Такие постановления обязательны для всех правоприменителей. Давая разъяснения конституционным нормам, суд определяет их содержание и границы использования, которым следуют все правоприменители. Ни один орган государственной власти не вправе издавать нормативные акты, которые не соответствуют разъяснениям конституционных судов. В постановлениях о толковании норм конституций суд излагает свое понимание правовых норм, создавая почву для правильного и единообразного их применения. Юридическая сила таких постановлений конституционных судов находится на одном уровне с юридической силой Конституции, ибо толкование базируется на нормах Конституции и отражает ее содержание. Это косвенный источник права, производный от Конституции.

Такие видные ученые, как М.И. Брагинский, В.Ф. Яковлев, В.С. Нерсесянц, В.А. Четвернин, О.С. Иоффе, настаивают не только на существовании частного права, но и на разделении закона и права. Пример наглядно свиде-

тельствует о расплывчатости наших представлений об источнике права, самом праве и об отождествлении права и закона. Но ничего удивительного в этом нет: представления о данных понятиях мы получаем от теоретиков права. Их взгляды не изменились с 1941 года, когда утверждалась мысль что советское социалистическое право должно состоять из различных отраслей.

Систему частного права можно представить в виде совокупности следующих законодательно-правовых комплексов: гражданский, предпринимательский, семейный, земельный, трудовой, природоресурсный, международно-частноправовой.

Гражданский законодательно-правовой комплекс.

Гражданское право и законодательство состоит из императивных и диспозитивных норм. Важнейшая особенность этого комплекса заключается в наличии общей части, имеющей определяющее значение для иных ЗПК. Современная структура гражданского законодательства состоит из кодифицированного акта — ГК РФ, включающего 4 части, иных федеральных законов и других источников, указанных в ст. 3 ГК РФ. Кроме того, гражданско-правовые нормы содержатся и во многих других законодательных актах, напрямую не относящихся к гражданско-правовому комплексу.

Предпринимательский законодательно-правовой комплекс.

Основу этого комплекса не составляет какой-либо кодифицированный акт. Кроме того, следует заметить, что понятие предпринимательской деятельности, организационно-правовые формы этой деятельности, основания ответственности предпринимателей регулируются ГК РФ. Вместе с тем особенности этого комплекса очевидны, поскольку характеризуют специфическое положение субъектов, занимающихся различными видами предпринимательской деятельности (банковская, инвестиционная, рекламная, оценочная, и др.), регулируемые объемными блоками законодательства, к гражданскому не относящимися. Трудно отрицать отсутствие дуализма гражданского права, который никуда не исчезал из российской правовой действительности. Свое реальное воплощение дуализм гражданского права нашел в Украине с принятием Хозяйственного кодекса.

В Российской Федерации положение иное. Высказываются мнения, что норм гражданского законодательства вполне достаточно для регулирования предпринимательских отношений. Сторонники концепции существования предпринимательского права как самостоятельной отрасли права настаивают на полной автономии и принятии отдельного кодифицированного акта, регулирующего предпринимательство. Для примирения этих позиций предлагается рассматривать предпринимательское право как законодательно-правовой комплекс частного права, а не в качестве правовой отрасли. Кроме того законодателем могут быть восприняты идеи принятия Торгового, Предпринимательского (Хозяйственного), Коммерческого кодексов, которые систематизируют нормы в предпринимательской сфере.

Семейный законодательно-правовой комплекс.

На протяжении длительного времени семейное право не выделялось из гражданского. Позже, с появлением в советском праве взгляда на систему права как отраслевую, возникло семейное право как самостоятельная отрасль (Г.М. Свердлов, В.А. Рясенцев, А.И. Пергамент). Единственным ученым, отстаивавшим противоположную точку зрения, был О.С. Иоффе, полагавший, что семейное право всегда является частью гражданского права.

На наш взгляд, семейное право, представленное кодифицированным актом, является законодательно-правовым комплексом частного права, а не частью гражданского права и уж тем более не самостоятельной отраслью. Такая позиция основывается на том, что в значительной мере нормы, включенные в Семейный кодекс, хотя и имеют значительное количество императивных правил, не дающих субъектам семейного права той автономии в установлении прав и обязанностей, какая наиболее ярко выражена в гражданско-правовых отношениях, вместе с тем не превращают Семейный кодекс в законодательный акт публичного права. Нормы семейного права регулируют не только взаимоотношения супругов, родителей и детей, но и отношения между лицами, связанными разными степенями родства и свойства, которых Свод законов РИ именовал «члены Семейного союза».

В семейном праве присутствуют ограничения, установленные императивными нормами, однако этот факт не означает того, что оно является публичным. Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и в гражданском праве, где около 80 % норм имеют императивный характер, но от этого гражданское право не становится публичным. При этом мы полагаем, что *семейное и гражданское право* должны одновременно рассматриваться в качестве крупных кодифицированных блоков частного права. Этот вопрос решается вне зависимости от наличия в каждом из этих подразделений императивных норм, а только от того, насколько общие начала и принципы гражданского права и законодательства *можно распространить на эти группы общественных отношений*.

Большинство норм семейного права предписывают определенный вариант поведения, тем самым ограничивая усмотрение участников семейных отношений. В ряде случаев допускается вмешательство в дела семьи суда, органов опеки и попечительства, что также ограничивает свободу выбора варианта поведения. Однако в семейном праве присутствуют и диспозитивные нормы, т. е. правила, допускающие возможность своей волей определять свое поведение, выбирать вариант поведения.

Семейное законодательство исходит из принципа добровольности брачного союза мужчины и женщины (п. 3 ст. 1 СК). Но условия и порядок заключения брака определены императивными нормами (ст. 10–15 СК). Брак может быть прекращен путем его расторжения, т. е. по воле одного или обоих супругов. Но и здесь усмотрение в ряде случаев ограничивается императивными указаниями. Так, муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка (ст. 17 СК).

Таким образом, одним из перспективных вариантов развития отечественной юридической науки, а в дальнейшем и практики, является отказ от правоотраслевого деления и активное внедрение деления права на частное и публичное. Начинать это можно применительно к учебному процессу, особенно при подготовке студентов, обучающихся по программам магистратуры.

Литература

1. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права. М.: Nota Bene, 2000. 236 с.
2. *Брагинский М.И.* Проблемы современного гражданского права // О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное». М.: Городец, 2000. 352 с.
3. *Братусь С.Н.* О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 32.
4. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. 993 с.
5. *Грудцына Л.Ю.* Гражданское общество и частное право // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4. С. 23.
6. *Грудцына Л.Ю.* Развитие институтов гражданского общества в аспекте частного и публичного права // Образование и право. 2013. № 7 (47). С. 57–66.
7. *Грудцына Л.Ю., Петров С.М.* Социальная система и гражданское общество: теоретико-правовые аспекты взаимодействия с государством // Научно-исследовательский институт проблем образования и права. 2013. № 1. С. 23–28.
8. Дигесты Юстиниана. М.: Статут, 2002. 312 с.
9. *Дождев Д.В.* Римское частное право: учебник. М.: Норма, 1996. 298 с.
10. *Иванов В.И.* Частные отношения: постановка вопроса // Образование и право. 2011. № 5 (21). С. 48–55.
11. *Коршунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 216 с.
12. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 44. М.: Изд-во политической литературы, 1975. 374 с.
13. *Мальцев Г.В.* Соотношение частного и публичного права: Проблемы теории // Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие / Под ред. В.В. Безбаха, В.К. Пучинского. М.: МФЦЭР, 2004. С. 718–759.
14. *Пахман С.В.* О современном движении в науке права. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1882. 184 с.
15. *Пучков О.А.* Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М.: ИНФРА-М, 1997. 306 с.
16. Судебная практика как источник права / Под ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юристь, 1997. 326 с.
17. *Шатовкина Р.В.* Организация и деятельность мировых судей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 202 с.
18. *Яковлев В.Ф.* Экономика. Право. Суд. М.: Статут, 2003. 218 с.

References

1. *Berzhel' Zh.-L.* Obshhaya teoriya prava. M.: Nota Bene, 2000. 236 s.
2. *Braginskij M.I.* Problemy' sovremennoego grazhdanskogo prava // O meste grazhdanskogo prava v sisteme «pravo publichnoe – pravo chastnoe». M.: Gorodecz, 2000. 352 s.

3. *Bratus' S.N.* O predmete sovetskogo grazhdanskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1940. № 1. S. 32.
4. *Grazhdanskoe pravo: aktual'ny'e problemy' teorii i praktiki* / Pod obshh. red. V.A. Belova. M.: Yurait-Izdat, 2007. 993 s.
5. *Grudcy'na L.Yu.* Grazhdanskoe obshhestvo i chastnoe pravo // Mezhdunarodny'j akademicheskij zhurnal Rossijskoj akademii estestvenny'x nauk. 2013. № 4. S. 23.
6. *Grudcy'na L.Yu.* Razvitie institutov grazhdanskogo obshhestva v aspekte chastnogo i publichnogo prava // Obrazovanie i pravo. 2013. № 7 (47). S. 57–66.
7. *Grudcy'na L.Yu., Petrov S.M.* Social'naya sistema i grazhdanskoe obshhestvo: teoretiko-pravovy'e aspekty' vzaimodejstviya s gosudarstvom // Nauchno-issledovatel'skij institut problem obrazovaniya i prava. 2013. № 1. S. 23–28.
8. *Digesty' Yustiniana.* M.: Statut, 2002. 312 s.
9. *Dozhdev D.V.* Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik. M.: Norma, 1996. 298 s.
10. *Ivanov V.I.* Chastny'e otnosheniya: postanovka voprosa // Obrazovanie i pravo. 2011. № 5 (21). S. 48–55.
11. *Korshunov N.M.* Konvergenciya chastnogo i publichnogo prava: problemy' teorii i praktiki. M.: Norma, INFRA-M, 2011. 216 s.
12. *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. T. 44. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1975. 374 s.
13. *Mal'cev G.V.* Sootnoshenie chastnogo i publichnogo prava: Problemy' teorii // Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhny'x stran: ucheb. posobie / Pod red. V.V. Bez-baxa, V.K. Puchinskogo. M.: MFCE'R, 2004. S. 718–759.
14. *Paxman S.V.* O sovremennom dvizhenii v nauke prava. SPb.: Tipografiya Pravitel'stvuyushhego Senata, 1882. 184 s.
15. *Puchkov O.A.* Teoriya gosudarstva i prava / Pod red. V.M. Korel'skogo, V.D. Perevalova. M.: INFRA-M, 1997. 306 s.
16. *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* / Pod red. B.N. Topornina. M.: Yurist'', 1997. 326 s.
17. *Shatovkina R.V.* Organizaciya i deyatel'nost' mirovy'x sudej v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002. 202 s.
18. *Yakovlev V.F.* E'konomika. Pravo. Sud. M.: Statut, 2003. 218 s.

S.A. Ivanova

The Private Law Relations and Development of Civil Society in Modern Russia

The division of the right into branches is an exclusive gain of the Soviet doctrine. Not a single modern legal system provided and provides such division. Private law in a general view is a set of legislatively legal complexes regulating the civil turn. In this case it is a question of files of the legislation and the legal phenomena coordinated by them and we see their basis in codified acts.

Keywords: private law; legislation; public law; the state; civil turn; property; legal relationship; human rights; family law.

Л.Б. Ситдикова

Понятие и правовая природа договора суррогатного материнства

В статье рассматривается правовая природа договора суррогатного материнства. Автор определяет ряд проблем, которые имеют существенное значение при определении правовой природы данного вида договора. Обоснована необходимость выделения договора суррогатного материнства в самостоятельный вид договора.

Ключевые слова: правовая природа; договор; суррогатное материнство; законодательство; правовое регулирование.

Для правового регулирования института суррогатного материнства большое значение имеет правильное определение правовой природы договора суррогатного материнства. На данный момент действующее законодательство Российской Федерации в области суррогатного материнства имеет существенные пробелы и недостатки. Многие вопросы остаются за пределами правового регулирования. Не раскрывается вопрос о характере отношений между суррогатной матерью и лицами, которые обратились к ней, хотя их договорная природа очевидна. Нигде не раскрыта юридическая характеристика договора суррогатного материнства, нет определенности в отношении его существенных условий, правового статуса сторон и предъявляемых к ним требований.

Некоторые ученые, например О.Ю. Косова [9: с. 23], придерживаются мнения, что договор суррогатного материнства следует отнести к разряду ничтожных сделок, поскольку он нарушает основы нравственности и правопорядка.

Другие ученые, например Б.Н. Жуков [7: с. 8], утверждают, что договор суррогатного материнства нельзя относить к гражданско-правовым договорам. Соответственно, применение к договору суррогатного материнства гражданского законодательства о договорах невозможно, поскольку передача ребенка суррогатной матерью не может быть предметом договора, а ребенок не может быть предметом сделки.

Отдельные специалисты, ставя под сомнение юридическую силу договора суррогатного материнства, поднимают вполне резонный вопрос о его целесообразности в связи с тем, что он не обеспечивает лицам, которые обратились к суррогатной матери, достижения желаемой цели. Даже при наличии заключенного договора суррогатного материнства указанные лица не вправе потребовать в судебном порядке передачи им ребенка, рожденного суррогат-

ной матерью. Нареченные родители практически лишены средств судебной защиты и в тех случаях, когда суррогатная мать нарушает режим беременности и это негативно сказывается на состоянии здоровья ребенка, либо прерывает беременность. А тот факт, что в предмет исследуемого договора никак не могут быть включены здоровье суррогатной матери и собственно ребенок (эмбрион, новорожденный), приводит, по мнению некоторых авторов, например М.В. Кратенко [10: с. 12], к тому, что договор утрачивает свои регулятивные свойства.

Необходимо отметить, что зарубежное законодательство хотя и предусматривает возможность заключения договора между суррогатной матерью и лицами, обратившимися к ее услугам, но сопровождает его многочисленными формальностями. При этом вопросы, связанные с установлением родительских прав в отношении ребенка, урегулированы императивно, что свидетельствует о небольшом практическом значении договора в регулировании отношений по суррогатному материнству.

Следует признать, что заключение договора суррогатного материнства является необходимым условием соблюдения прав и законных интересов всех участников данных правоотношений. От того, насколько грамотно будет составлен договор, зависит построение и развитие отношений между суррогатной матерью и лицами, обратившимися к ее услугам.

Договор суррогатного материнства является новым самостоятельным видом договора, отличным от иных гражданско-правовых договоров, перечисленных в Гражданском кодексе РФ. Определенно, договор суррогатного материнства относится к числу непоименованных договоров. Система договоров постоянно развивается сообразно изменению содержания развивающейся действительности, которая с их помощью регулируется. Появляются новые типы (виды, подвиды) договоров. Поэтому заключение договора является необходимым условием проведения программы «Суррогатное материнство», поскольку рассматриваемые правоотношения носят сложный, комплексный характер, так как применение метода суррогатного материнства затрагивает одновременно: права рожденного ребенка; права лиц, которые обратились к услугам суррогатной матери; права суррогатной матери; права супруга суррогатной матери.

В связи с этим особое значение приобретает надлежащее правовое оформление отношений, которые возникают в процессе реализации программы «Суррогатное материнство» [5: с. 41]. Договор необходим для урегулирования таких возникающих впоследствии вопросов, как:

- участие супругов-заказчиков в материальном обеспечении суррогатной матери во время вынашивания;
- характер содействия заказчиков;
- должны ли супруги-заказчики компенсировать матери возникший в результате осложнений ущерб здоровью;
- каковы обязанности сторон в случае, если беременность не завершилась рождением здорового ребенка;

– договариваются ли стороны сохранять тайну отношений суррогатного материнства.

Это далеко не исчерпывающий перечень вопросов, которые возникают в процессе реализации метода суррогатного материнства, которые никоим образом не регламентированы законодательством Российской Федерации, но с которыми могут столкнуться суррогатная мать и лица, которые обратились к ее услугам.

При составлении договора суррогатного материнства необходимо руководствоваться статьей 8 и статьей 421 Гражданского кодекса РФ [1]. Этими статьями устанавливается возможность заключения договоров, как предусмотренных законом или иным нормативным актом, так и не предусмотренных ими. Главное, чтобы заключаемый договор не противоречил закону [6: с. 72].

Исходя из существа отношений, которые возникают в процессе реализации программы суррогатного материнства, данный договор можно определить как соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать) обязуется по заданию другой стороны (супругов-заказчиков) пройти процедуру имплантации эмбриона(-ов), выносить его (их), обеспечивая благоприятные условия внутриутробного развития, и в случае рождения ребенка (детей) передать его (их) супругам-заказчикам, а супруги-заказчики обязуются выплатить суррогатной матери за оказанные услуги вознаграждение в случае возмездности договора.

Поскольку договор создает правовые отношения между сторонами, но не гарантирует реализацию конечной цели, то есть получение ребенка супругами-заказчиками, данный договор следует отнести к категории алеаторных договоров. При заключении договора суррогатного материнства сторонам точно не известно, насколько благоприятно будет протекать беременность, и нет никакой гарантии, что она завершится рождением здорового ребенка, в том числе и при надлежащем исполнении сторонами своих обязательств по договору. Однако если суррогатная мать по заданию супругов-заказчиков прошла процедуру имплантации эмбриона, вынашивала его (пусть даже непродолжительный период времени), обеспечивала благоприятные условия для его внутриутробного развития, то даже в случае неудачного исхода программы договор следует считать исполненным, поскольку сама услуга была оказана. Деятельность суррогатной матери может не иметь желанного результата (рождение ребенка), но представляет юридически значимый интерес для супругов-заказчиков. В данном случае сама услуга — прохождение процедуры имплантации эмбриона, его вынашивание, обеспечение благоприятных условий для его внутриутробного развития — самостоятельный объект правоотношений.

Кроме того, что договор суррогатного материнства является алеаторным, он относится к категории консенсуальных договоров, поскольку он будет считаться заключенным с момента достижения соглашения между сторонами по всем его существенным условиям.

Договор является синаллагматическим, так как права и обязанности лежат на обеих сторонах. Так, и супруги, которые обратились к суррогатной матери, и сама суррогатная мать являются сторонами договора, наделенными правами и обязанностями по отношению друг к другу.

Договор может быть как возмездным, так и безвозмездным. В первом случае суррогатная мать получает вознаграждение, определяемое с учетом цен на данном «рынке», за исполнение своих обязательств по договору. Данное вознаграждение должно быть выплачено независимо от того, насколько успешно была реализована программа «Суррогатное материнство». Если, например, при надлежащем исполнении суррогатной матерью взятых по договору обязательств ребенок родился неполноценным, то суррогатной матери все равно должно быть выплачено вознаграждение. Безвозмездное суррогатное материнство не предполагает какой-либо платы за оказанные суррогатной матерью услуги и осуществляется на некоммерческой основе [2]. Суррогатной матери иногда могут быть возмещены расходы, связанные с потерей заработной платы, или выплачена компенсация за перенесенную боль и физические страдания [3: с. 135].

Договор суррогатного материнства имеет схожие признаки с договором возмездного оказания услуг.

Однако отличие между договором возмездного оказания услуг и договором суррогатного материнства заключается в том, что последний может осуществляться и на безвозмездной основе, что исключает возможность причисления его к подвидам договора возмездного оказания услуг.

По мнению Т.Е. Борисовой [4: с. 26], нельзя договор суррогатного материнства, осуществляемый на возмездной основе, относить к одному типу гражданско-правовых договоров, а осуществляемый на безвозмездной основе — к другому типу. Даже при том, что количество заключаемых безвозмездных договоров суррогатного материнства значительно меньше, неправильно было бы делать вид, что их не существует. И в том случае, когда действия суррогатной матери не продиктованы целью извлечения прибыли, не стоит забывать, что может возникнуть множество проблемных ситуаций, которые требуют четкого законодательного регулирования и разрешения. Поэтому было бы ошибкой часть договоров суррогатного материнства причислить к договорам возмездного оказания услуг, а часть оставить без внимания.

Договор суррогатного материнства является двухсторонним. Сторонами договора суррогатного материнства являются суррогатная мать и супруги-казачики.

Однако не все специалисты разделяют такую точку зрения. Отдельные авторы, например А.Н. Чаплыгин [12: с. 386], полагают, что договор суррогатного материнства должен быть многосторонним. Помимо бесплодной пары и суррогатной матери в состав участников договора предлагается включить супруга суррогатной матери, врача, который должен провести операцию ЭКО,

акушера, психиатра и психолога, органы государственной власти или местного самоуправления, удостоверяющие этот договор и участвующие в разрешении конфликтных ситуаций.

Ученый-юрист А.Э. Козловская в своем исследовании «Правовые аспекты суррогатного материнства» [8: с. 28] высказывает точку зрения о том, что кроме супругов-заказчиков и суррогатной матери необходимо включение в состав участников договора врача-акушера, для того чтобы бесплодные супруги могли получать полную информацию о состоянии суррогатной матери в период беременности.

На наш взгляд, в договоре необходимо предусмотреть обязанность суррогатной матери предоставлять супругам-заказчикам достоверную информацию о протекании беременности, полученную в медицинском учреждении, где ведется наблюдение за протеканием беременности, что исключит необходимость участия врача-акушера в качестве дополнительной стороны договора.

По мнению Е.В. Митряковой [11: с. 82], договор суррогатного материнства должен заключаться между лицами, желающими получить ребенка, суррогатной матерью и лечебным учреждением, которое проводит медицинское вмешательство. На наш взгляд, такая точка зрения не отвечает принципиальным положениям семейного права, потому что семейное право регулирует только отношения физических лиц — членов семьи. Исходя из этого, между медицинской организацией и супругами, а также медицинской организацией и суррогатной матерью должны быть заключены отдельные договоры об оказании медицинских услуг. Остальное, то есть фактически сами отношения суррогатного материнства, не относится к деятельности, осуществляемой медицинским учреждением. Поэтому число сторон договора суррогатного материнства целесообразно ограничить только двумя сторонами: супругами-заказчиками и суррогатной матерью.

Таким образом, сравнительный анализ существа договора суррогатного материнства с иными видами гражданско-правовых договоров диктует необходимость выделения его в самостоятельный вид договора.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 02.11.2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Айвар Л.К. Правовое положение суррогатного материнства в России: проблемы законодательства // Юридический мир. 2006. № 2. С. 28–35.
3. Андреева И.С. Социально-философские проблемы пола, брака, семьи // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 132–138.
4. Борисова Т.Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2012. 144 с.
5. Бурмистрова Е.В. Правовое регулирование суррогатного материнства в России // Медицинское право. 2014. № 1. С. 40–44.

6. Григорович Е.В. Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона: семейно-правовой аспект. М.: Дашков и К°, 2009. 177 с.
7. Жуков Б.Н. О некоторых вопросах установления отцовства в добровольном порядке, не урегулированных действующим законодательством // Семейное право. 2004. № 2. С. 8–12.
8. Козловская А.Э. Правовые аспекты суррогатного материнства // Гражданское право. 2006. № 2. С. 25–29.
9. Косова О.Ю. Семейный кодекс Российской Федерации и некоторые вопросы регулирования брачно-семейных отношений. М.: Семья, 2010. 156 с.
10. Кратенко М.В. Действия по «распоряжению» личными нематериальными благами: понятие, виды и пределы осуществления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 1. С. 12–15.
11. Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 175 с.
12. Чаплыгин А.Н. Суррогатное материнство: To be or not to be? // Актуальные проблемы частноправового регулирования: мат-лы Всерос. науч. конф. мол. ученых. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2004. С. 385–387.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (red. ot 02.11.2013 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Ajvar L.K. Pravovoe polozhenie surrogatnogo materinstva v Rossii: problemy' zakonodatel'stva // Yuridicheskij mir. 2006. № 2. S. 28–35.
3. Andreeva I.S. Social'no-filosofskie problemy' pola, braka, sem'i // Voprosy' filosofii. 2008. № 2. S. 132–138.
4. Borisova T.E. Surrogatnoe materinstvo v Rossijskoj Federacii: problemy' teorii i praktiki: monografiya. M.: Prospekt, 2012. 144 s.
5. Burmistrova E.V. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva v Rossii // Medicinskoe pravo. 2014. № 1. S. 40–44.
6. Grigorovich E.V. Iskustvennoe oplodotvorenije i implantaciya e'mbriona: semejno-pravovoj aspekt. M.: Dashkov i K°, 2009. 177 s.
7. Zhukov B.N. O nekotory'x voprosax ustanovleniya otczovstva v dobrovol'nom porjadke, ne uregulirovanny'x dejstvuyushhim zakonodatel'stvom // Semejnoe pravo. 2004. № 2. S. 8–12.
8. Kozlovskaya A.E. Pravovy'e aspekty' surrogatnogo materinstva // Grazhdanskoe pravo. 2006. № 2. S. 25–29.
9. Kosova O.Yu. Semejny'j kodeks Rossijskoj Federacii i nekotory'e voprosy' regulirovaniya brachno-semejny'x otnoshenij. M.: Sem'ya, 2010. 156 s.
10. Kratenko M.V. Dejstviya po «rasporyazheniyu» lichny'mi nematerial'ny'mi blagami: ponyatie, vidy' i predely' osushhestvleniya // Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika. 2008. № 1. S. 12–15.
11. Mitryakova E.S. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva v Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. Tyumen', 2007. 175 s.
12. Chaply'gin A.N. Surrogatnoe materinstvo: To be or not to be? // Aktual'ny'e problemy' chastnopravovogo regulirovaniya: mat-ly' Vseros. nauch. konf. mol. ucheny'x. Samara: Izd-vo Samar. un-ta, 2004. S. 385–386.

L.B. Sitdikova

The Concept and the Legal Nature of the Contract of Surrogacy

This article examines the legal nature of the contract of surrogacy. The author identifies a number of issues which are of fundamental importance in determining the legal nature of this type of contract. Necessity allocation agreement surrogacy independent kind of contract.

Keywords: legal nature; the contract; surrogacy; legislation; regulation.

Н.В. Дашковская

Применение правовых обычаев в деятельности волостных судов Российской империи

В статье раскрывается понятие правового обычая как источника права. Показана роль правовых обычаев в Российской империи. Выявлены особенности деятельности волостных судов. Раскрыто значение правовых обычаев для судопроизводства в волостных судах.

Ключевые слова: правовой обычай; волостной суд; источник права; крестьяне; закон.

Правовой обычай представляет собой источник права в формально-юридическом смысле, то есть определенную форму выражения правовых норм. Его можно отнести к числу первых по времени возникновения источников права [8: с. 37], но, несмотря на это, обычай в некоторых сферах общественной жизни сохраняет свое значение и в наши дни.

Правовому обычаю присущи следующие признаки:

- 1) складывается в результате многократного повторения определенных действий;
- 2) источником его формирования служит общественное сознание;
- 3) обычай в значительной мере отражает уровень развития общества на конкретном этапе;
- 4) действие его имеет достаточно локальный характер;
- 5) отражает коллективное представление о справедливом характере права.

Главное отличие правового обычая от просто обычая состоит в его легитимизации государством, защите средствами государственного принуждения.

В период Российской империи правовые обычаи играли важную роль в правовой системе, выступая одним из ее структурообразующих элементов. Государство использовало правовые обычаи для регулирования отношений между крестьянами, а также между инородцами, включая сибирских инородцев и калмыков [1: с. 106–113].

Обычаи довольно широко применялись в торговом праве. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, именно в торговом праве «обычай сохранил еще весьма почетное значение, занимая место выше гражданского закона» [11: с. 87]. Статья 1 Устава торгового 1903 г. определяла: «Права и обязанности, происходящие из сделок и отношений, торговле свойственных, определяются законами торговыми. В случае недостатка этих законов применяются законы гражданские и принятые в торговле обычаи» [7: с. 72].

О той роли, которую играл обычай в системе источников права Российской империи, говорит, в частности, тот факт, что решением № 174 за 1880 г. Сенат признал, что во взаимоотношениях крестьян по наследственным делам и опеке обычай может быть применен даже в том случае, если противоречит закону [2: с. 53].

По мнению И.В. Минникес, применительно к периоду Российской империи можно выделить два вида обычаев: дополняющие и самостоятельные.

«Первый вид — это обычаи, на которые имеется ссылка в законодательстве (правовые обычаи), и те обычаи, которые восполняли пробелы в законе, хотя прямо и не обозначены законодателем. Они действовали как дополнение правовых установлений. Например, в соответствии с Уставом торговым, в торговых делах суд может обращаться к обычаям при отсутствии нормативно-правового регулирования данного спора. Другой вариант — неполнота правового регулирования. Так, закон предусматривал возможность отсрочки или рассрочки исполнения обязательств. Обычай дополнял эту норму приемлемыми сроками, например после сбора крестьянами урожая...

Второй вид — обычаи, имевшие самостоятельное значение. Эти обычаи функционировали как самостоятельные правила, иногда даже идущие вразрез с нормами права. Так, в некоторых местностях обычай допускал такой способ обеспечения обязательств, как отобрание вещи у должника или у третьего лица, хотя этот способ законодатель совершенно не одобряет. Кроме того, в некоторых местностях в крестьянской среде большое значение имел факт свадьбы. Венчание в этом смысле не означало вступления в брак до тех пор, пока не состоялось свадебное пиршество. Закон имел совершенно противоположный взгляд на эту проблему» [5: с. 9].

На протяжении всего XIX века в Российской империи проводилась большая работа по сбору и кодификации обычаев, которые действовали у нерусских народов, но она так и не завершилась логическим результатом, то есть составлением кодифицированного сборника обычаев.

Одной из инстанций, которые активно применяли правовые обычаи в своей практике, являлись волостные суды.

Волостной суд представлял собой судебную инстанцию, включенную в общую судебную систему, но являлся сословным крестьянским органом [6: с. 119].

Введенный в 1838 г. для государственных крестьян, волостной суд после реформы 1861 г. распространил свои полномочия на всех крестьян, вышед-

ших из крепостной зависимости и в силу этого освобожденных от помещичьей юрисдикции. Предполагалось, что сословный суд по крестьянским делам будет действовать до судебной реформы, но судебные уставы 1864 г. его не ликвидировали [4].

Волостной суд рассматривал споры и тяжбы между крестьянами до 100 руб. (в 1889 г. сумма иска была повышена до 300 руб.) и мелкие уголовные проступки [4]. Состав волостного суда утверждался уездным съездом и сельским начальником.

Волостные суды имели следующие особенности:

1) они являлись не судебными, а судебно-административными учреждениями;

2) в пореформенный период судебный процесс в волостных судах был менее демократичным, чем в общих судах, он оставлял больше простора для различных злоупотреблений;

3) до 1889 г. ведению волостного суда подлежали только тяжбы и проступки крестьян;

4) после 1889 г. волостным судам стали подсудны все лица бывших податных сословий, постоянно проживающих в пределах волости, в итоге волостной суд перестал быть сословным судом для крестьян и превратился в суд для низших слоев сельского населения;

5) в ходе судебной контрреформы земские начальники получили право просматривать все решения волостных судов и представлять к отмене те из них, которые были, по их мнению, неправосудны;

6) волостные суды активно применяли в своей практике телесные наказания — розги;

7) руководствовались не нормами законодательства, а местными обычаями.

Применение волостными судами правовых обычаев можно рассматривать как типичную черту правовой системы Российской империи, которая во второй половине XIX века вступила в стадию активного формирования [9: с. 168]. Эта особенность имела важное значение для развития национальных правовых характеристик, так как применение обычаев позволяло консервировать патриархальные отношения в деревне, стимулируя крестьян к сохранению традиционных для них форм регулирования общественных отношений. Сохраняя применение обычаев в волостном крестьянском суде, правительство руководствовалось следующими соображениями: во-первых, оно было убеждено в особом характере правовых представлений крестьян, сформированных многовековым хозяйственным опытом и особенностями общинной организации; во-вторых, играли свою роль экономические и кадровые факторы, не позволявшие обеспечить необходимое число грамотных мировых судей, а значит и доступное правосудие в каждой крестьянской волости [10].

Как справедливо отмечает Н.Н. Ефремова, обычай, применявшийся в волостных судах, не противоречил формальным принципам правосудия, при-

нятым после судебной реформы 1864 г., таким, как ведение судопроизводства на родном языке, доступность и открытость суда, справедливость, целесообразность, оперативность решения дел [3: с. 258].

Таким образом, среди тех особенностей, которые имела судебная система Российской империи в пореформенный период, можно отметить две: наличие волостных судов как сословных судебных органов и применение в волостных судах правовых обычаев. Сочетание этих двух особенностей позволяло правительству консервировать патриархальные отношения в деревне.

Литература

1. *Андреянова Н.Н.* Особенности организации управления и суда сибирских инородцев в Российской империи 20-х годов XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 1. С. 106–113.
2. *Дорская А.А.* Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 51–57.
3. *Ефремова Н.Н.* Местная юстиция в правовых традициях имперской России // Правовые традиции. Жидковские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. (Москва, 29–30 марта 2013 г.) / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М.: РУДН, 2014. С. 254–260.
4. *Костин С.П.* Гражданско-процессуальное законодательство Российской империи (вторая половина XIX века). М.: Книгодел, 2010. 128 с.
5. *Минниев И.В.* Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ // История государства и права. 2010. № 15. С. 7–10.
6. *Никулина Н.В.* Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2012. № 2. С. 119–122.
7. Обычай в праве: сборник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 382 с.
8. *Пашенцев Д.А.* История государства и права России. М.: Эксмо, 2010. 448 с.
9. *Пашенцев Д.А.* Роль религии в формировании российской правовой традиции // Правоведение. 2010. № 6. С. 168–173.
10. *Тараканова Н.Г.* Противоречия крестьянской волостной юстиции в России второй половины XIX – начала XX в. // История государства и права. 2011. № 18. С. 41–45.
11. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. 412 с.

References

1. *Andreyanova N.N.* Osobennosti organizacii upravleniya i suda sibirskix inorodcev v Rossijskoj imperii 20-x godov XIX veka // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011. № 1. S. 106–113.
2. *Dorskaya A.A.* Razvitie sistemy' prava v Rossii: problema periodizacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011. № 2. S. 51–57.

3. *Efremova N.N.* Mestnaya yusticiya v pravovy'x tradiciyax imperskoj Rossii // Pravovy'e tradicii. Zhidkovskie chteniya: mat-ly' Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 29–30 marta 2013 g.) / Pod red. G.I. Muromceva, M.V. Nemy'tinoy. M.: RUDN, 2014. S. 254–260.
4. *Kostin S.P.* Grazhdansko-processual'noe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX veka). M.: Knigodel, 2010. 128 s.
5. *Minnikes I.V.* Oby'chaj kak istochnik russkogo prava: istoriko-pravovoj analiz // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 15. S. 7–10.
6. *Nikulina N.V.* Volostny'e sudy' v sudebnoj sisteme Rossijskoj imperii posle sudebnoj reformy' 1864 g. // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2012. № 2. S. 119–122.
7. Oby'chaj v prave: sbornik. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2004. 382 s.
8. *Pashencev D.A.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii. M.: E'ksmo, 2010. 448 s.
9. *Pashencev D.A.* Rol' religii v formirovanii rossijskoj pravovoj tradicii // Pravovedenie. 2010. № 6. S. 168–173.
10. *Tarakanova N.G.* Protivorechiya krest'yanskoj volostnoj yusticii v Rossii vtoroj poloviny' XIX – nachala XX v. // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 18. S. 41–45.
11. *Shershenevich G.F.* Kurs torgovogo prava. T. 1: Vvedenie. Torgovy'e deyateli. M.: Statut, 2003. 412 s.

N.V. Dashkovskaya

Application of Legal Practices in the Activities of Township Courts in the Russian Empire

The article explains the concept of legal custom as a source of law. The role of legal practices in the Russian Empire is shown, peculiarities of township courts activities are identified. The significance of legal proceedings for customs in the township court is revealed.

Keywords: legal custom; district court; a source of law; peasants; the law.

Н.С. Клевцова

Легитимность закона и парламентские процедуры

В статье рассматриваются понятия «легитимность закона», «парламентские процедуры», анализируется взаимосвязь между ними, отмечается важность института парламентских процедур для принятия легитимных законов. Сделан вывод, что в Российской Федерации, в отличие от ряда европейских стран, парламентские традиции и процедуры сформировались не в полной мере, процесс их становления продолжается.

Ключевые слова: легитимность; парламентские процедуры; легальность; правовой закон; единогласное голосование.

Термин «легитимность» происходит от группы родственных латинских слов, таких как *lex, legis* — закон, юридическая норма, правило, принцип, порядок; *legitimus* — согласный с законами, законный, правомерный, надлежащий, должный и других однокоренных слов [8: с. 346].

Большой вклад в теоретическую разработку понятия легитимности внес немецкий историк и социолог начала XX века М. Вебер, который определял ее как «внутреннее оправдание», «гарантию», «эмоциональную преданность», «веру в значимость и авторитет власти» [3: с. 640–647].

Американский политолог С. Липсет характеризует легитимность как «способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества» [18: р. 77]. Легитимность означает общественное признание чего-либо: действующего лица, политического института, процедуры или факта.

Профессор Б.А. Кистяковский справедливо отмечал: «Чтобы существовать и быть признаваемой, власть должна себя оправдать. Для современного культурного человека еще недостаточно того, что власть существует; мало и того, что она необходима, полезна и целесообразна. Только если власть способствует тому, что должно быть, только если она ведет к господству идеи права, только тогда мы можем оправдать ее существование, только тогда мы можем признать ее правомерной» [5: с. 285].

Юрист-международник С.В. Черниченко считает, что «легитимность — это понятие естественно-правовое и имеет нравственные корни, наиболее стабильные, наиболее “высокие” нормы человеческой морали в своей основе» [16: с. 745].

Для оценки легитимности законов, а также самой законодательной власти определяющее значение имеет соблюдение установленных законодательных про-

цедур. Ш. Монтескье в труде «О духе законов» отмечал, что «если бы законодательная власть была совершенно свободна в своих действиях, то она могла бы правомерным образом уничтожить другие власти» [11: с. 348].

В юридической литературе существуют разные мнения относительно самого понятия парламентской процедуры. Так Д.А. Ковачев дает следующее определение данному термину: «Парламентская процедура является юридически регламентированным порядком, на основании которого высший представительный орган и его палаты, если он имеет сложную структуру, осуществляют входящие в их компетенцию права» [6: с. 193]. Парламентская процедура — это фундамент, на котором покоится здание функций парламента. В странах с либерально-демократическим режимом парламентские процедуры занимают важное место в сохранении институтов демократии.

Демократические парламентские процедуры являются одной из важнейших гарантий соблюдения конституционных норм. При отсутствии надлежащих парламентских процедур конституционные нормы постепенно утрачивают свое истинное значение.

В юридической литературе выделяются следующие принципы парламентских процедур:

«Во-первых, в регламенте представительного органа должны быть обеспечены права меньшинства при голосовании по законопроектам и другим решениям.

Во-вторых, внутренняя организация парламента должна базироваться на учете пропорционального представительства победивших на выборах политических сил.

В-третьих, необходимы регламентированные нормы об ограничении диктата партийной дисциплины, которая часто влияет на продвижение лишь узкого круга интересов партийных лидеров» [2: с. 15].

Остановимся на первом из вышеперечисленных принципов. Под правами меньшинств автор подразумевает прежде всего представителей политической оппозиции. Место, предоставленное оппозиции в системе власти, позволяет оценить подлинность плюралистической демократии. В литературе справедливо отмечается, что политическая оппозиция — одновременно право и обязанность общественно-политических сил и «национальное достояние» демократического государства [2: с. 16].

Парламентские процедуры отдельных стран по-разному определяют полномочия оппозиции. В демократических государствах парламентские процедуры предоставляют оппозиции реальную возможность выразить свое мнение в парламенте и вообще влиять на власть. Так, в Канаде официальная оппозиция во время прений имеет право на выступление непосредственно за основным докладчиком от партии большинства. Лидер оппозиции обладает правом участвовать в прениях неограниченное количество времени. В Великобритании самая многочисленная партия меньшинства со своим партийным

лидером становится официальной парламентской оппозицией и формирует альтернативный правительству так называемый Теневой кабинет, в который входят представители оппозиционной парламентской партии. Кроме того, процедурные нормы позволяют оппозиции в течение 20 дней каждой сессии выбирать вопросы для обсуждения. Данные процедуры не гарантируют, что законодательные предложения оппозиции будут приняты, но тем не менее обеспечивают реальную возможность выразить свою позицию.

Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1601, принятая в 2008 году, призывает страны искать механизмы институционализации оппозиции. В ней говорится: «Предоставление парламентской оппозиции статуса, наделяющего ее определенными правами, способствует эффективности представительной демократии и уважению политического плюрализма, обеспечивая, таким образом, поддержку граждан и их доверие к нормально функционирующим институтам» [13: с. 13].

В Российской Федерации, согласно формальным правилам парламентской процедуры, вопрос легитимности закона решается в зависимости от голосования большинства в Государственной Думе. В итоге получается, что принимаются законы, за которые голосует партия, находящаяся у власти.

Законопроекты *системной оппозиции* (выделено автором. — *Н.К.*) в ряде случаях лежат годами, зачастую теряя свою актуальность. Статистические данные свидетельствуют, что в Государственной Думе в настоящий период времени находятся 770 законопроектов оппозиции (внесенных с января 1996 по март 2014 гг.). Законопроекты, внесенные Президентом, принимаются в первоочередном порядке и в кратчайшие сроки. Из 126 законопроектов, внесенных в текущем созыве (с января 2011 по март 2014 гг.) и перешедших из предыдущих, 85 на сегодняшний день уже приняты. Аналогичная ситуация с законопроектами, поступившими из Правительства (486 из 699 приняты)¹.

С целью ускорить процедуру рассмотрения законопроектов в нижней палате парламента в 2012 году была закреплена возможность сокращенной процедуры их рассмотрения. Сущность этих изменений состоит в следующем: если законопроект, внесенный в предыдущие созывы, при рассмотрении его в профильном комитете был рекомендован к отклонению, то Дума на пленарном заседании заслушивает доклад представителя ответственного комитета продолжительностью до трех минут, после чего без какого-либо обсуждения вопрос о принятии законопроекта в первом чтении выносится на голосование [1]. Так как основная часть законов в Думе проходит через те комитеты, которые возглавляют депутаты правящей партии, такое нововведение фактически блокирует многие законопроекты оппозиции.

Неоднозначное восприятие в обществе вызвали четыре закона, принятые Государственной Думой Российской Федерации в 2012 году: «О клевет-

¹ Данные автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы от 30.03.2014 г.

те», «О митингах», «Об иностранных агентах», «О цензуре в Интернете». Эти законы приняты на фоне протестных выступлений несистемной оппозиции. Несмотря на возражения против принятия данных законов со стороны представителей оппозиционных партий, действующие парламентские процедуры в Думе позволили проигнорировать их мнение [15].

Для представленных в парламенте оппозиционных сил большое значение имеет институт парламентских расследований. Макс Вебер, один из идеологов введения института парламентских расследований в Германии, отмечал, что «в связи с тем, что в парламентской демократии оппозиция имеет чрезвычайно слабую возможность влиять на правительственное большинство, оппозиции необходимо предоставить оружие — в виде парламентских расследований — в этой неравной борьбе» (цит. по [7: с. 148]). Однако проект постановления об инициировании парламентского расследования деятельности А. Сердюкова на посту министра обороны Российской Федерации, предложенный оппозицией, был отклонен в феврале 2014 года парламентским большинством на абсолютно формальных основаниях.

Различие между формальной легитимностью и содержательной легальностью закона базируется на известной концепции различия права и закона, различия естественного и позитивного права. Легальным следует признать только правовой закон, то есть закон, проводящий и закрепляющий правовую идею (справедливости, свободы, прав человека и другие).

Академик В.С. Нерсесянц, являясь основоположником либертарно-юридического типа правопонимания, в своих трудах подчеркивал важность разделения законов на правовые и неправовые. Согласно его идее, право существует только в форме правового закона, создание которого возможно лишь в правовом государстве. «Правовой закон, — писал он, — как искомое соответствие закона (явления) требованиям принципа формального равенства (сущности права) — это адекватное и полное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определенности и нормативной конкретности, необходимых для действующего позитивного права» [12: с. 9]. Закон является правовым, если он воплощает в себе формально-абстрактное равенство, свободу и справедливость.

Проблеме легитимности законов посвящены труды ряда зарубежных и отечественных исследователей. В литературе сложились две позиции относительно того, какой закон считать легитимным.

Немецкий философ и юрист Никлас Луман отмечал, что для легитимности закона необходимо лишь соблюдение формальных процедур его принятия [10: с. 88].

Противоположной точки зрения придерживался выдающийся правовед XX века Карл Шмитт. В одной из своих работ он писал о законодателях некоторых либеральных режимов как о «механических законодателях», которые не озабочены смыслом и применением законов, но целиком сосредоточены на легитимности процедуры, из которой, по их мнению, вытекает легитим-

ность закона [17: с. 119]. Закон, таким образом, основывается не на естественном праве, не на нормах морали или соображениях общественного блага, а исключительно на том, что он проведен в парламенте без нарушения процедуры.

Профессор Р.З. Лившиц писал: «Легитимность закона означает положительное отношение к нему членов общества, поддержку его как гражданами, так и юридическими лицами. И наоборот, отрицательное отношение людей к закону, его неприятие означает, что закон не легитимен» [9: с. 21].

Аналогичным образом рассуждал и родоначальник немецкой классической философии И. Кант: «...если закон таков, что весь народ никоим образом не мог бы дать на него своего согласия, то он несправедлив (как, например, закон о том, чтобы какой-то класс подданных пользовался по наследству преимуществами сословия господ); если же по крайней мере возможно, что народ дал бы свое согласие на такой закон, то наш долг считать его справедливым...» [4: с. 87].

Таким образом, с формальной точки зрения легитимным является закон, принятый надлежащим органом в соответствии с установленными парламентскими процедурами. Если эти требования соблюдены, то закон формально легитимен. Однако легитимность закона не может пониматься в отрыве от сущности закона, то есть его содержания. Если закон поддерживается населением, то он претворяется в жизнь и оказывается фактически легитимным. Эту существенную сторону легитимности некоторые исследователи именуют легальностью закона [14: с. 86]. Легитимность закона в полном объеме должна опираться и на его легальность. Только легальный закон легитимен.

Российская практика показала, что многие законы, будучи формально легитимными, то есть принятыми надлежащими органами и в надлежащем порядке, не всегда получают поддержку населения. Отдельные законы полностью или частично не реализуются. Именно правоприменительная практика дает ответ на вопрос о легитимности закона. Она свидетельствует о различии между формальной и фактической легитимностью.

На важность парламентских процедур для легитимности законодательной власти обратил внимание Председатель Государственной Думы Российской Федерации С.Е. Нарышкин. Он отметил: «Ситуация на Украине показывает, насколько важна легитимность и законодательные процедуры, насколько важна легитимность власти»¹.

Крымский референдум и процесс принятия Крыма в состав Российской Федерации легитимны по соблюдению международных и национальных парламентских процедур. Данный процесс был бесспорным выражением воли как крымского, так и российского народов.

Формально справедливым видится решение, принятое парламентом единогласно. При стремлении к единогласию стороны вынуждены выслушивать

¹ Нарышкин: события в Украине показывают важность диалога в обществе. URL: http://gian.com.ua/CIS_news/20140304/340450162.html (Дата обращения: 30.03.2014 г.).

доводы сторон, давать им оценку. Понимая, что единогласное решение содержит в себе наибольшую внутреннюю силу, законодатель считает необходимым иметь такой механизм, как квалифицированное большинство, тем самым признавая такие процедуры более легитимными. Данная позиция касается государств с либерально-демократическим режимом.

Английский юрист и социолог И. Бентам писал: «Естественно, что при поручении какого-либо дела собранию желательнее всего достичь единогласного мнения всех его членов, но так как такое единогласие почти невозможно, то приходится мириться с тем, что ближе всего к нему подходит, то есть удовлетворяться мнением простого большинства»¹.

Заслуживает внимание позиция С.В. Васильевой, согласно которой фракции, составляющие меньшинство, единогласно выступают против предлагаемого большинством решения, то последнее не может считаться принятым, даже при наличии простого и (или) квалифицированного большинства голосов парламентариев [2: с. 17]. Данное предложение видится как направленное на достижение согласия среди всех депутатов, то есть в идеале единогласного голосования.

Примечательно, что мировое сообщество признало эффективным метод единогласного принятия наиболее важных решений. Так, еще в Лиге Наций все решения, принимаемые на Ассамблее и Совете, требовали консенсуса, то есть единогласного голосования. Аналогичный порядок действует и в Совете Безопасности ООН. Принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности часто называют «правом вето», поскольку голосование «против», осуществленное одним из постоянных членов, блокирует принятие решения.

В Европе также предпринимались попытки создания принципов многосторонней консультации и единогласного голосования. Они были заложены в договоре о создании Экономического союза, подписанном правительствами Бельгии, Нидерландов и Люксембурга в 1960 году.

Вопрос единогласного голосования подымался главами Польши и Чехии в процессе обсуждения принятия проекта Евроконституции. По их мнению, в Конституции Европейского союза в процессе принятия решений приоритет должен отдаваться единогласному голосованию.

Однако даже единогласное принятие законов, как свидетельствуют исторический опыт и современная правовая действительность, не всегда гарантирует их легитимность.

Российская Федерация как член Совета Европы взяла на себя обязательства по соблюдению основных правовых стандартов: права человека, верховенство права и плюралистическая демократия. Данные принципы должны отражаться во всех сферах государства, в том числе и в законодательной деятельности. В Российской Федерации, в отличие от ряда европейских стран, парламентские традиции и процедуры не в полной мере сформировались, процесс их становления продолжается.

¹ Бентам И. Тактика законодательных собраний. URL: http://www.sotsium.ru/books/37/38/bentham_parliament.html (Дата обращения: 30.03.2014 г.).

Литература

1. Постановление Государственной Думы РФ от 21.09.2012 г. № 822-6 ГД «О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы.
2. *Васильева С.В.* Институционализация парламентской оппозиции как гарантия представительной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 3. С. 14–21.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 809 с.
4. *Кант И.* О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. на нем. и рус. языках: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. 311 с.
5. *Кистяковский Б.Л.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 690 с.
6. *Ковачев Д.А.* Парламентская процедура: понятие, виды, регламентация (на опыте зарубежных государств) // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. СПб., 1994. № 4. С. 188–197.
7. *Коврякова Е.В.* Особенности парламентского контроля в парламентарной республике (на примере ФРГ) // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 143–150.
8. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 672 с.
9. *Лившиц Р.З.* О легитимности закона. Теория права: новые идеи. Вып. 4. М.: ИГиП РАН, 1995. С. 18–26.
10. *Луман Никлас.* Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
11. *Монтескьё Ш.Л.* О духе законов. М.: Мысль, 1999. 397 с.
12. *Нерсисянц В.С.* Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 3–15.
13. Резолюция № 1601 (2008) «Процедурные рекомендации относительно прав и обязанностей оппозиции в демократическом парламенте». Парламентская Ассамблея Совета Европы // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 8. С. 13–16.
14. *Сипок Р.П.* Философско-правовое наполнение концепции государственной безопасности Российской Федерации // Глобальный научный потенциал. 2012. № 7 (16). С. 85–90.
15. Стенограммы пленарных заседаний Государственной Думы РФ, от 05.06.2012 г., от 13.07.2012 г., от 11.07.2012 г. Протокольный отдел Государственной Думы РФ.
16. *Черниченко С.В.* Очерки по философии и международному праву. М.: Научная книга, 2009. 770 с.
17. *Carl Schmitt.* Legality and Legitimacy Duke University Press Books, 2004. 216 p.
18. *Lipset S.M.* Political man. The social basis of politics. Ch. III: Social conflict. New York: Doubleday, 1959. 507 p.

References

1. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy' RF ot 21.09.2012 g. № 822-6 GD «O vnesenii izmenenij v Reglament Gosudarstvennoj Dumy' Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» // Avtomatizirovannaya sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti Gosudarstvennoj Dumy'.

2. *Vasil'eva S.V.* Institucionalizaciya parlamentskoj opozicii kak garantiya predstavitel'noj demokratii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2009. № 3. S. 14–21.
3. *Veber M.* Izbranny'e proizvedeniya. M.: Progress, 1990, 809 s.
4. *Kant I.* O pogovorke «Mozhet by't', e'to i verno v teorii, no ne goditsya dlya praktiki» // Soch. na nem. i rus. yazy'kax: v 4 t. T. 1. M.: My'sl', 1994. 311 s.
5. *Kistyakovskij B.L.* Social'ny'e nauki i pravo. Oчерki po metodologii social'ny'x nauk i obshhej teorii prava. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovy'x, 1916, 690 s.
6. *Kovachev D.A.* Parlamentskaya procedura: ponyatie, vidy', reglamentaciya (na opy'te zarubezhny'x gosudarstv) // Vestnik Mezhparlamentskoj Assamblei. SPb., 1994. № 4. S. 188–197.
7. *Kovryakova E.V.* Osobennosti parlamentskogo kontrolya v parlamentarnoj respublike (na primere FRG) // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 6. S. 143–150.
8. *Komlev N.G.* Slovar' inostranny'x slov. M.: E'KSMO-Press, 1999. 672 s.
9. *Livshicz R.Z.* O legitimnosti zakona. Teoriya prava: novy'e idei. M.: IGI P RAN, 1995. Vy'p. 4. S. 18–26.
10. *Luman Niklas.* Vlast' / Per. s nem. A.Yu. Antonovskogo. M.: Praxis, 2001. 256 s.
11. *Montesk'yo Sh.L.* O duxe zakonov. M.: My'sl', 1999. 397 s.
12. *Nersesyancz V.S.* Pravo kak neobxodimaya forma ravenstva, svobody' i spravedlivosti // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 10. S. 3–15.
13. Rezolyuciya № 1601 (2008) «Procedurny'e rekomendacii otnositel'no prav i obyazannostej opozicii v demokraticeskom parlamente». Parlamentskaya Assambleya Soveta Evropy' // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2008. № 8. S. 13–16.
14. *Sipok R.P.* Filosofsko-pravovoe napolnenie koncepcii gosudarstvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Global'ny'j nauchny'j potencial. 2012. № 7 (16). S. 85–90.
15. Stenogrammy' plenarny'x zasedanij Gosudarstvennoj Dumy' RF, ot 05.06.2012 g., ot 13.07.2012 g., ot 11.07.2012 g. Protokol'ny'j otdel Gosudarstvennoj Dumy' RF.
16. *Chernichenko S.V.* Oчерki po filosofii i mezhdunarodnomu pravu. M.: Nauchnaya kniga, 2009, 770 s.
17. *Carl Schmitt.* Legality and Legitimacy Duke University Press Books, 2004. 216 p.
18. *Lipset S.M.* Political man. The social basis of politics. Ch. III: Social conflict. New York: Doubleday, 1959. 507 p.

N.S. Klevtsova

Legitimacy of Laws and Parliamentary Procedures

The article deals with the concept of «the legitimacy of the law», «parliamentary procedure», examines the relationship between them, notes the importance of the institution of parliamentary procedures for the adoption of legitimate laws. The author makes the conclusion that parliamentary traditions and procedures in the Russian Federation, unlike in some European countries are not fully formed and the process of their development continues.

Keywords: legitimacy; parliamentary procedure; legality; legal law; unanimous vote.

А.В. Кочемасов

Опыт кодификации уголовного права в США в начале XIX в.

Статья посвящена изучению опыта кодификации уголовного права в США в начале XIX в. Раскрывается место кодификации среди иных способов систематизации уголовного права штатов и оценивается ее значение. На примере уголовных кодексов Джорджии 1816 г. и Луизианы 1826 г. анализируются сущность и особенности кодификации уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право; кодификация; систематизация законодательства; уголовный кодекс; США.

Идея кодификации зародилась в США еще в конце XVIII в., когда впервые на уровне отдельных штатов встал вопрос о необходимости систематизации действовавшего на их территории права. В течение довольно продолжительного времени основным способом поддержания актуального состояния уголовного законодательства являлась практика ревизий, выражавшаяся в составлении сборников, определенным образом систематизировавших (чаще всего посредством инкорпорации) принятые ранее уголовные статуты. Уже на рубеже XVIII и XIX вв. подобный метод систематизации уголовного права получил относительно равномерное распространение на всей территории США. Однако лишь некоторые штаты предпринимали попытки хотя бы частичного пересмотра собственного уголовного законодательства посредством включения каких-либо нововведений в разрабатываемые ими своды права. Методы более глубокого переосмысления уголовного права, предполагавшие, в частности, ревизию не только статутов, но и судебной практики, носили весьма ограниченный характер и не именовались «кодификацией права» (данный термин лишь впоследствии будет создан английским юристом Иеремией Бентамом) [9: р. 513].

Вместе с тем уже с начала XIX в. представления о кодификации права в США начали существенным образом меняться. Не в последнюю очередь это происходило под влиянием успехов европейского кодификационного движения, которое оказало значительное воздействие на правосознание американских юристов. В условиях, когда кодификация в Европе доказала свою эффективность в качестве средства систематизации уголовного права и источника преобразования его устаревших норм и институтов, обращение законодательных властей США к опыту европейских государств было вполне естественным и обоснованным шагом.

В то же время между предпосылками и условиями кодификации уголовного права в США и Европе существовали объективные различия. Во многом восприятию накопленного европейскими государствами опыта препятствовала несовместимость системы общего права, присущего США, с системой континентального права, в рамках которого кодификационные работы и достигли наибольших масштабов и успехов. Возможно, заимствование этого опыта являлось бы менее затруднительной задачей, если бы во всех штатах была проведена полноценная ревизия действовавшего права. Однако в большинстве из них таких условий в рассматриваемый период создано не было [4: р. 121].

В совокупности данные обстоятельства в значительной степени предопределили направление развития идеи кодификации уголовного права в США в начале XIX в. Хотя по некоторым параметрам кодификационные работы в США идейно и следовали европейскому опыту, они не могли определяться исключительно внешними факторами. Любые преобразования в области права, включая его кодификацию, должны были производиться с учетом условий быта конкретных штатов в целях сохранения правовой специфики каждого из них. Поскольку формирование уголовного права, в соответствии с Конституцией США, изначально включалось в компетенцию отдельных штатов, необходимости в каком-либо единообразии в способах законодательного урегулирования вопроса и методах его кодификации не существовало. В связи с этим власти штатов прибегали к различным механизмам систематизации уголовного права, что выразилось в заметном расхождении кодификационных работ.

В большинстве случаев legislatures штатов продолжали следовать пути дальнейшего совершенствования практики ревизий уголовного законодательства. Хотя составляемые ими своды законов и выполняли функцию систематизации уголовного права, уровень общей проработанности и организации правового материала отличался в них отнюдь не в лучшую сторону. Наиболее же осмысленные попытки разработать документ, который действительно соответствовал бы определению уголовного кодекса, в рассматриваемый период были предприняты в Джорджии и в Луизиане.

Работа над уголовным кодексом Джорджии началась в 1810 г. с создания в составе законодательного собрания штата специальной комиссии, в задачи которой вошли «систематизация, переработка и, если целесообразно, совершенствование уголовного кодекса этого штата» [8: р. 422]. Подобный объем полномочий предоставлял членам комиссии широкие возможности по пересмотру уголовного права штата, что, безусловно, положительным образом сказалось на результатах ее деятельности.

Известно, что разработчики уголовного кодекса Джорджии были знакомы с произведениями европейских правоведов, посвященных уголовному праву, и имели представление о сущности кодификации в Европе. Однако особым авторитетом среди создателей нового уголовного кодекса пользовались вовсе не европейские кодифицированные акты, а «Комментарии к английским законам»

(«*Commentaries on the Laws of England*») Уильяма Блэкстона. Во многом деятельность комиссии строилась по пути оценки и осмысления предложенных английским юристом способов структурирования закона, правил изложения нормативного материала в его тексте и т. д. Использование труда Блэкстона в качестве основы для уголовного кодекса штата являлось подтверждением того, что традиции английского общего права по-прежнему оказывали существенное влияние на подход американских юристов к вопросу о развитии права в США [6: p. 59–60].

Работа над уголовным кодексом Джорджии была завершена в 1811 г. В отличие от сводов уголовных законов других штатов он имел более эффективную внутреннюю организацию. Если ранее широко распространенная в штатах практика инкорпорации предполагала лишь объединение в одном документе сохранявших законную силу уголовных статутов без внесения в них каких-либо существенных изменений, то проект уголовного кодекса Джорджии предложил принципиально иной подход к решению данной проблемы. Его текст представлял собой единую, логически завершенную систему уголовно-правовых норм, последовательно сгруппированных по предметному критерию в соответствующие взаимосвязанные друг с другом главы и разделы.

Кроме того, в проекте уголовного кодекса Джорджии прослеживалось стремление законодателя к разделению норм на те, которые содержат общие положения, и те, которые закрепляют отдельные составы преступлений, что можно считать предпосылкой выделения в будущем в американских уголовных кодексах Общей и Особенной частей. Так, к примеру, разделы, открывавшие кодекс, содержали положения о лицах, способных совершать преступления. Также в кодекс был включен раздел, озаглавленный «Исполнители и соучастники» («*Principals and Accessories*»), а следом описывались правила обнаружения умысла в противоправных действиях лица, назначения наказания и т. п. нормы. Остальная же часть кодекса была посвящена конкретным составам преступлений, располагавшихся в тексте в соответствии с критериями их характера и степени общественной опасности от более тяжкого к менее тяжкому [8: p. 423–424].

Также данный вариант уголовного кодекса предполагал реорганизацию пенитенциарной системы штата, но поскольку на практике такие условия еще не были созданы, реализовать его предписания не представлялось возможным. В связи с этим рассмотрение проекта уголовного кодекса Джорджии было отложено на неопределенное время. Лишь в 1816 г., когда был завершен процесс модернизации системы исполнения наказаний, законодательное собрание штата возобновило работу над кодексом. Проведенная вновь ревизия уголовного права выявила необходимость доработки изначального проекта кодекса. Однако в этом же году уголовный кодекс Джорджии подвергся обновлению и был одобрен законодательным собранием штата.

Часть изменений коснулась его внутренней структуры. В новой редакции сохранялось импровизированное деление на Общую и Особенную части. Общие положения теперь были представлены разделами «Лица, способные

совершать преступления» («*Persons Capable of Committing Crimes*») и «Сочастники преступлений» («*Accessories in Crimes*»). Кроме того, определенным образом был расширен перечень уголовно наказуемых деяний, а также, в дополнение к поименованию каждого состава преступления в отдельной статье, в новой редакции кодекса сходные преступления объединялись в однородные группы, такие, например, как «Преступления против штата и его жителей» («*Crimes against the State and the people*»).

Необходимо также отметить, что уголовный кодекс Джорджии привнес существенные изменения в регулирование отдельных институтов уголовного права, изменив не только положения действовавших до этого статутов, но и нормы, сформулированные в ходе судебной практики. Например, помимо включения в текст закона определения преступного деяния, что само по себе являлось значительным новшеством, законодатель полностью переработал и упростил некоторые из составов преступлений. Заметные изменения претерпел и институт наказания, в том числе потому, что теперь в законе был закреплен полный перечень возможных мер уголовной ответственности.

С учетом того, что данный документ установил принципиально иную форму уголовного закона, а также внес существенные изменения в материальную составляющую уголовного права Джорджии, он считается первым в США уголовным кодексом [8: р. 420, 431]. Его разработка и принятие, несомненно, стали значительным шагом на пути к кодификации не только уголовного права этого штата, но и американского уголовного права в целом.

Другая заслуживающая внимания попытка кодификации уголовного права в рассматриваемый период имела место в Луизиане. В этом штате работы по созданию уголовного кодекса были практически целиком связаны с именем Эдварда Ливингстона — профессионального американского юриста и государственного деятеля. Именно Ливингстону, хорошо знакомому с действовавшим в Луизиане правом и разбиравшемуся в его тонкостях, было поручено создание уголовного кодекса, который должен был «устанавливать все уголовно наказуемые деяния, содержать их ясные и точные дефиниции, определять наказания за их совершение» [1: р. 160].

По свидетельству самого Ливингстона, он воспринимал свое назначение как возможность для экспериментирования и воплощения на практике собственных представлений о праве [2: р. 7]. Его интерес к кодификации не ограничивался одним лишь уголовным правом, а распространялся на всю сферу права. На это указывает тот факт, что в короткий срок под его руководством в Луизиане были разработаны и успешно введены в действие гражданский и гражданский процессуальный кодексы, а также велась подготовка торгового кодекса.

К созданию уголовного кодекса Ливингстон приступил в 1821 г. В своих начинаниях он не только руководствовался собственными соображениями, но и опирался на труды авторитетных европейских ученых, а также привлек богатый нормативный материал. Наибольшее влияние на деятельность

Ливингстона, безусловно, оказали взгляды Бентама. Отмечается, что идеи английского юриста в части, касающейся вопросов кодификации права, были восприняты им практически полностью. Принадлежащее Бентаму «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении» («*Traité de Législation Civile et Pénale*») во многом послужило отправной точкой для написания уголовного кодекса Луизианы. Ливингстон, как и Бентам, исходил из утилитарной идеи о необходимости упрощения права и его надлежащей систематизации. Целью кодификации в таком случае становилось создание единого набора писанных норм, достаточных для разрешения любого правового конфликта, который существует или может возникнуть в будущем [7: р. 1101].

Впрочем, Ливингстон полагался не на одни лишь труды Бентама и переписку с ним. Многие из идей, которые впоследствии нашли отражение в проекте уголовного кодекса Луизианы, были напрямую заимствованы им из работ авторов эпохи Просвещения: Беккариа, Дидро, Монтескье и Вольтера. Кроме того, Ливингстон не упустил из виду и практический опыт кодификации права в Европе. В основном его внимание было приковано к кодификационным работам во Франции, проводившимся в годы правления Наполеона.

В связи с тем, что правовая система Луизианы изначально подверглась сильнейшему влиянию европейского права, она значительно отличалась от правовых систем других штатов. Сформировавшееся в Луизиане в колониальный период право представляло собой сочетание французских и испанских правовых обычаев и традиций [6: р. 116–117]. С включением данной территории в состав США были инициированы процессы их синтеза с системой общего права, преобладавшей в остальной части государства. Однако с учетом того, что ядро правовой системы Луизианы составляло именно французское право, которому не было чуждо использование различного рода кодексов, возможность кодификации уголовного права и воспроизведения европейских достижений в этой области представлялись Ливингстону более чем реальными. Несомненно, уголовное право Луизианы должно было быть «американизировано», но при этом Ливингстон полагал, что поддержание уже наметившейся здесь тенденции к кодификации являлось наиболее верным способом развития правовой системы данного штата [6: р. 118–119].

Несмотря на то, что в основе кодификации уголовного права в Луизиане лежала преимущественно необходимость гармонизации и упорядочивания действовавшего права, стремление Ливингстона к ее проведению объяснялось еще и другими причинами. Подробнейшим образом его мотивация была раскрыта в серии докладов, предварявших рассмотрение проекта уголовного кодекса законодательным собранием штата [2]. В представлении Ливингстона кодификация права служила способом ограничения слишком широких полномочий судей, которыми они традиционно наделялись внутри системы общего права. Сложность и неопределенность («*uncertainty*») американского права, по его мнению, были в значительной степени вызваны именно неограничен-

ной правотворческой деятельностью судов, нередко приводящей к злоупотреблениям и вносящей разлад в единство правового регулирования [7: р. 1101].

Оценивая проект уголовного кодекса Луизианы с этих позиций, необходимо прийти к выводу о том, что он представлял собой попытку наиболее детального урегулирования всей сферы уголовного права в целях не только его систематизации, но и максимального ограничения возможности судейского усмотрения в данной области. В этом отношении следует отметить, что во многом предложенный Ливингстоном кодекс структурно и содержательно перекликался с уголовным кодексом Франции 1810 г., который также исходил из концепции наиболее полного законодательного контроля за сферой уголовного права.

Проект уголовного кодекса Луизианы состоял из пяти взаимосвязанных частей, каждая из которых, впрочем, вполне могла выступать в качестве самостоятельного кодифицированного акта. Нормы, посвященные материальной составляющей уголовного права, помещались в первой части документа, озаглавленной «Кодекс о преступлениях и наказаниях» (*«A Code of Crimes and Punishments»*). Остальные же части, хотя формально и были включены в проект документа, вошедшего в литературу под общим названием уголовного кодекса Луизианы, регулировали смежные вопросы: организацию уголовного процесса (вторая часть), сбор доказательств (третья часть) и исполнение наказаний (четвертая часть). Пятая часть акта содержала определения значительного числа встречающихся в нем терминов (вплоть до определения термина «право»), имеющих универсальное значение на протяжении всего текста [3: р. 641].

Что касается непосредственно Кодекса о преступлениях и наказаниях (далее — Кодекс), то он состоял из 690 статей, объединенных не только в главы и разделы, но и действительно разделенных на Общую и Особенную части. Полноценная Общая часть, представленная Книгой I, определяла действие закона во времени; круг лиц, подлежащих уголовной ответственности; обстоятельства, исключающие уголовную ответственность и освобождающие от нее; особенности назначения наказания при рецидиве, соучастии в преступлении и т. д. Книгу II условно можно охарактеризовать как Особенную часть, поскольку открывавший ее Раздел I также содержал ряд общих положений, в которых давалось определение понятиям «преступление», «наказание» и раскрывались их сущность и виды. Однако остальные 22 раздела последовательно закрепляли сгруппированные по предметному признаку нормы, устанавливавшие уголовную ответственность за совершение конкретных преступлений.

Данные черты Кодекса должны были в наивысшей степени обеспечить полноту правового регулирования уголовно-правовых отношений. В Кодексе прямо говорилось о том, что лишь те деяния, которые закрепляются в нем, являются преступлениями [3: р. 3, 30–31]. Ливингстон обосновывал необходимость введения подобной нормы в одном из сопроводительных докладов. Он полагал, что если наряду с уголовным кодексом действуют иные акты, устанавливающие уголовную ответственность, такой кодекс не может считаться

в полной мере эффективным, поскольку в этом случае отсутствовала бы надлежащая систематичность и последовательность в интерпретации и применении разрозненных норм на практике [2: р. 230–231].

Помимо новаторской формы проект Кодекса включал в себя множество нововведений, касавшихся содержательного аспекта уголовного права. Серьезному переосмыслению подверглись как институты Общей части Кодекса, так и отдельные составы преступлений. Кроме того, следует отметить общую либеральную направленность данного документа, выразившуюся, в частности, в полном отказе от института смертной казни — меры наказания, повсеместно применявшейся на территории США в данный период.

Работа над уголовным кодексом Луизианы была завершена в 1824 г. Однако, поступив на рассмотрение легислатуры штата в 1826 г., он не был ею одобрен. Какой-либо единственной причины, которая объясняла бы сложившуюся ситуацию, не существует. В целом следует полагать, что основными факторами, предопределившими судьбу данного проекта, все же являлись его установка на либерализацию уголовной ответственности и предвзятое отношение к идее судебного правотворчества. В условиях преобладания консервативного элемента в политико-правовой элите Луизианы любые кардинальные изменения в области права воспринимались по меньшей мере с опаской. Оценивая деятельность Ливингстона, современники упрекали его в злоупотреблении предоставленными ему полномочиями, поскольку в его обязанности входила лишь подготовка уголовного кодекса, но никак не создание целой системы уголовного законодательства штата [1: р. 167]. Весьма негативную реакцию проект уголовного кодекса вызвал и у подвергаемого Ливингстоном острой критике судейского сообщества. Несмотря на то, что элементы французского права продолжали сохранять свое значение в рамках правовой системы Луизианы, с течением времени традиции общего права находили в ней все большее выражение. Продвигаемые же Ливингстоном идеи об ограничении «судейского произвола» входили в прямое противоречие с наметившейся здесь тенденцией на усиление начал судебного правотворчества.

Вместе с тем разработка уголовного кодекса Луизианы, получившего в среде американских юристов название Кодекс Ливингстона, стала существенным шагом в развитии уголовного права США. Благодаря своей теоретической проработанности и высокой практической значимости, проект уголовного кодекса Луизианы выступил в рассматриваемый период в качестве примера для штатов, заинтересованных в проведении кодификации собственного уголовного права. Более того, Кодекс Ливингстона послужил эталоном и для более поздних сторонников кодификации, причем как в США, так и за рубежом [5: р. 313].

Как уже говорилось, в США в начале XIX в. способы систематизации уголовного права определялись каждым штатом самостоятельно. Кодификация уголовного права как одна из ее форм носила весьма разнообразный и несколько непоследовательный характер. Во-первых, она имела лишь очень ограниченное

распространение на территории США. Во-вторых, факторы и условия, предопределявшие необходимость проведения кодификации, ее сущность и конечные результаты, значительным образом различались в отдельных штатах. Вместе с тем на примере разработанных в Джорджии и Луизиане уголовных кодексов прослеживается все больший рост интереса среди американских юристов к идее кодификации уголовного права, причем не только в теоретическом, но и практическом плане. Предпринятые в этих штатах попытки разработать уголовные законы, действительно отвечавшие всем признакам кодифицированных актов, имели существенное значение для кодификации уголовного права в национальном масштабе. Следует признать, что, хотя в начале XIX в. кодификационные работы в области уголовного права и достигли в США лишь определенных успехов, они послужили необходимым фундаментом для начавшего оформляться здесь масштабного кодификационного движения, идеи которого во многом были основаны именно на полученном в данный период опыте.

Литература

1. *Beckman G.M.* Three Penal Codes Compared // *The American Journal of Legal History*. 1966. Vol. 10. № 2 P. 148–173.
2. *Chase S.P.* The Complete Works of Edward Livingston on Criminal Jurisprudence. Vol. I / Ed. by S.P. Chase. New York, 1873. 560 p.
3. *Chase S.P.* The Complete Works of Edward Livingston on Criminal Jurisprudence. Vol. II / Ed. by S.P. Chase. New York, 1873. 654 p.
4. *Cook C.M.* The American Codification Movement: A Study of Antebellum Legal Reform. Westport, Connecticut, 1981. 234 p.
5. *Ferdinand M.L.* R.S. Wright's Model Criminal Code: A Forgotten Chapter in the History of the Criminal Law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1981. Vol. 1. № 3. P. 307–346.
6. *Friedman L.M.* A History of American Law. New York, 2002. 620 p.
7. *Kadish S.H.* Codifiers of the Criminal Law: Wechsler's Predecessors // *Columbia Law Review*. 1978. Vol. 78. № 5. P. 1098–1144.
8. *Surrency E.C.* The First American Criminal Code: The Georgia Code of 1816 // *The Georgia Historical Quarterly*. 1979. Vol. 63. № 4. P. 420–434.
9. *Warren C.* A History of the American Bar. Washington, D.C., 2006. 604 p.

A.V. Kochemasov

Codification of Criminal Law in the United States at the Beginning of the 19th Century

The article is devoted to the issue of codification of criminal law in the United States at the beginning of the 19th century. The place of codification among other methods of systematization of law is studied, and its significance is considered. As illustrated by Georgia Criminal Code of 1816 and Louisiana Criminal Code of 1826 the essence and key features of codification of criminal law are analysed.

Keywords: criminal law; codification; systematization of legislation; the Criminal Code; the United States.

А.П. Панкова

Развитие норм уголовной ответственности несовершеннолетних в РСФСР в 1917–1926 гг.

В статье рассматривается процесс формирования нормативной базы о применении норм уголовной ответственности несовершеннолетних в РСФСР в период с 1917 по 1926 год. Проанализированы источники уголовного права Советской России в период их становления. Сделаны выводы о динамике уголовной ответственности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний; уголовное право; уголовная ответственность; преступление; наказание; воспитательные меры.

Несовершеннолетние являются особой категорией субъектов уголовной ответственности в силу возраста, психологических и физических качеств, которые необходимо учитывать при применении к ним мер уголовно-правового характера [2: с. 106–107].

В период формирования советского уголовного права нормы уголовной ответственности несовершеннолетних развивались с учетом специфики происходящих общественных, политических и социальных перемен в государстве. Так как Декретом «О суде» № 1 были отменены все правовые акты, действовавшие до революции, нормативную базу было необходимо разрабатывать с нуля.

На этапе принятия первых советских уголовно-правовых норм не уделялось достаточного внимания утверждению специальных правил об уголовной ответственности несовершеннолетних. Перед новой властью, прежде всего, стояла задача укрепления своего положения в стране и подавления контрреволюционных настроений. Поэтому в первых советских уголовно-правовых актах главным при определении виновности лица в преступлении являлся классовый признак, и ответственность устанавливалась для всех лиц, виновных в совершении преступлений, независимо от возраста. Например, по одному из самых первых актов Советской власти, Декрете «О борьбе со спекуляцией» от 15.11.1917 г., наказывались все лица, виновные в спекуляции, саботаже, скрывании запасов и пр. [6: с. 15].

В Декрете «О суде» от 24.11.1917 г. также не содержалось каких-либо специальных норм о несовершеннолетних. Судопроизводство определялось только по характеру и тяжести совершенного преступления независимо от возраста обвиняемого (п. 2 и 8 Декрета) [4: с. 85].

Первый наиболее систематизированный уголовно-правовой акт — Инструкция «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» от 19.12.1917 г. [6: с. 19] — не устанавливал отличительных норм и признаков привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних.

Таким образом, на начальном этапе формирования уголовно-правовых норм не уделялось внимания такому признаку субъекта преступления, как возраст. Для несовершеннолетних не предусматривался какой-либо особый порядок привлечения к уголовной ответственности.

Однако правовая база и практика ее применения активно развивались. Кроме того, тяжелая социальная обстановка в стране привела к повышению процента беспризорности и вовлечения несовершеннолетних лиц в совершение преступлений. В связи с этим законодатель стал уделять больше внимания профилактике детской преступности и формулированию норм об уголовной ответственности несовершеннолетних.

14 января 1918 года был принят Декрет СНК «О комиссиях для несовершеннолетних» [7: ст. 227]. Это первый советский уголовно-правовой акт, определивший позицию государства в отношении применения мер уголовно-правового характера к лицам, не достигшим совершеннолетия. В соответствии с положениями данного Декрета применение мер уголовного наказания и судебного разбирательства возможно было только к лицам, достигшим 17 лет. Следовательно, к лицам младше этого возраста могли применяться исключительно меры воспитательного воздействия.

В случае совершения лицом в возрасте до 17 лет общественно опасного деяния дело подлежало рассмотрению комиссией по делам несовершеннолетних. Комиссии находились в ведении Народного комиссариата общественного призрения, который был учрежден 1 (14) ноября 1917 года взамен Министерства государственного призрения Временного Правительства. С 26 апреля 1918 года он именовался как Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР.

Комиссии формировались в составе не менее трех человек. В них должны были входить представители ведомств общественного призрения, народного просвещения и юстиции. Также обязательно должен был присутствовать врач. Такой состав комиссии призван обеспечить учет особенностей несовершеннолетних обвиняемых.

Комиссии наделялись полномочиями помещать нарушителей в специально создаваемые учреждения — убежища — либо освобождать их. Решение принималось в зависимости от тяжести совершенного деяния.

Таким образом, Декрет СНК от 14.01.1918 г. установил, что приоритетной целью государства в борьбе с малолетней преступностью является перевоспитание с учетом характера совершенного деяния и личностных особенностей виновного. Однако в Декрете не содержалось каких-либо правил производства по рассмотрению дел в комиссиях, а также указаний на типы убежищ и оснований для освобождения субъекта от ответственности. Срок содержания в убежищах также

не устанавливался. В соответствии с ст. 5 Декрета, эти правила должны быть разработаны Народным комиссариатом общественного призрения.

Указанный комиссариат принял Постановление от 26.01.1918 г. «О переходе в ведение Народного комиссариата государственного призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении коллегии призрения несовершеннолетних», в котором установил, что приюты, колонии и учреждения призрения всех категорий и наименований переходят в ведение Комиссариата. В состав коллегии призрения входил Отдел несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях. Но данное постановление не содержало норм о порядке, сроках и основаниях содержания малолетних нарушителей в убежищах общественного призрения.

Следует отметить, что комиссии по делам несовершеннолетних являлись педагогическими органами и не руководствовались в своей деятельности уголовно-процессуальными нормами. Кроме того, их рассмотрению подлежали абсолютно все общественно опасные деяния независимо от квалификации. Отсутствовала дифференциация наказания. Как следствие, цель перевоспитания несовершеннолетнего не могла быть достигнута. Учитывая то, что Декрет о комиссиях был принят в период формирования Советского государства, то его нормы носили скорее декларативный характер, отражали стремление новой власти показать принципиально иной подход к уголовному наказанию [3: с. 59].

Также 23 июля 1918 года было принято Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового (временная Инструкция)». Согласно ст. 3 Инструкции к молодым преступникам лишение свободы применялось в виде помещения в реформатории и земледельческие колонии. В документе отмечалось, что данные учреждения являются воспитательно-карательными. Карательный отдел НКЮ РСФСР включал в себя Отделение по выработке воспитательно-трудовых методов и карательных мер, которое осуществляло руководство над применением указанных видов наказания.

В декабре 1918 г. в Москве был открыт первый реформаторий. В нем содержались главным образом лица в возрасте 18 лет и, как исключение, до 21 года. Срок пребывания в реформатории не был установлен. Реформатории создавались с целью «изъять из тюрьмы молодых людей в возрасте от 17 до 21 года и поместить последних в учебно-воспитательное заведение для обучения, воспитания и подготовки их к трудовой жизни путем преподавания практических знаний и путем расширения общего их интеллектуального развития» [1: с. 131].

Однако реформатории просуществовали только до 1919 года и были расформированы из-за отсутствия финансирования. Государство отдало предпочтение колониям, которые получили дальнейшее развитие в уголовно-исправительной системе РСФСР.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919 г. являлись первым систематизированным уголовно-правовым актом, обобщившим

опыт работы судов и революционных трибуналов [5: с. 219]. Пункт 13 Руководящих начал устанавливал возраст наступления уголовной ответственности — с 14 лет. К несовершеннолетним до 14 лет не применялось уголовное наказание. К ним применялись воспитательные меры (приспособления). К лицам в возрасте от 14 до 18 лет, действующим без разума, применялись воспитательные меры. Определение понятия «разумие» в Руководящих началах отсутствовало. Также не устанавливалось каких-либо льготных условий реализации мер уголовной ответственности к несовершеннолетним. К ним могли применяться все виды наказания, указанные в пункте 25. Снижение возраста уголовной ответственности было связано с продолжающимся ростом подростковой преступности, так как работа комиссий по делам несовершеннолетних была неэффективной и приводила к безнаказанности виновных.

30 июля 1920 года совместно Народным комиссариатом просвещения РСФСР, Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР и Народным комиссариатом юстиции РСФСР была принята Инструкция для комиссий по делам несовершеннолетних [8: ст. 308]. Данная инструкция содержала более подробные требования к деятельности комиссий. Решения комиссий становились обязательными для всех, а их неисполнение признавалось уголовно наказуемым деянием.

Комиссиям передавались дела в отношении лиц, не достигших 18 лет. Следовательно, опять повышался возраст уголовной ответственности по сравнению с Руководящими началами 1919 года. Примечанием к ст. 12 Инструкции устанавливался порядок определения возраста: либо на основании официальных документов, либо по опросу родителей и других лиц. Однако в связи со сложившейся в тот период социальной и политической обстановкой документы у граждан часто отсутствовали, а родственников было сложно установить. Для подобных случаев предусматривалась возможность проведения врачебной экспертизы.

Рассмотрение дел в комиссиях осуществлялось по протоколам и заявлениям государственных органов и родственников. Таким образом, только комиссии по своему усмотрению могли принять решение о передаче дела в суд в случае рецидивов или явной опасности лица для окружающих. Суды не имели полномочий по самостоятельному рассмотрению преступлений несовершеннолетних.

Еще одним существенным пунктом Инструкции являлось перечисление мер воздействия, которые могут применять комиссии (ст. 16). Все они носили воспитательный характер. Перечень был исчерпывающим. Данное положение позволяло систематизировать работу комиссий, которые ранее применяли самые различные виды мер по своему усмотрению. Также в Инструкции отмечалось, что заседания комиссий проходят в закрытом режиме.

Дела в отношении малолетних до 14 лет не передавались на рассмотрение комиссий, а разрешались в приемных и распорядительных пунктах, куда

поступали данные лица. Это правило устанавливалось и для несовершеннолетних до 18 лет, совершивших действия, не имеющие общественно опасного характера.

При этом Инструкция не содержала указаний на то, какими правовыми актами должны руководствоваться комиссии при рассмотрении дел. В связи с этим оставалась большая вероятность личного усмотрения членов комиссий при решении вопроса о виновности лица и мерах применяемого к нему воздействия.

Неполнота нормативного регулирования применения мер уголовной ответственности несовершеннолетних привела к принятию Декрета от 04.03.1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях». Данный акт окончательно установил, что несовершеннолетними признаются лица в возрасте до 18 лет. К ним не может применяться тюремное заключение и судебное разбирательство. Только в случае невозможности применения мер медико-педагогического воздействия комиссия передает дело на рассмотрение в народный суд.

27 февраля 1922 года был принят циркуляр «О сроках приговора к лишению свободы в отношении несовершеннолетних». В нем утверждалась нецелесообразность применения краткосрочного лишения свободы к несовершеннолетним, так как таким образом не достигается эффект перевоспитания [1: с 133].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. внес значительные изменения в нормы уголовной ответственности несовершеннолетних [9: с. 153]. Первый кодифицированный уголовно-правовой акт в ст. 18 устанавливал, что уголовное наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия. Лица 14–15 лет подвергались уголовному преследованию, судебному разбирательству и только после этого их дела передавались в комиссии. Такой порядок не учитывал возрастных особенностей правонарушителей. В целях регулирования порядка рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних был принят Циркуляр от 30.09.1924 г., содержащий правила, которыми надлежит руководствоваться при производстве уголовных дел, в которых участвуют несовершеннолетние. Циркуляр расширял права законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого в рамках расследования и судебного разбирательства, что позволяло обеспечивать более полную защиту его интересов. Однако не упоминалось о праве несовершеннолетнего на защитника. Данный пробел был восполнен Циркуляром от 17.11.1924 г. «О делах о несовершеннолетних», в котором указывалась обязанность суда назначить защитника, если суд считает это необходимым в конкретном деле. То есть сам обвиняемый и его законные представители не могли обеспечить себя защитником. Однако это был существенный шаг в сторону усовершенствования уголовного процесса в отношении несовершеннолетних.

Учитывая развитие нормативной базы и практики деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, был принят Декрет от 25.05.1925 г. «Об утверждении Положения о Центральной комиссии по делам несовершеннолетних». Пункт 4 Положения определял статус Центральной комиссии как высшего органа, направляющего, контролирующего и надзирающего за деятельностью местных комиссий по делам о несовершеннолетних. Центральная комиссия была подведомственна Народному комиссариату просвещения РСФСР. Главной целью создания Центральной комиссии являлось обобщение и систематизация деятельности государства в данной сфере.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года содержал целый ряд норм, конкретизирующих порядок применения мер уголовного наказания к несовершеннолетним. Следует отметить, что УК 1926 года заменил понятие «наказание» на термин «меры социальной защиты», подчеркивая тем самым, что в Советском государстве уголовно-правовые нормы не преследуют цели возмездия и кары, а направлены на перевоспитание и социальную адаптацию виновного. Хотя данная подмена понятий не имела должного эффекта и в последующем времени в уголовное законодательство вернулось понятие наказания.

Согласно ст. 12 УК РСФСР, меры социальной защиты судебно-исправительного характера (т. е. самые суровые и связанные с лишением свободы) не применялись к малолетним до 14 лет. К лицам от 14 до 16 лет такие меры применялись только после рассмотрения дела комиссией по делам несовершеннолетних, если она делала вывод о невозможности применения иных мер. К лицам, достигшим 16 лет, могли применяться меры судебно-исправительного характера без участия комиссий по делам несовершеннолетних.

Для несовершеннолетних УК РСФСР 1926 года установил особые виды мер социальной защиты медико-педагогического характера. К ним относились:

- отдача несовершеннолетнего на попечение родителей, родственников, если таковые имеют возможность его содержать, или иных лиц и учреждений;
- помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение.

Данные меры могли применяться как в качестве основного, так и в качестве дополнительного вида наказания.

Также данный нормативный акт определял особые правила применения мер судебно-исправительного характера к этой категории субъектов преступлений. Так, при назначении лишения свободы или принудительных работ срок их применения, установленный по общему правилу, подлежал обязательному уменьшению (для лиц от 14 до 16 лет — наполовину, для лиц от 16 до 18 лет — на одну треть).

Таким образом, развитие норм уголовной ответственности несовершеннолетних было, прежде всего, направлено на обеспечение перевоспитания виновного и его социальной адаптации. В период 1917–1926 годов формирование нормативной базы не носило системного характера, а отражало политические и социальные проблемы нового государства. В связи с этим борьба с детской

преступностью не была эффективной. Однако к 1926 г. уголовное законодательство было кодифицировано и содержало наиболее полные на тот момент правила о применении уголовного наказания к несовершеннолетним, которые получили дальнейшее развитие в последующих уголовно-правовых актах РСФСР.

Литература

1. *Ашин А.А.* Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних в период становления советского исправительно-трудового законодательства // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4 (5). С. 129–134.
2. *Борисова Н.Е.* Теоретические предпосылки формирования правового статуса несовершеннолетнего // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2012. № 1 (9). С. 101–107.
3. *Головченко А.В.* Становление и развитие законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних в первой половине XX века // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13. С. 59–62.
4. Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. 625 с.
5. *Пашенцев Д.А.* История государства и права России. М.: Эксмо, 2004. 320 с.
6. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. И.Т. Голякова. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1953. 464 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.
8. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1920 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. 818 с.
9. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1922 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1950. 1934 с.

References

1. *Ashin A.A.* Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody' v otnoshenii nesovershennoletnix v period stanovleniya sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'tva // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2007. № 4 (5). S. 129–134.
2. *Borisova N.E.* Teoreticheskie predposy'lki formirovaniya pravovogo statusa nesovershennoletnego // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2012. № 1 (9). S. 101–107.
3. *Golovchenko A.V.* Stanovlenie i razvitie zakonodatel'stva ob ugovolnoy otvetstvennosti nesovershennoletnix v pervoj polovine XX veka // Vestnik YUrGU. 2006. № 13. S. 59–62.
4. Dekrety' Sovetskoj vlasti. T. 1: 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury', 1957. 625 s.
5. *Pashencev D.A.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii. M.: E'ksmo, 2004. 320 s.
6. Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR. 1917–1952 gg. / Pod red. I.T. Golyakova. M.: Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoy literatury', 1953. 464 s.
7. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva za 1917–1918 gg. M.: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1942. 1483 s.

8. Sobranie zakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva za 1920 g. M.: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1943. 818 s.

9. Sobranie zakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva za 1922 g. M.: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1950. 1934 s.

A.P. Pankova

**The Evolution of Standards of Juvenile Criminal Responsibility
in RSFSR from 1917 to 1926**

This article includes the description of the formation process of rules about juvenile criminal responsibility in RSFSR from 1917 to 1926. The sources of criminal law in Soviet Russia during their formation are analysed and conclusions about the dynamics of juvenile criminal responsibility are made.

Keywords: juvenile; criminal law; criminal responsibility; punishment; educational measures.

Н.Н. Андреева

Обзор Всероссийской межвузовской научно-практической конференции «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика», памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского (24 апреля 2014 г.)

24 апреля 2014 г. на юридическом факультете Московского городского педагогического университета состоялась Всероссийская межвузовская научно-практическая конференция «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика», посвященная памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского.

Конференция традиционно состояла из пленарного заседания, работы секций и итогового совместного заседания. На пленарном заседании с приветствием к участникам конференции выступили декан юридического факультета Д.А. Ростиславлев и исполнительный директор Ассоциации юридических вузов В.И. Липунов.

В ходе своего выступления Д.А. Ростиславлев акцентировал внимание аудитории на основных событиях творческого пути профессора Ф.М. Рудинского, который вел успешную преподавательскую и научную деятельность в области прав человека. В 1963 г. Феликс Михайлович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Институт свободы совести по советскому государственному праву», а в 1980 г. — докторскую диссертацию «Теоретические проблемы личных конституционных прав граждан СССР».

С 1998 года профессор Ф.М. Рудинский работал в Московском городском педагогическом университете в качестве заведующего кафедрой Конституционного права и отраслевых дисциплин. В 2002 году Феликс Михайлович Рудинский поддержал инициативу создания независимого научно-исследовательского Института свободы совести и был избран его научным руководителем. В 2007 году он создал секцию по просвещению в области прав человека

Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

Феликс Михайлович опубликовал более 130 научных работ, и большая часть из них посвящена проблемам прав человека, вопросам формирования новой науки — науки прав человека.

Д.А. Ростиславлев отметил, что деятельность профессора Ф.М. Рудинского в Московском городском педагогическом университете способствовала созданию научной школы в области прав человека и той обстановки доброжелательности, которая сложилась на юридическом факультете.

На пленарном заседании были заслушаны доклады С. И. Фёклина «Проблемы защиты прав участников образовательного процесса», А.В. Росточкинского «Проблемы профилактики девиантного (делинкветного) поведения в школах города Москвы» и Н.Е. Борисовой «Проблемы защиты прав ребенка в городе Москве», посвященные актуальным проблемам прав человека, в том числе защиты прав ребенка в Российской Федерации.

После пленарного заседания участники конференции продолжили работу по секциям. Состоялись заседания пяти секций: современные проблемы теории и истории государства и права, перспективы развития и совершенствования отраслей частного права, тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства в России, международное гуманитарное право и права человека, свобода совести и толерантность.

Всего на конференции с докладами и сообщениями выступило более 80 человек: профессора, доценты, преподаватели, аспиранты и магистранты. Помимо МГПУ были представлены такие образовательные и научные учреждения, как Институт государства и права РАН, Высшая школа экономики, Российская академия правосудия, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, Рязанский государственный радиотехнический университет, ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», Покровский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российский государственный университет туризма и сервиса, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Международный юридический институт, Российский государственный социальный университет, Дипломатическая академия МИД РФ, МГУ имени М.В. Ломоносова и некоторые другие. Такой представительный состав участников свидетельствует о научной значимости и актуальности ежегодно проводимой конференции.

Среди наиболее интересных следует выделить доклады доктора юридических наук, профессора А.А. Дорской «Права человека и гражданина как индикатор целевой направленности правовых норм», кандидата юридических наук, профессора В.А. Северухина «Содержательные аспекты “системных и структурных проблем” пилотных постановлений Европейского суда по пра-

вам человека», доктора юридических наук, профессора Л.Ю. Грудцыной «Частное и публичное право в системе институтов гражданского общества», кандидата юридических наук, доцента Л.А. Буторина «О некоторых вопросах, возникающих в связи с реализацией новелл в стадии возбуждения уголовного дела», кандидата юридических наук, доцента Е.М. Павленко и кандидата философских наук, доцента А.А. Иванихиной «Права человека в условиях современных международных конфликтов».

В целом, все участники конференции при подведении ее итогов отметили творческую, конструктивную обстановку научной дискуссии, способствовавшую поиску новых подходов к решению актуальных проблем развития теории и практики прав человека.

А.А. Моисеев

**Рецензия на монографию:
Ястребова А.Ю. Международно-правовые
механизмы регулирования миграции:
доктринальные подходы и опыт
Российской Федерации
(М.: ВАКО, 2013. 464 с.)**

Монография Аллы Юрьевны Ястребовой «Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации» является результатом многолетней аналитической деятельности автора, который уже заслужил признание в научном сообществе как правовой эксперт в области миграции и прав человека.

В основу работы легли наиболее дискуссионные вопросы, которые вызывают несомненный интерес в современной науке международного права. Она состоит из трех разделов: 1) основные институты международно-правового регулирования миграции; 2) универсальные и региональные механизмы регулирования миграции и участие в них Российской Федерации; 3) международно-правовые аспекты предупреждения незаконной миграции и межгосударственные механизмы противодействия торговле людьми. В представленном исследовании впервые рассмотрены в едином контексте актуальные аспекты правового регулирования миграционных отношений.

Автор обоснованно применяет системный научный подход в самых малоизученных областях, которыми, например, выступают международно-правовые механизмы защиты мигрантов при вооруженных конфликтах, институты территориального и дипломатического убежища, правовой статус внутренне перемещенных лиц, европейские концепции приема вынужденных мигрантов; предупреждение незаконной миграции, торговли людьми и др. Сочетание глубокого анализа международно-правовых норм и норм законодательства Российской Федерации придает монографии особую актуальность и позволяет использовать ее содержание как основу для методического обеспечения ряда учебных курсов:

«Международно-правовое регулирование миграции», «Международное право прав человека» и «Международное гуманитарное право».

Специальное внимание А.Ю. Ястребова уделяет детальному изучению особенностей универсальных и региональных механизмов регулирования миграции, подводя теоретическую базу под понятие его правовых источников, систему специальных принципов и формы имплементации международно-правовых норм в национальном праве (с. 195–203). Такой подход представляется важным с точки зрения междисциплинарного обеспечения науки международного права, которое на сегодняшний день крайне нуждается в инновационных подходах, способных обеспечить интерес государств-участников к многосторонним моделям управления межгосударственными перемещениями людей. Как справедливо указывает автор, международно-правовые основы миграции связаны, прежде всего, с «правоотношениями между государствами, участвующими в миграционном обмене», и с «правом международных межправительственных организаций, действующих в этой области. Здесь государства объединены общими механизмами универсального уровня, направленными на защиту отдельных категорий иммигрантов» (с. 35).

Ключевым моментом монографии, на наш взгляд, выступает предложенное А.Ю. Ястребовой в разделе 2 деление общих механизмов международно-правового регулирования на те, которые предназначены для регламентации вынужденных межгосударственных перемещений, и те, что определяют воздействие государств на добровольную миграцию. Принципиально различные по своему назначению международно-правовые нормы в сфере вынужденных и добровольных перемещений дифференцированно влияют на иммиграционное законодательство принимающих государств. В связи с этим особую актуальность приобретает тезис о таком межгосударственном сотрудничестве, при котором принимающие государства вступают во взаимовыгодные международные договоры, обеспечивающие единообразную политику и стандарты в отношении разных категорий мигрантов. Тенденции универсализации и гуманизации международных миграционных отношений предполагают обоюдный интерес посылающих и принимающих государств в усилении правовой защиты трудящихся-мигрантов.

Что касается беженцев, лиц, ищущих убежище, и лиц, перемещенных внутри государства, то на фоне политической нестабильности и вооруженных конфликтов в государствах Ближнего Востока, Северной Африки и СНГ усиливается необходимость сохранения основных правовых подходов и достойного обращения с этими лицами. Вместе с тем, как смело подчеркивает автор, международному сообществу требуется пересмотреть классическое правовое понятие «беженец», уточнить основы предоставления территориального убежища и закрепить порядок оказания межгосударственной помощи в условиях внутреннего перемещения.

А.Ю. Ястребова замечает, что современные условия вынужденной миграции «заставляют государства приема активно использовать возможности международно-правового сотрудничества по поводу защиты людей» (с. 221).

Автор рассматривает эволюцию системы международно-правовой защиты вынужденных мигрантов, начиная с периода деятельности Лиги Наций, и приходит к выводу о возможности внесения дополняющих норм в содержание Конвенции о статусе беженцев 1951 года (с. 205–218).

Достоинством монографии также является предложенный автором анализ основ регионального международно-правового регулирования миграции на примере права Европейского союза, ОАГ и группы латиноамериканских государств, ОАЕ (сейчас Организация Африканского единства), СНГ и ЕврАзЭС. Специфика каждого регионального объединения государств определяется его потребностями, прежде всего, в области взаимного обмена трудовыми ресурсами как составляющего элемента единого интеграционного пространства. Нужно согласиться с авторским мнением о том, что сегодня мы наблюдаем «активное взаимовлияние национального права и региональных международных норм» в сфере миграции (с. 301). Стоит приветствовать самостоятельный подход к отдельному детальному изучению правовой регламентации вынужденных и добровольных перемещений на региональном уровне. Это подтверждается обширным списком соответствующих международных договоров государств-участников (с. 411–420).

Международно-правовому сотрудничеству государств по предупреждению незаконной миграции и торговли людьми посвящен отдельный раздел 3. Можно считать новацией подробный анализ правовых стандартов и задач, заложенных в существующих двусторонних межгосударственных договорах о реадмиссии. По мнению А.Ю. Ястребовой, нужно в обязательном порядке включать в такие типы договоров гарантии общепризнанных прав и свобод человека в отношении иностранных граждан, подвергшихся реадмиссии. По ее мнению, международно-правовые механизмы борьбы с незаконной миграцией «должны сочетать меры по ее предупреждению и соблюдение общепризнанных запретов в области прав человека» (с. 399).

Исследование А.Ю. Ястребовой хорошо «вмонтировано» во всю систему международного права, в современную концепцию государственного суверенитета, который также проявляется в делегировании полномочий государств для достижения совместных интересов и потребностей международного сообщества. Автор, показывая тесную связь международного и национально-го права в изучаемой сфере, указывает на существенную особенность, состоящую в том, что все действующие международные механизмы регулирования миграции могут быть реализованы только на территории конкретного принимающего государства (с. 401).

Можно утверждать, что российская наука и читатель обогатились достойным трудом, который представляет собой высокопрофессиональное исследование международно-правовых основ и перспектив регулирования современной миграции, соединяя в себе доктринальные научные подходы и приоритеты иммиграционного законодательства Российской Федерации.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2014, № 4 (16)**

Андреянова Надежда Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ГБОУ ВПО МГПУ (sky_dot@mail.ru).

Геворкян Елена Николаевна — доктор экономических наук, профессор, академик РАО, первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ (Gevorcian@mgpu.ru).

Грудцына Людмила Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАЕН, Почетный адвокат России (ludmilagr@mail.ru).

Дашковская Надежда Владимировна — аспирантка кафедры теории и истории государства и права ГБОУ ВПО МГПУ (nadin@rambler.ru).

Иванова Наталья Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (nyi@mail.ru).

Иванова Светлана Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, заведующая кафедрой «Гражданское право» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ivanovasal@yandex.ru).

Каминская Евгения Александровна — помощник судьи Брянского областного суда, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин НОЧУ ВПО «МНЮИ» филиал в г. Брянске (proffkuk-1944@yandex.ua).

Клевцова Наталия Сергеевна — аспирантка кафедры теории и истории государства и права ГБОУ ВПО МГПУ, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (natalia-klevcova@mail.ru).

Кочемасов Артем Владимирович — аспирант кафедры истории государства и права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Kochemasov.Artem@yandex.ru).

Кривенький Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Международного права и прав человека ГБОУ ВПО МГПУ (AndreyanovaNN@mgpu.jurist.ru).

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ГБОУ ВПО МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua).

Моисеев Алексей Александрович — доктор юридических наук, профессор, декан факультета международного права Дипломатической академии МИД России (moiseev@diplacademy.ru).

Панкова Анна Петровна — соискатель кафедры теории и истории государства и права ГБОУ ВПО МГПУ (anna_revina@mail.ru).

Ситдикова Любовь Борисовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ГБОУ ВПО МГПУ (LBSitdikova@mail.ru).

Томсинов Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, завкафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (tomsinov@mail.ru).

«MCTTU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2014, № 4 (16)

Andreyanova Nadezhda Nikolaevna — PhD in law, Assistant Professor, the criminal process and forensics department GBOU VPO MCPU (sky_dot@mail.ru).

Gevorkyan Elena Nikolaevna — Grand PhD in economics, Professor, academician of RAO, First Vice Rector of GBOU VPO MCPU (Gevorcian@mgpu.ru).

Grudtsina Ludmila Uryevna — Grand PhD in law, Professor, Finance University affiliated with the Government of the Russian Federation, a member of RANS, Honored Lawyer of Russia (ludmilagr@mail.ru).

Dashkovskaya Nadezhda Vladimirovna — postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, GBOU VPO MCPU (nadin@rambler.ru).

Ivanova Natalya Uryevna — PhD in law, Associate Professor of International Law Department of Russian State Pedagogical University named after Gertsen (nyi@mail.ru).

Ivanova Svetlana Anatolyevna — Grand PhD in law, Professor, Deputy First Vice Rector in academic and methodical work, head of the Civil Law department, Financial University affiliated with the Government of the Russian Federation (ivanovasa1@yandex.ru).

Kaminskaya Evgenia Aleksandrovna — assistant referee in Bryansk regional court, Lecturer, Department of Civil Disciplines NOChU VPO «MNYUI» Bryansk branch (proffkuk-1944@yandex.ua).

Klevtsova Natalia Sergeevna — postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, GBOU VPO MCPU, assistant of the deputy of the State Duma, the Federal Assembly of the Russian Federation (natalia-klevcova@mail.ru).

Kochemasov Artem Vladimirovich — postgraduate student of the history of the State and Law, Moscow State University named after Lomonosov (Kochemasov.Artem@yandex.ru).

Krivenky Alexander Ivanovich — Grand PhD in history, Professor, Professor of International Law and Human Rights, GBOU VPO MCPU (AndreyanovaNN@mgpu.jurist.ru)

Kuksin Ivan Nikolaevich — Grand PhD in law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of Criminal Law department, GBOU VPO MCPU (proffkuk-1944@yandex.ua).

Moiseev Aleksey Aleksandrovich — Grand PhD in law, Professor, the Dean of the Faculty of International Law, Diplomatic Academy of MFA Russia (moiseev@dipacademy.ru).

Pankova Anna Petrovna — external postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, GBOU VPO MCPU (anna_revina@mail.ru).

Sitdikova Lubov Borisovna — Grand PhD in law, Professor, Professor of Civil Disciplines, GBOU VPO MCPU (LBSitdikova@mail.ru).

Tomsinov Vladimir Alekseevich — Grand PhD in law, Professor, Head of the history of the State and Law, Moscow State University named after Lomonosov (tomsinov@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а.л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 — 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

10. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору Пашенцеву Дмитрию Алексеевичу (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 4 (16), 2014

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

Л.Ю. Ильина

Корректор:

Ю.В. Лункина

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВПО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. e-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 29.09.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем: 8 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.